

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Саратовский государственный университет генетики,
биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова»**

На правах рукописи

СЕМЕНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И НАСТРОЕНИЯ
В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1929 ГГ.**

5.6.1. Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент
Шалаева Надежда Владимировна

САРАТОВ – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3–25
ГЛАВА I. Теоретические основы исследования	26–64
1.1. Теория и методология диссертационного исследования	26–41
1.2. Историография исследования	42–64
ГЛАВА II. Общественное мнение и настроения в Саратовской губернии в условиях общегосударственного кризиса в 1917–1923 гг.	65–138
2.1. Формирование общественного мнения и настроений на государственном и региональном уровнях в 1917–1918 гг.	65–80
2.2. Общественное мнение и настроения в Саратовской губернии в условиях гражданской войны и «чрезвычайных мер» 1918–1922 гг.	81–109
2.3. Голод 1921–1923 гг. в Саратовской губернии: общественные настроения населения и реакции власти	110–138
ГЛАВА III. Эволюция общественного мнения и настроений в Саратовской губернии в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.)	139–192
3.1. Общественные настроения саратовского крестьянства в период утверждения и свертывания нэп (1921–1929 гг.)	139–164
3.2. Преобразования нэп в городе. Общественные настроения населения и реакции власти (1921–1929 гг.)	165–192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193–201
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	202–228
ПРИЛОЖЕНИЕ	229–262

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В современной российской историографии, начиная с 1990-х годов, активно развивается направление «новой локальной истории», которое выходит за рамки традиционного изучения политических и экономических процессов, смещая фокус на микроисторические исследования. В отличие от классической исторической науки, это направление рассматривает регионы России не как периферию центра, а как самостоятельные социокультурные системы со сложной внутренней динамикой.

Настоящее исследование посвящено проблеме динамики общественного мнения и настроений 1917–1929 гг. Оно особенно актуально сейчас, в условиях социокультурного кризиса и смены исторической парадигмы и позволяет более точно понять причины и следствия исторических процессов в контексте реакции общества на политику государства. На материалах Саратовской губернии предпринята попытка изучить общественное мнение и настроения, сформировавшиеся вследствие проводимой в указанный период советской властью политики.

Саратовская губерния в начале XX в. была крупнейшей в Нижнем Поволжье и имела сложную социальную структуру не только по профессиональному, но и по национальному признаку. Особенность географического положения губернии повлияла на то, что она оказалась на пересечении важнейших событий ранней советской истории. Масса нерешенных вопросов, вызванных Первой мировой войной, острая нехватка земли и перенаселение способствовали нарастанию революционных настроений в губернии. К 1917 г. аграрные возможности губернии, ее выгодное географическое положение, наличие в Саратове одного из самых крупных военных гарнизонов в Поволжье привели к тому, что регион стал ареной борьбы большевиков за власть. Развиваясь преимущественно как торговый и аграрный край, Саратовская губерния обрела известность одного

из беспокойных регионов в Поволжье, на ситуацию в котором повлияли, с одной стороны, близость к боевым действиям, разворачивающихся на Царицынском фронте и в Сальских степях, с другой – КОМУЧ в Самаре.

В сельской местности недовольные политикой большевиков крестьяне самоорганизовывались в вооруженные группировки. По характеру и охвату повстанческого движения Саратовская губерния наряду с Тамбовской может считаться одной из самых беспокойных для советской власти. Причиной тому стала неконтролируемая мобилизация, а также продразверстка, осуществляемая в губернии в 1918–1920-е гг. и вызвавшая острый продовольственный кризис. Вследствие политики саратовских большевиков отношение широких социальных групп населения к советской власти выразилось как негативное. Последствия голода в Поволжье, демографическая ситуация, хозяйственная разруха в сельской местности и городе не позволили достичь значительных результатов в ходе объявленного курса новой экономической политики.

Широкая палитра мнений, вызванных активным ходом революционных событий, гражданской войной, распространением голода и мероприятиями нэпа, с точки зрения изучения общественных настроений, делает регион репрезентативным. Исследование восприятия гражданами внутреннего курса советской власти в первые годы ее существования помогает глубже осмыслить современные общественные тенденции в России и спрогнозировать возможные результаты текущих и планируемых масштабных преобразований в социально-экономической и политической сферах.

Степень разработанности проблемы. Особенность изучения проблемы общественного мнения и настроений как социокультурного феномена, как реакции различных слоев российского, в том числе и саратовского общества на политику государства заключается в ее междисциплинарности и требует обращения к исследованиям не только

исторического плана, но и смежным с историей гуманитарными отраслями научного знания.

Исходя из междисциплинарного подхода, заявленного в диссертации, в основе историографического анализа заложен проблемно-хронологический принцип, который предполагает при анализе исследований предшественников выделение ключевых проблем в исторической хронологии.

В историографии выделяются следующие периоды, в рамках которых рассматривались интересующие нас проблемы:

1. **1950–1970-е гг.** — начало научной разработки в отечественной историографии темы революционных процессов и событий, а также общественно-политических преобразований периода советской власти.

При изучении трудов советских историков важно было сосредоточить внимание не столько на оценке, сколько на хронике событий. Парадигма исследований была заложена монографией в 3-х т. И.И. Минца «История Великого Октября»¹.

В это же время появляются первые региональные исследования, созданные на основе марксистско-ленинской методологии. Наиболее показательными образцами таких работ являются «Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937»² и «Советы Нижнего Поволжья в 1917 году»³.

Особенностью научных исследований указанного периода является высокая степень идеологизированности и невысокий уровень критической аналитики. В связи с этим основу историографической базы диссертации составили главным образом работы современных ученых.

2. **1960–1980-е гг.** – начало изучения в зарубежной и отечественной отрасли гуманитарного знания общественного мнения и общественного настроения и связанного с ним понятийного аппарата.

---

¹ Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х т. М.: Наука, 1977–1979.

² Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937. Саратов, 1957.

³ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Нижнего Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977.

Понятийно-категориальный аппарат («общественное мнение», «общественное настроение») в отечественной историографии, как одно из направлений интеллектуальной истории, формируется на рубеже XX–XXI вв. под влиянием школы Анналов в работах М. Блока, Л. Февра, Ле Гоффа и др.⁴ Разработка проблемы общественного мнения в отечественной науке начинается 1960-е гг. Первым к этой проблеме обращается А.К. Уледов в работе «Общественное мнение советского общества» (1963). С конца 1960-х гг. – по начала 1990-х гг., благодаря работам Б.А. Грушина, начала формироваться исследовательская база.⁵

Большое влияние на разработку проблемы общественного мнения и настроения в отечественной историографии оказали исследования В.П. Булдакова⁶, С.В. Ярова⁷. Настроениям крестьянства посвящены диссертационные исследования М.В. Кузнецова⁸, А.А. Рогач⁹, С.П. Погадаева¹⁰, А.А. Шалыгина¹¹, Ж.В. Яковлевой¹².

В рамках научного направления «Власть и общество» сохраняет свою актуальность изучение механизмов выстраивания дискурсивного взаимодействия между институтами власти и гражданскими акторами. Особую значимость данный подход приобретает при анализе «переходных»

⁴Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986; Февр Л. Бои за историю. М., 1990; Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентации на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.

⁵Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений (проблемы методологии исследования общественного мнения). М., 1967; Он же: Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987; Он же: У нас в гостях Борис Андреевич Грушин // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 83 – 86.

⁶Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Он же: Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени России. 1920 – 1930 гг. М., 2012.

⁷Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Он же: Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999; Он же: Человек перед лицом власти. 1917-1920-е гг. М., 2014.

⁸Кузнецов М.В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.

⁹Рогач А.А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918 – 1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009.

¹⁰Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010.

¹¹Шалыгин А.А. Национальная политика Советского государства в 1917 –1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010.

¹²Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2017.

эпох и периодов системного кризиса. Именно в такие моменты изучение общественных настроений и формирования публичной сферы позволяет не просто констатировать факты, но и выявить глубинные причинно-следственные связи, лежащие в основе крупных исторических трансформаций, а также вскрыть их внутреннюю противоречивость.

3. **1990–2020-е гг.** – смена научной парадигмы и лингвистический поворот способствовали выделению в отечественной и зарубежной историографии новых тем в изучении советской истории;

- письма во власть как реакция на деятельность государственных и местных органов власти, а также политических и государственных деятелей;

- политический контроль как реакции общества на социальные практики граждан с целью поддержания стабильности государства;

- изучение революционных процессов на региональном уровне и политика саратовских большевиков 1917–1929 гг.

Одной из первых российских работ, в которой на большом источниковом материале анализируются проблемы общественного мнения на рубеже 1920–1930-х гг., стала монография С.А. Шинкарчука¹³. Историк анализирует «неофициальное общественное мнение». ему взаимосвязи повседневности и общественных настроений раннего советского государства от политики военного коммунизма до свертывания нэп активно развивала в своих исследовательских практиках Н.Б. Лебина¹⁴.

На указанном историографическом этапе одним из наиболее активно разрабатываемых пластов источников стали так называемые письма во власть. С середины 1990-х гг. стали активно издаваться сборники документов под редакцией А.К. Соколова¹⁵, А.Я., Лившина¹⁶, И.С. Кузнецова¹⁷,

¹³Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада), СПб., 1995.

¹⁴Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Она же: Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. СПб., 2018.

¹⁵Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997.

¹⁶Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; Он же: Письма во власть. 1917 – 1927. Заявление, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

В.И. Шишкина¹⁸, которые базируются если не в основном, то в значительной мере на публикации писем во власть¹⁹. К данному периоду времени относится также появление диссертаций²⁰ и множества статей, авторы которых в разной степени профессионально и успешно анализируют потенциал последних в качестве главного исторического источника²¹.

Еще одной группой исследований, использованных автором в диссертационной работе, являются материалы политического контроля, имевших до недавнего времени гриф «совершенно секретно». У истоков этого направления был В.С. Измозик, чьи работы сегодня стали хрестоматийным²². Он впервые ввел в научный оборот понятие «политический контроль», а также разработал методологию исследования феномена данного явления. С началом 2000-х гг. исследователи обращают внимание на трансформации систем политического контроля, на изменения его содержания, методы осуществления, принципы организации в тех или иных исторических реалиях (С.Е. Майшев²³, А.П. Катков²⁴, А.Э. Скоропад²⁵,

¹⁷ Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001.

¹⁸ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917–май 1921 г.). Новосибирск, 2015.

¹⁹ Ибрагимов Д.Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Кричко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920 – 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

²⁰ Кузнецов И.А. Письма в Крестьянскую газету как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: М., 1996.; Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России. 1917–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 509 с.; Шалаева, Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014.

²¹ Пушкарев В.С. Письма граждан как уникальный источник по финансовой истории России (СССР) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступления. М., 1999. С. 151–155; Червякова Е.М. Прощения как источник по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX–начала XX в. // Словоцковские чтения-2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2005. С. 201–202; Клинова М.А. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. М., 2012, № 4. С. 300–305; Ким В.И. Лозунги в политическом языке раннего советского общества (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1924-1925 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 4. 2015. С. 34–44; Давыдов Д.В. Крестьянские Письма во власть: из опыта 1920-х годов // Современные исследования в гуманитарных и общественных науках. Т. 1. 2015. С. 6–8.

²² Измозик В.С. Политический контроль Советской России 1918–1928 гг. автореферат. дис. ... д-ра ист. наук: СПб., 1995; Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России 1918–1928 гг. СПб., 1995; Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–35.

²³ Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России: 1880–1922 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук: М., 2007.

²⁴ Катков А.П. Политический контроль в советском обществе в 20-30-е годы: дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2000.

А.А. Слезин²⁶, А.С. Смыкалин²⁷). Интерес к теме возрастает и в связи с обращением авторов к региональному аспекту политического контроля, которая вызвана огромным объемом не опубликованных архивным материалов. Указанным проблемам посвящены работы С. А. Дианова²⁸, Н.В. Офицера²⁹.

В процессе диссертационного исследования было установлено, что большое влияние на динамику общественных настроений всех социальных групп населения Саратовской губернии оказал голод 1921–1923 гг. Аналитический базис по данной проблематике стал складываться, собственно, уже во время описываемых событий. Известны публикации того периода, посвященные причинам и последствиям бедствия, а также – помощи, которую оказывали голодавшим иностранные организации.³⁰

В начале 1990-х гг. начался новый этап в изучении темы. В это время появляются исследования В.А. Полякова³¹, А.А. Васильева³², посвященные первому советскому голоду на территории Саратовского Поволжья. Роль иностранных общественных организаций в борьбе с голодом, подробно рассмотрены в диссертациях В.А. Кнуровой³³ и Т.Ю. Бондаренко³⁴, а также ряд статей, освещавших работу зарубежных организаций.³⁵

²⁵Скоропад А.Э. Комсомол как объект открытого политического контроля: 1918–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2013.

²⁶Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР 1918–1929 гг. М., 2009.

²⁷Смыкалин А.С. Тайный политический контроль в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2005. С. 79–88.

²⁸Дианов, С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919–1929 гг. Пермь, 2008.

²⁹Офицера Н.В. Политический контроль в промышленном сообществе в 1920-е гг.: на материалах Северо-Запада России : дис. ... канд. ист. наук: СПб., 2010.

³⁰Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922; Выходцев С. Помощь иностранцев голодающим детям Поволжья. М., 1922.

³¹Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010.

³²Васильев А.А. Продовольственная политика Советского государства в 1918-1920 гг.: На материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.

³³Кнурова В.А. Деятельность российских и иностранных организаций по ликвидации голода 1921-22 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2007.

³⁴Бондаренко Т.Ю. Вклад Миссии Фритьофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е годы: автореферат дис. ... канд. ист. наук: Тамбов, 2016.

³⁵Помогалова О.И. Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921–1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья) // Вопросы исторической науки. Материалы II междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). 2013. С. 22–25.; Аншакова Ю.Ю. Из

Из современных трудов, посвященных обозначенной выше теме, стоит выделить такие ставшие основополагающими издания, как «Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941)»³⁶ и «История Саратовского края с древнейших времен до наших дней»³⁷. Их авторство принадлежит коллективу преподавателей СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Достоинством первого издания является использование широкого перечня неопубликованных архивных материалов. Следует отметить, что, выдержанное в духе времени, оно не лишено антисоветской направленности в оценке изложения исследуемых событий. Во втором издании на основе опубликованных в нем документов (протоколы собраний местной партийной организации, рапорты, отчеты уполномоченных лиц и т.д.), дано более подробное и глубокое понимание событий истории Саратовского региона периода революции и первого десятилетия советской власти.

Достаточно широко тема взаимодействия власти и общества представлена в зарубежной историографии. В связи с этим в первую очередь стоит выделить работы ученых С. Уайта, Ш. Фицпатрик, Г. Фриза, Р. Стайнса, С. Дэвис³⁸. Среди переводных работ выделяются труды Ричарда Пайпса, в которых оценочные суждения превалируют над фактами³⁹. В качестве противовеса необходимо выделить взгляд на события советской истории американского историка советского происхождения Александра Рабиновича. В книге «Большевики у власти. Первый год советской эпохи в

простого человеколюбия: о работе международного союза помощи детям в Поволжье во время голода начала 1920-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 3. С. 76–81.

³⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Саратов, 2006.

³⁷ История Саратовского края с древнейших времен до наших дней / под ред. Данилова В.Н., Булычёва М.В., Воронежцева А.В., Гуменюка А.А., Тотфалушина В.П., Тотфалушина Л.А. Саратов, 2008.

³⁸ White, S. Political Communications in the USSR. Letters to the Party, State and Press // Political Studies. 1983. Vol. 31, no. 1. P. 43–60.; Fitzpatrick, Sh. Readers' Letters to Krest'ianskaiaGazeta, 1938 // Russian History. 1997. Vol. 24, no. 1–2. P. 149–170; Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // The Journal of Modern History. 1996. Vol. 68, no. 4. P. 831–866.; Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review. Spring 1996. Vol. 55. Number 1. P. 78–105; Freeze G.L. From Supplication to Revolution: A Documentary Social History of Imperial Russia. Oxford, 1988; Figes, O. A People's Tragedy: a History of the Russian Revolution: 1891–1924. New York: Penguin Books, 1998; Smele, J. D. The Russian Revolution: From Tsarism to Bolshevism. Queen Mary, University of London. 2009; Lih, T. Lars. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley: University of California, 1990; Lincoln, B. W. Armageddon. Russian War and Revolution. New York: Simonand and Schuster, 1986; Sanborn, J. Drafting the Russian Nation: Military Conscriptioin, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003.

³⁹ Пайпс Р. Русская революция в 3 т. Т. 2. Россия под большевиками. М., 1997.

Петрограде», он на большом архивном материале доказывает, что жесткая политика большевиков была реакцией на хаос, а репрессивная система, о которой писал Пайпс, сложилась лишь в начале 1930-х гг.⁴⁰ Дональд Рейли в исследованиях о Саратовской губернии показывает главным образом региональную специфику революции, где большую роль играли и местные активисты, а не только центральная власть.⁴¹

Таким образом, проанализированный автором опыт отечественной и зарубежной историографии свидетельствует о том, что, несмотря на накопленный научный материал, в настоящее время отсутствует комплексное исследование, посвященное изучению общественных настроений и мнений в Саратовской губернии в исследуемый период.

В связи с этим **целью** диссертационного исследования является комплексное исследование эволюции общественного мнения и настроений в Саратовской губернии в 1917–1929 гг. как реакции на политику местных большевиков.

Раскрытию и реализации цели исследования служат следующие **задачи**:

1. На основе анализа источников и научной литературы выявить сущностные характеристики и структурные элементы концепта «общественное мнение и настроения».

2. Выявить специфику общественного мнения и настроений населения Саратовской губернии в контексте общероссийских политических и экономических процессов.

3. На основе контент-анализа писем во власть и материалов политического контроля проследить эволюцию и динамику общественного

---

⁴⁰ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008.

⁴¹ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.; Он же *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922*. Princeton, Oxford, 2002.; Он же. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестник самарского государственного университета: Гуманитарный выпуск. 2001. № 1 (19). С. 17–18.

мнения и настроений населения Саратовской губернии как реакции на политику советской власти в регионе.

4. Изучить формы и содержание дискурса власти и различных социальных групп населения Саратовской губернии.

5. Выделить формы социальных и поведенческих практик жителей Саратовской губернии, сложившиеся под влиянием политики местных большевиков в первое десятилетие советской власти.

Объект исследования – общественное мнение и общественное настроение, выраженное в дискурсе и общественных практиках различных социальных групп.

Предмет исследования – динамика общественного мнения и настроений населения Саратовской губернии как реакция на властные практики центральной и местной власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1917 г. по 1929 г. 1917 г. стал переломным в истории России. Октябрьская революция 1917 года, приведшая большевиков к власти, образование нового правительства и развертывание Гражданской войны потребовали от революционеров не только укрепления своих позиций, но и легитимации создаваемой политической системы. Это неизбежно повлекло за собой усиление идеологической работы с населением.

Верхняя временная граница исследования – 1929 г. – связана с годом «большого перелома». Как известно, постепенное свертывание новой экономической политики и переход к индустриализации привели к изменению общественных настроений городского и сельского населения. На фоне вынужденного завершения нэпа произошла ликвидация последнего, правого, уклона в ВКП(б). Итоги внутривластной борьбы имели далеко идущие последствия, связанные с окончательным оформлением политической системы советского общества и отказа от внутривластной и общественной демократии.

Территориальные рамки исследования очерчены административными границами Саратовской губернии в исследуемый период 1917–1929 гг. Несмотря на то, что губерния являлась одним из типичных примеров со смешанной аграрно-промышленной экономикой и схожими с другими областями социальным и профессиональным составом, события первого послереволюционного десятилетия имели ряд уникальных особенностей. В отличие от других территориальных образований (соседние Самарская и Оренбургская губернии), в Саратовской губернии большевики контролировали занятые территории на протяжении всего периода Гражданской войны. Более того, регион являлся важным стратегическим аванпостом на Восточном фронте. В тоже время, вследствие политики военного коммунизма и подрывной деятельности противоборствующих политических сил (эсеры и меньшевики) в губернии отмечался рост протестных настроений, закономерным результатом которых стали восстания как в центре, так и на периферии.

После окончания Гражданской войны, регион столкнулся с исключительными вызовами: из-за деятельности повстанческих формирований, сохранялось военное положение; последствия голода 1921–1923 гг. не привели к быстрой реализации нэпа, а свёртывание новой экономической политики в отличии от других регионов Поволжья не вызвало мощного сопротивления населения.

Изучение динамики общественного мнения и настроений населения Саратовской губернии в ответ на события отечественной истории позволяет проследить то, как общероссийские процессы трансформировались на региональном уровне, проанализировать механизмы реализации реформ центральной власти на местах, выявить специфику восприятия преобразований различными социальными группами, а также оценить степень социальной напряженности в период радикальных изменений. Исследование региональных особенностей Саратовской губернии дает возможность дополнить общую картину социально-экономических

преобразований в стране, выявить различия между официальной политикой и ее практическим воплощением, углубить понимание местной истории, обогатив таким образом знания о развитии региона. Подобный подход к исследованию позволяет не только увидеть общероссийские тенденции, но и выявить уникальные черты развития отдельного региона в переломный исторический период.

Источниковая база представлена широким кругом исторических документов, изучение которых позволяет решить обозначенные в исследовании научные проблемы. В результате проведенного анализа удалось выделить следующие ее группы.

В первую группу источников объединены опубликованные и неопубликованные документы официального происхождения. Это – «письма во власть», направляемые гражданами Советской республики в государственные инстанции и политической элите, а материалы политического контроля: секретные донесения и сводки губчека, письма секретарей партийных организаций в ЦК РКП (б), доклады и отчеты инструкторов информационных отделов ЦК РКП (б).⁴²

Важнейшими источниками, позволяющими выявить концептуальные основы государственной политики и логику проводимых преобразований в исследуемой сфере, выступают нормативно-правовые акты и документы делопроизводственного характера центральных и региональных органов власти. Значительная доля документов, к которым диссертант обращается в исследовании, находится в фондах федеральных и региональных архивов РФ. Это, Государственный архив РФ – ГАРФ, Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ, Государственный архив Саратовской области – ГАСО, Государственный архив новейшей истории Саратовской области – ГАНИСО. В исследовании также использованы документы архива УФСБ по Саратовской области, рукописно-

---

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43, 120, 121; Оп.6. Д. 278; Оп. 31. Д. 172; Оп. 38. Д. 375, 376; Оп. 65. Д. 60, 61, 62, 141; Оп. 67. Д. 149, Д. 151, Д. 152, Д. 240; Оп. 68. Д. 348; Оп. 84. Д. 291.

документальные материалы Саратовского областного музея краеведения и музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского.⁴³

Большинство материалов, относящихся к мониторингу общественного настроения населения Саратовской губернии, находятся в 17 фонде РГАСПИ (Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)). В первую очередь, это письма, направляемые секретарями губкома в ЦК на имя ведущих партийных деятелей, специальные тематические подборки писем, инструкторские отчеты, запечатлевшие реакции населения на те или иные партийные кампании и мероприятия, сводки общественных и политических настроений. В фонде 17 проанализированы дела, находящиеся в следующих описях: Информационный отдел ЦК ВКП(б). (1924–1926) (оп. 31); Секретно-оперативный отдел, Бюро Секретариата, Секретного отдела (1920–1934) (оп. 33); ЦК ВКП(б). Отдел руководящих партийных органов. (1910–1936) (оп. 38); Общий отдел ЦК РКП (б) (1918–1921) (оп. 65); Переписка организационно-распределительного отдела с местными партийными органами (1920–1930) (оп. 67); ЦК ВКП(б). Организационно-распределительный отдел (1920–1929) (оп. 68); ЦК РКП(б). Бюро секретариата (1918–1926) (оп. 84).

В качестве источников использованы письма читателей и корреспондентов в редакцию «Рабочей газеты» (фонд 610), характеризующие широкое общественное мнение по разным сторонам социально-экономической жизни трудящихся.

Материалы ГАРФ способствовали изучению общественно-политической ситуации в период голода в Поволжье в 1921–1923 гг..

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 71; Ф. Р-1058. Оп. 1. Д. 70.; Р-1064. Оп. 1. Д. 16, Д. 32, Д. 182; Оп. 5. Д. 76; Оп. 7. Д. 12; Р-6836. Оп. 1. Д. 22. ГАСО. Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 2; Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 1; Ф. Р-521. Оп. 1. Д.1, Д. 23, Д. 47, Д. 181, Д. 349, Д. 574, Д. 643, Д. 669, Д. 670, Д. 718, Д. 755, Д. 785, Д. 901; Ф. Р-3586. Оп. 1. Д. 121; Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 6, Д. 79. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 14; Д. 18, Д. 51, Д. 54, Д. 63, Д. 46, Д. 54, Д. 196, Д. 202, Д. 210, Д. 214, Д. 452, Д. 453, Д. 498, Д. 502, Д. 542, Д. 543, Д. 588, Д.795, Д. 799, Д. 804, Д. 815, Д. 816, Д. 851, Д. 891, Д. 893; Оп. 2. Д. 14, Д. 795, Д.799, Д. 804, Д. 815, Д.832, Д. 1424; Оп. 3. Д. 142, Д. 509, Д. 536, Д. 537, Д. 924; Оп. 4. Д. 14, Д. 40, Д. 41, Д. 42, Д. 65, Д. 157, Д. 257, Д. 445, Д. 461, Д. 572, Д. 668, Д. 874, Д. 876, Д. 896, Д. 923, Д. 981. Архив УФСБ России по Саратовской области. Дело арх. № 1123 Ф.1. Оп. 1. Д. 1; СМК 20875/17, СМК 20881/7, СМК 20881/2, СМК 20881/19, СМК 20881/3, СМК 20881/20, СМК 20881/3, СМК № 9564, СМК № 574; МНГЧ ОФ 529/5; 7347/2859 МНГЧ ОФ 7347/2859.

Диссертантом были исследованы дела фонда Р-1064 – Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете. Описи 1, 5, 7. Это переписка представителей местного Помгола с центральным, а также докладные записки и рапорты уполномоченных лиц о происшествиях, связанных с расхищением и спекуляцией продовольственных товаров.

Достаточно большую долю в общей источниковедческой базе занимают материалы двух региональных архивов – ГАСО и ГАНИСО. В фонде № Р-521 ГАСО представлены материалы Саратовского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Это телеграфные сводки, доклады, переписка, протоколы, письма, в которых зафиксированы общественные настроения широких слоев населения по таким важным вопросам, как отношение крестьян к продразверстке, мобилизации в Красную армию, реакции на задержку заработной платы, безработицу со стороны рабочих. В ГАНИСО в фонде 27 представлены официальные документы Саратовского губернского партийного комитета. В исследование использована информация из докладов и протоколов собраний граждан по организации комитетов деревенской бедноты, протоколов пленумов и заседаний губкома; отчеты и сводки уполномоченных губкома, укомов и волкомов о политическом и экономическом состоянии губернии, тезисы и обращения губкома к крестьянам, доклады о проведении продовольственной кампании по губернии, переписка губкома с ячейками, обзоры и политсводки ОГПУ.

Таким образом, диссертантом были исследованы и проанализированы 118 дел 17 фондов центральных и региональных архивов и музеев. В ходе исследовательской работы удалось ввести в научный оборот ранее неиспользованные архивные материалы. Однако работа с источниками осложнялась рядом факторов: отсутствием чёткой систематизации в архивных фондах, сложностями атрибуции документов и их неудовлетворительной сохранностью.

Вторая группа источников представлена статистическими материалами (статсборники и справочники), опубликованными по результатам переписей 1920-х гг.⁴⁴ Их изучение позволяет автору проанализировать и верифицировать динамику социального состава населения Саратовской губернии, выделяя характерные региональные особенности, что нашло отражение в общественном мнении и настроениях всех социальных групп региона. Основная сложность обработки статистических материалов заключается в необходимости сопоставления разночтений между предварительными и окончательными данными, содержащимися в источниках.

В третью группу источников входят работы ключевых политических фигур того времени, непосредственно участвовавших в формировании идеологического курса, политической системы, социальных преобразований и экономической стратегии государства. Это – статьи Председателя Совнаркома В.И. Ленина, генерального секретаря ЦК РКП (б) И. В. Сталина, членов Политбюро ЦК ВКП(б) Н.И. Бухарина и Г.Е. Зиновьева.

В четвертую группу источников включены материалы периодической печати. Среди региональных изданий наибольшим влиянием в губернии пользовались газеты «Социал-демократ» (издававшаяся до января 1918 года) и «Саратовские известия» (официальный орган губернского исполкома). Они выполняли ключевую роль в информационном пространстве, представляя как общегосударственные законодательные акты, так и местные нормативные документы. На их страницах всесторонне освещались вопросы государственного строительства, социально-экономических преобразований и культурной жизни на всех уровнях: от общегосударственного до регионального.

---

⁴⁴ Статистический сборник по Саратовской губернии 1923 г. Саратов, 1923; Численность населения Саратовской губернии по данным демографическо-профессиональной переписи 28 августа 1920 г. Саратов, 1921 г.; Тяжесть обложения в СССР: Социальный состав, доходы и налоговые платежи Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг. М., 1929. М., 1929 и др.

Особое внимание уделялось пропагандистской деятельности, включая масштабные агитационные кампании, имевшие существенное значение в текущей политической ситуации. При актуализации таких проблемных событий всесоюзного масштаба, как массовый голод в Саратовской губернии, автор обращается к электронному архиву одной из главных партийных газет «Правда», в которой публиковались статьи известных деятелей науки, искусства и литературы, а также письма читателей. А в материалах региональных газет «Коммунистический путь» и «Поволжская правда» нашли отражение оценка и мнения о новой экономической политике.

Не включение в названную группу радиоматериалов объясняется тем, что в 1920-е гг. на территории Саратовской губернии радио еще не приобрело широкого распространения, а было представлено точечно. К тому же, крайне сложно было проследить и зафиксировать реакцию слушателей саратовской радиостанции, открытой лишь в ноябре 1926 г., на происходящие региональные или всесоюзные события. Заметим, так называемые письма в редакцию появились гораздо позднее относительно выбранных хронологических рамок в исследовании.

Пятую группу источников составили документы личного происхождения, в которых социально-экономические и политические события представлены через призму личных, индивидуальных и в большой степени субъективных, оценок. В качестве примеров можно привести опубликованный на английском языке дневник преподавателя Саратовского университета А.В. Бабина, и неопубликованные записи дневника М.Н. Чернышевского, сына известного писателя и философа Н.Г. Чернышевского. В исследовании также использованы воспоминания П. Сорокина, Л.Д. Троцкого, В.П. Антонова-Саратовского.

Теоретико-методологическая основа исследования. В качестве теоретической базы исследования были привлечены труды российских и иностранных ученых, изучавших механизмы формирования общественного сознания в переломный период 1917–1929 гг. Анализ их работ позволил

рассмотреть динамику общественного мнения настроения в Советской России через призму комплексного изучения разнообразных источников в контексте ключевых социально-политических трансформаций.

Основой диссертации являются общенаучные формально-логические методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция), принципы (историзм, объективность, системность) и методы (историко-генетический, компаративистики, системный, хронологический) исторического познания.

Диссертант в основу своей диссертационной работы заложил междисциплинарный подход к историческому исследованию. Это обусловлено широким кругом научных проблем, позволяющих всесторонне рассмотреть заявленную тему, которая заставляет обратиться к смежным гуманитарным отраслям знаний – социология, социальная психология, социальная антропология, культурология. Однако основное значение имеют современные познавательные стратегии, сформировавшиеся в русле социальной истории и исторической антропологии. В их основе лежит синтез структурного (основанного на изучении структур и их элементов, например – власти и общества, их институциональных компонентов, базовых процессов развития) и социокультурного подходов, что позволяет комплексно и системно изучить предмет исследования. Социокультурный подход придает исследованию системность, поскольку предполагает многофакторный анализ взаимодействия социальных, культурных и психических аспектов жизнедеятельности человека и общества.

Применительно к изучению массового сознания системный метод характеризуется рядом отличительных признаков. Во-первых, он предполагает выявление характера и качественного своеобразия взаимосвязей между различными элементами структур общественного сознания. Во-вторых, предусматривает типологизацию множества признаков, характеризующих различные аспекты сознания, на основе их реальной

общности. И, в-третьих, предусматривает вскрытие механизма и факторов формирования мировоззренческих архетипов населения.⁴⁵

Кроме традиционных для исторической науки методов исследования диссертантом использованы методы смежных гуманитарных дисциплин – статистического анализа, контент-анализа, дискурс-анализа, герменевтики, а также историко-типологический, структурный, социальной антропологии и компаративистики.

Обращение к контент-анализу позволяет минимизировать субъективность в исследовании и выделить объективные критерии анализа. Используемый в диссертации массив субъективных источников личного происхождения (письма, дневники, воспоминания) позволяет наглядно выявить частности и закономерности в динамике общественных настроений. Благодаря обращению к «письмам во власть» и другим источникам можно «реконструировать» мнение рядовых людей исследуемого периода. В качестве единиц анализа выделены следующие категории и индикаторы (события-стимулы и события-реакции).

Если контент-анализ – это количественный метод, то дискурс-анализ позволяет изучить и проанализировать смысловые структуры и нарративы «писем во власть» и других источников. Такой подход позволяет исследовать то, как язык формирует реальность и как идеологические установки и социальные нормы отражаются в речевых практиках. Кроме того, он дает возможность проследить трансформацию мнений по отношению к ключевым вопросам политического, экономического и социального развития.

Научная новизна исследования.

1. Впервые, на основе широкого круга источников проведен комплексный анализ общественного мнения и настроений различных социальных групп населения Саратовской губернии в 1917–1929 гг.

---

⁴⁵ Семенов А. В. Общественные мнения и настроения в советской России 1920-х гг. в контексте интеллектуальной истории // Научные исследования: проблемы и перспективы развития. Саратов, 2024. С. 44.

2. Впервые, на материалах Саратовской губернии выделены различные формы выражения общественных настроений, как реакция населения на ключевые события в исследуемый период.

3. Представлена авторская модель концепта «общественное мнение и настроения» как структурный элемент общественного сознания (Приложение № 1).

4. На основе критического анализа общественных настроений, представленных в письмах во власть, рассмотрена динамика колебаний (положительная, отрицательная, нейтральная) общественного мнения и населения по особо значимым политическим и социально-экономическим мероприятиям, проводимым советской властью в исследуемый период (Приложение № 10-18)

5. Впервые на основе анализа деятельности саратовских большевиков выявлены и систематизированы события-стимулы (Приложение №10-13), влияющие на динамику общественного мнения и настроений различных социальных групп (Приложение №14-24)

6. Показана неоднозначная реакция населения, представленная в отдельных мнениях, свидетельствующая как о недовольствах властью, так и поддержки со стороны населения социальных и культурных практик советской власти, что далеко не всегда совпадало с общественным мнением, которое формировала власть.

7. В диссертационном исследовании в научный оборот были введены неопубликованные документы и материалы центральных и региональных архивов Российской Федерации, позволившие более глубоко и всесторонне рассмотреть и проанализировать обозначенную научную проблему.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Доминанта общественного мнения и настроений населения Саратовской губернии формировались вокруг, с одной стороны, стремления к переменам, слома старой государственности и строя, морали, желания построить новый мир, с другой – политической, социальной реальности,

связанной с гражданской войной и расколом общества, углублением экономического кризиса, падением уровня жизни и т.д.. Этим определялась двойственность настроений всех социальных слоев и групп Саратовской губернии как реакции на политико-экономические и социокультурные практики большевиков.

2. Постреволюционный период, ознаменовавшийся гражданской войной, голодом и новой экономической политикой, характеризуется неустойчивыми настроениями широких социальных групп населения: от принятия властных практик большевиков до их отторжения.

3. Саратовская губерния является чрезвычайно репрезентативной в плане исследования общественного мнения и настроений, так как на протяжении 1917–1929 гг. на ее территории происходили события, нашедшие отражение в общей советской историографии. Ход гражданской войны, первый «советский голод», сложности реализации политика нэпа получили реакцию в массовом сознании различных социальных групп населения.

4. Наиболее распространенными событиями-стимулами, характеризующими общественные настроения народного большинства (крестьянство, пролетариат, служащие, красноармейцы) за исследуемый период, стали налоговая и земельная политика, продовольственное обеспечение, оплата труда, мобилизация и т.д. Пиком антибольшевистских настроений на территории Саратовской губернии стал голод 1921–1923 гг. На фоне помощи международных организаций усилия советских и партийных органов были недостаточными, что нашло отражение в общественных настроениях населения (в основном, крестьян), выразивших откровенные симпатии иностранным организациям .

5. Последствия голода в Поволжье, демографическая ситуация, хозяйственная разруха в сельской местности и городе не позволили достичь значительных результатов в ходе объявленного нэпа. Несмотря на замену продразверстки на продналог, реанимацию рыночных отношений, власти строго придерживались политики диктатуры пролетариата, ограничивая рост

доходов населения и активно поощряя классовую борьбу, как в сельской местности, так и в городе. Данные практики наиболее ярко выражались в общественных настроениях населения в виде «писем во власть».

б. Советская власть, вопреки вызовам времени и негативным реакциям масс, стремилась воздействовать на общественное мнение граждан. Это было условием для их легитимации. Средством достижения этой цели являлась периодическая печать. Большевики активно стремились к тому, чтобы каждый гражданин, читая газету, утверждался в правоте и незыблемости коммунистических идеалов. Большое значение уделялось опубликованным в газетах письмам читателей. Примеры подобных «сигналов снизу» являлись иллюстрацией успеха советского государства. Обращения, в которых содержалась резкая критика, как правило, не печатались, но становились объектом внимания органов политического контроля.

Соответствие паспорту специальности ВАК. Диссертация выполнена в рамках научной специальности 5.6.1. – Отечественная история и соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности:

п. 4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов;

п. 11 – Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны;

п. 24 – История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Достоверность и обоснованность результатов исследования подтверждается широкой источниковой базой, теоретическими положениями и методологической базой, корректным применением достижений и полученных результатов исторического и смежными с ней гуманитарными отраслями научного знания. Результаты, полученные в процессе работы над НКР (диссертация), верифицированы и соотнесены с данными других исследований, выполненных отечественными и зарубежными авторами. Достоверность полученных результатов подтверждена апробацией

результатов исследования в докладах и выступлениях, сделанных на конференциях различного уровня, а также в опубликованных статьях.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется его вкладом в изучение недостаточно исследованного аспекта истории: динамики общественного мнения и настроения населения в отношении политики советского правительства в период 1917–1929 гг. В работе впервые комплексно анализируется реакция различных социальных групп на преобразования раннего советского периода, что заполняет существовавший пробел в историографии.

Данная работа обладает существенной теоретической ценностью, поскольку впервые комплексно исследует механизмы формирования и эволюции общественного мнения и настроения в период трансформационных процессов, происходящих на территории Саратовской губернии. В условиях глобальных изменений особую значимость приобретает интеграция методов различных научных дисциплин, обеспечивающая многоаспектный и достоверный анализ процессов общественного развития.

Практическое значение исследования состоит в осмыслении роли взаимоотношения общества и власти в период коренных преобразований, нашедших отражение в моделях социального поведения. Кроме того, научное разрешение вопроса взаимоотношений населения и власти на региональном уровне способствует расширению знаний по исследуемой проблеме. Открывается возможность использования введенных в научный оборот документов, обобщенных материалов при разработке лекций по курсам отечественной и региональной истории.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «Социально-гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова». Основные положения и выводы работы были представлены на международных и всероссийских конференциях: Всероссийская (с международным участием) школа-конференция студентов и молодых исследователей «Наука и

образование в условиях вызовов современности», посвящённая теме 2022 г. «100 лет СССР: история Советского Союза в деталях» (Ессентуки, 2022 г.), II Международная научно-практическая конференция «Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций XX–XXI вв.», посвящённой 100-летию образования СССР. (Саратов, 2022 г.), II Степановские чтения «Антропологически ориентированная история: новые и традиционные подходы». (Красноярск, 2023 г.), Межрегиональная конференция «Региональная пресса как исторический источник и культурно-политический феномен» (Саратов, 2023 г.), Всероссийская (национальная) научно-практическая конференция «Научные исследования: проблемы и перспективы развития» (Саратов, 2023 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Наше недавнее прошлое: современные направления советской истории и историческая память» (Ставрополь, 2023 г.).

Результаты диссертационного исследования апробированы на заседании кафедры в апреле 2025 г. и представлены в семи публикациях, три из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Теория и методология диссертационного исследования

Начиная с 1990-х гг. в отечественной историографии как новое направление выделяется новая (интеллектуальная, локальная) история. Это привело к всплеску исследований, в первую очередь, в отношении «переходных» и кризисных периодов. Новые методологические подходы позволяют исследователям рассматривать переломные исторические эпохи не только с позиции классов и правящих партий, а посмотреть на них «снизу», глазами простых людей.

В рамках локальной истории исследователи обращают внимание на особенности социальной, культурной и экономической жизни различных российских территорий, их развитие как городских и сельских сообществ, формирующих особую социокультурную среду обитания населения. Исторические исследования сосредоточиваются на анализе уникальных характеристик конкретных географических областей – регионов, где происходили интенсивные социальные изменения и нередко возникали острые конфликты между властями и жителями. Регионы рассматриваются сквозь призму своего уникального социального устройства, культурного наследия и исторической судьбы. Полноценное понимание регионального контекста достигается путем изучения взаимосвязей между различными компонентами социума и историей региона.

Важнейшими элементами региона выступают аспекты социальной сферы, включающие структуру населения, характер общественных отношений, духовную атмосферу и систему ценностей. Следовательно, исследование региональных процессов с точки зрения местной и интеллектуальной истории подразумевает акцентирование внимания на особенностях территориального развития, культурно-историческом

наследии, социальных и экономических преобразованиях, а также на взаимовлиянии местных условий и общегосударственных тенденций.

Важное значение в рамках локальной и интеллектуальной истории имеет изучение аспектов формирования и динамики общественного мнения и настроения местного населения в контексте общегосударственного нарратива.

Вопросы общественного мнения и настроений уже длительное время находятся в фокусе внимания гуманитарных наук и характеризуются междисциплинарным подходом и содержанием. Развивающаяся в русле социальной, интеллектуальной и локальной истории тема общественного мнения и настроений находит отражение в исследованиях по политологии, социологии, социальной психологии и философии, культурологии, антропологии и других науках, что заставляет ученых обращаться к смежным с историей научным методам познания и анализа. Современные методы исследования позволяют более объемно и комплексно изучить поставленную в диссертационном исследовании научную проблему.

История советского государства в исследуемый период (1917–1929 гг.) – сложный и противоречивый исторический период развития российского общества, выраженный в многосложности и многовекторности политических, экономических и социокультурных процессов. Системный подход позволяет проследить, как в условиях цивилизационных сдвигов менялась жизнь граждан. Применительно к изучению общественного мнения системный метод также предполагает выявление характера и качественного своеобразия взаимосвязей между различными элементами уровней общественного сознания, предусматривает типологизацию множества признаков, характеризующих различные аспекты сознания, на основе их реальной общности. И главное, предусматривает выявление механизма и факторов формирования мировоззренческих архетипов населения ⁴⁶ .

---

⁴⁶ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 22.

Структурный метод дает возможность исследовать динамику поведенческих детерминант населения на политические мероприятия большевиков.

В настоящее время особое значение в историческом познании придается социокультурному подходу, который позволяет изучить социальные и культурные факторы, влияющие на исторические события и процессы. Подход дает возможность рассмотреть общество как сложную систему, в которой взаимодействуют различные социальные группы, институты и идеи. Большую роль в становлении и развитии социокультурного подхода сыграли работы П. Сорокина (1947), Т. Парсонса (1951), Л. Уайта (1949) и многих др. в XIX–XX вв.⁴⁷

Диссертант в своей работе использовал идеи исторической антропологии и исторической психологии. Эти направления получили наиболее полное развитие благодаря историкам французской школы «Анналы»⁴⁸, а также российским специалистам⁴⁹, внесшим значительный вклад в формирование социокультурного подхода в историографии. Этот метод позволяет глубже изучать образ жизни и повседневность человека прошлого, многообразие культурных форм и их влияние на поведение индивидов.

В контексте диссертационного исследования методы исторической и культурной антропологии дают возможность выявить масштаб

⁴⁷ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.; Парсонс Т.К. общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. М., 2000.; Уайт Л. Избранное. Наука о культуре. М., 2004.

⁴⁸ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.; Февр Л. Бои за историю. М., 1990.; Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.; Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994.; Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1997.; Гетц Г.-В. Изучение ментальности: взгляд из Германии // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 58–64.; Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. М., 1937; Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994; Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. М., 1993. С. 40–58.; Февр Л. Бои за историю. М., 1990.; Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2019.

⁴⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.; Галкова О.В., Петрова И.А. Концепция ментальности М. Блока // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (110). С. 174–180.; Горбенко А.Ю., Е.В. Дёмкина. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» // Вестник АГУ. Вып. 4. 2015. С. 15–22.; Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.; Зверев О.В. Историческая школа «Анналов» о ментальности // Вестник московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 6 (44). С. 44–47.

трансформаций, инициированных советской властью, а также оценить эффективность её внутренней политики. Особый интерес представляют реакции различных социальных групп на действия государства в сфере политики, экономики и культуры. Эти отклики зафиксированы в источниках личного характера – переписке, дневниках, воспоминаниях представителей разных слоёв населения: от рядовых крестьян и рабочих до известных общественных деятелей. Подобные материалы, сохранившиеся в региональных и центральных архивах или опубликованные в периодических изданиях, позволяют реконструировать общественные настроения эпохи и понять, как воспринимались государственные инициативы на микроуровне. Еще одним каналом сбора информации о настроениях населения являлись материалы политического контроля, демонстрирующие индикацию общественного мнения по широкому спектру вопросов: от организации партийной жизни до проблем обеспечения продовольствием.

Особое значение для диссертационного исследования имеют историко-типологический и историко-системный методы, разработанные И.Д. Ковальченко⁵⁰. Они позволили изучить формы и содержание диалога власти и общества через различные темы апелляций и реакции на них, а также обосновать способы выявления общественного мнения населения.

В исследовании нашли свое отражение методы компаративистики при анализе вербализированных источников. Применение этих методов позволяет не только проводить сравнительный анализ источников, но и способствует выявлению дискурса власти и общества по вопросам сценариев власти и отношений к ней. Применение контент-анализа дает возможность выявить типичность и распространенность тех или иных взглядов и настроений в обществе, а также масштабы проводимых властью мероприятий по формированию собственной репрезентации.

Таким образом, комплексный анализ динамики общественного мнения и настроений в Саратовской губернии за 1917–1927 гг. требует, как уже

---

⁵⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.

отмечалось, применения междисциплинарного подхода в исследовании проблемы. Это означает использование в качестве методологического инструментария историко-антропологического, системно-структурного, исторического и других подходов.

*****

Понятийно-категориальный аппарат диссертационного исследования включает универсальные и исторические понятия и термины. Базовыми понятиями в диссертации являются «общественное мнение и настроения», что требует их конкретизации и теоретического обоснования.

Изучение общественного мнения и настроения связано непосредственно с научными категориями «ментальность» и «общественное сознание». Обращение в диссертации к категории «ментальность» имеет важное методологическое значение. Ментальность позволяет объяснить происходящие события в обществе с позиции человека, практика которого влияла на экономику, политику, культуру⁵¹. По мнению А.Я. Гуревича, изучение темы исследования возможно при условии, если историком будет разработана модель ментальности данной эпохи⁵².

Категория «ментальность» сложно поддаётся точному определению и алгоритму анализа. Отсутствие унифицированной формулировки говорит о непростой природе феномена. Понятие «ментальность» зависит от контекста и нарратива исследуемой эпохи. Как отмечают О.В. Галкова и И.А. Петрова, исследуя категории «ментальность» и «менталитет», найти в русском языке синонимичное понятие – практически невозможно, так как категории требуют сложных пояснений и толкований⁵³. В тоже время в отечественной науке категории применяют как взаимозаменяемые и синонимичные.

---

⁵¹ Семенов А.В. Общественные мнения и настроения в Советской России 1920-х гг. в контексте интеллектуальной истории // Научные исследования: проблемы и перспективы развития. Саратов, 2024. С. 38.

⁵² Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 20.

⁵³ Галкова О.В., Петрова И.А. Концепция ментальности М. Блока // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (110). С. 175; Горбенко А.Ю., Е.В. Дёмкина. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» // Вестник АГУ. Вып. 4. 2015. С. 16.

Понятие «ментальность» было введено в научный оборот французским философом и антропологом Л. Леви-Брюлем в работе «Первобытное мышление» (1922)⁵⁴. Большой вклад в разработку категории «ментальность» в социально-историческом контексте внесли представители французской школы «Анналов». Для представителей «Анналов» история ментальностей выступала антитезой традиции позитивизма в истории, сосредоточенной на изучении событий и политики. Согласно А.Я. Гуревичу, интерес историков к ментальностям укрепился в связи с перемещением центра тяжести в исследовании от истории «героев», правителей, государственных деятелей к истории повседневной жизни разных социальных слоев и групп, рядовых людей, общества в целом.⁵⁵

Основатели школы «Анналов» – Л. Февр и М. Блок по-разному понимали сущность ментальности. Исследуя ментальность как категорию и понятие, Л. Февр связывает ее с коллективным сознанием, как неосознанное следование социальным установкам⁵⁶. В своих работах он стремился к изучению социальной традиции, обращаясь к таким социальным практикам, как посвящение в рыцари, помазание короля на царствование и т.д. Л. Февр в своих работах определил новое направление в истории – историческая антропология, в рамках которой изучалось восприятие людьми современных событий, их реакция на них. Такое понимание ментальности напрямую связано с объектом и предметом диссертационного исследования, позволяет изучить и понять революционную эпоху, мероприятия советской власти через отношение и чувства людей, реконструировать события «глазами современников».

М. Блок в работе «Апология истории» отказывается от изучения истории как последовательного изложения событий и призывает изучать

---

⁵⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении. М., 1937.

⁵⁵ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 81.

⁵⁶ Февр Л. Бой за историю. М., 1990. С. 215.

«ментальные инструменты». Для этого, по его словам, необходимо понять ментальную сущность человека той или иной эпохи⁵⁷.

Если Л. Февр писал о необходимости изучения индивидуального (эмоционального) восприятия человека эпохи, то М. Блок призывал изучать социальные структуры, составляющей частью которых являлось общественное сознание. Его исследования привели к отказу от «истории событий» в пользу «истории ментальностей». Человек интересен для историка исключительно как элемент, из которого складываются отдельные социальные группы и общество в целом⁵⁸. М. Блок считал, что все социальные процессы, а также кризисные явления нельзя объяснять только с позиции экономики или политики, что было характерно для марксизма. Необходимо учитывать «дух эпохи», т.е. как мысли людей влияют на события.

Обращаясь к характеристикам внутреннего мира человека Л. Февр и М. Блок открыли возможность обратиться к исследованию понятия «общественное сознание» как основы общественного мнения и настроений, стали основоположниками истории повседневности и когнитивной истории и заложили принцип междисциплинарности в историческом исследовании.

Начатый в 1930-е гг. на страницах журнала «Анналы» поворот от изучения экономических и политических структур к культурной антропологии, был продолжен во второй половине XX в. Одним из направлений, продолжившим в 1970-е гг. традиции «Анналов» стала «Новая историческая наука», в рамках которой уровень ментальности стал определять уровень развития культуры.⁵⁹

В отечественной историографии и социогуманитарном знании проблема ментальности получила свое развитие опосредовано через ключевые для нашего диссертационного исследования категории

---

⁵⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 44.

⁵⁸ Там же. С. 151.

⁵⁹ Разработка «категории ментальности» была продолжена в работах последователей школы «Анналов» - Жака Ле Гоффа, Робера Мандру, Эммануэля Леруа Ладюрю.

«общественное сознание», «общественное мнение» и «общественные настроения», что нашло отражение в работах Г.Г. Дилигенского⁶⁰, М.Я. Ковальзона⁶¹, А.К. Уледова⁶², Л.Г. Судаса⁶³. Особенностью и одновременно ограниченностью этих исследований была марксистско-ленинская методология. По мнению Б.А. Грушина эти работы были «противоречивыми», не позволявшими найти соотношение между понятиями «массовое и классовое сознание»⁶⁴.

В отечественной социогуманитарной науке разработка этого направления связана с журналистикой и социологией общественного мнения как совокупности отдельных суждений по какому-либо значимому событию и общественных настроений как психоэмоционального восприятия событий, как реакция на них.

Активное теоретическое осмысление общественного мнения как социально-политического явления началось в конце 1950– первой половине 1960-х гг. За прошедшие десятилетия в отечественной научной традиции сформировалось множество интерпретаций этого понятия – современные исследователи выделяют более 30 различных определений⁶⁵. Отсутствие единого методологического подхода к определению общественного мнения привело к формированию трех ключевых теоретических моделей: монистическая концепция рассматривает общественное мнение как единую, консолидированную позицию социума по значимым вопросам; плюралистическая концепция акцентирует внимание на множественности мнений, отражающих интересы различных социальных групп; и, наконец, динамическая концепция изучает общественное мнение как трансформирующееся явление, подверженное влиянию внешних факторов.

---

⁶⁰ Дилигенский Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969; Он же. В поисках смысла и цели. Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М., 1986.

⁶¹ Ковальзон М.Я., Келле, В.Ж. Формы общественного сознания М., 1959.; Он же. Общественное сознание и общественные науки. М., 1973.

⁶² Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М., 1963.

⁶³ Судас, Л.Г. Массовое сознание и некоторые проблемы управления его формированием в условиях развитого социализма: дис. ... канд. ф. наук: М. 1978.

⁶⁴ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 4.

⁶⁵ Горшков М.К. Пути в социологию – исповедимы. М., 2015. С. 31.

Создание монистической концепции связано с А.К. Уледовым и его работой «Общественное мнение советского общества» (1963). А.К. Уледов полагал, что общественное мнение всегда является мнением большинства⁶⁶. Согласно представлениям автора, социалистическое общество характеризуется единством взглядов, не допуская разнообразия мнений. В данной парадигме общественное мнение рассматривается как элемент системы общественного сознания, наряду с устоявшимися нормами поведения, культурными обычаями и партийно-политическими доктринами⁶⁷. По мнению диссертанта, недостатком концепции А.К. Уледова является категоричность и недостаточная адаптивность механизмов общественного мнения для социумов с широким спектром прав и свобод.

Становление плюралистической концепции как реакции на работы А.К. Уледова, стали исследования Б.А. Грушина. В основе плюралистической концепции лежал тезис, согласно которому общественное мнение складывается из мнений различных социальных общностей, каждая из которых имеет право на свое мнение по обсуждаемому вопросу. Б.А. Грушин стоял у истоков отечественной теории общественного (массового) сознания. В книге «Мнение о мире и мир мнений» (1967), отталкиваясь от монографии А.К. Уледова, он утверждал, что общественное мнение, складывающееся и функционирующее в буржуазном обществе, является по преимуществу плюралистическим и иным быть не может⁶⁸. Суть его заключена не в одной, пусть и доминирующей точке зрения, а в совокупности позиций различных социальных групп. Главное в этом типе сознания то, что оно представляет собой производную двух величин – обыденного сознания и теоретического знания.

До фундаментальных исследований Б.А. Грушина в отечественной науке отсутствовали системные работы, посвященные комплексному анализу

---

⁶⁶ Уледов А.К. Общественное мнение советского общества. М., 1963. С. 80.

⁶⁷ Там же. 49–50.

⁶⁸ Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений (проблемы методологии исследования общественного мнения). М., 1967. С. 172–173.

массового сознания как специфической формы общественного сознания. Не были разработаны методологические основания для изучения его природы и ключевых характеристик, критерии определения условий его формирования и механизмов функционирования, концептуальные подходы к анализу взаимосвязей между массовым сознанием и социально-экономическими, политическими, культурными и идеологическими процессами. Значительный прорыв в этой области был осуществлен Б.А. Грушиным в монографии «Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования» (1987). В упомянутом исследовании автор обосновал теоретическую и практическую значимость изучения массового сознания, разработав его оригинальную концепцию. Б.А. Грушина заложила основы нового научного направления, позволившего рассматривать массовое сознание как важный фактор общественного развития и объект междисциплинарного анализа.

Общественное мнение в концепции Б.А. Грушина является компонентом массового сознания⁶⁹. В одном из своих последних интервью, получившем оформление в виде научной публикации – «У нас в гостях Борис Андреевич Грушин», ученый констатирует, что общественное мнение – это коллективное суждение, выработанное в процессе публичной дискуссии⁷⁰. Согласно представлениям ученого, наличие общественного мнения определяют набор условий, в число которых входят: осознание общества в качестве субъекта социального поведения; поток свободно поступающей информации по предмету обсуждения; а также развитый интерес масс к этой информации, их способность артикулировать свою позицию⁷¹. Диссертант считает набор таких условий максимально возможным и не применимым к исследуемому периоду 1917–1929 гг. Однако сам Б.А. Грушин, говоря о сегодняшнем дне, считает, что, если следовать

---

⁶⁹Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.С. 85.

⁷⁰ Грушин Б.А. У нас в гостях Борис Андреевич Грушин // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 85.

⁷¹ Там же.

названной концепции, общественного мнения в текущих условиях не существует.

Значимый вклад в развитие теории общественного мнения был внесён академиком РАН М.К. Горшковым, который предложил объединить представления А.К. Уледова и Б.А. Грушина в единую динамическую концепцию. Ученый предполагал не противопоставлять эти концепции, а объединить в единую динамическую концепцию, которая характеризовала бы общественное мнение через «единство прерывного и непрерывного, и как процесс, и как результат»⁷². Согласно М.К. Горшкову, общественное мнение – это своеобразный способ существования и проявления массового сознания, посредством которого выражается духовное или духовно-практическое отношение народного большинства к актуальным для него фактам, событиям, явлениям и процессам действительности⁷³.

М.К. Горшков проводил концептуальное различие между «общественным сознанием» и «массовым сознанием», относя их к разным категориальным уровням. По его мнению, общественное сознание в своих устойчивых формах (нормы, традиции, обычаи) отражает базовые характеристики социального строя, тогда как массовое сознание (включающее настроения, эмоции, психологический климат) фиксирует текущие изменения в обществе. Ученый рассматривал общественное мнение не как элемент общественного сознания, а как проявление массового сознания – распространенных среди большинства взглядов, выражающихся в конкретных оценках и суждениях.

Близка к концепции Горшкова позиция А.А. Ослона, который подчеркивает чувственную составляющую общественного мнения. Согласно логике его суждения, древнегреческое определение «мнения» (δοξά – докса) выражает импульсивную оценку, чувственное отношение, т.е. противопоставлено «знанию» (λογος – логос). Из этого определения следует,

---

⁷² Горшков М.К. Общественное мнение: История и современность. М., 1988. С. 285.

⁷³ Там же. С. 287.

что в общественном мнении не стоит искать признаки знания логоса, напротив, его сущность составляет как раз недодуманное, непонятое, недоосознанное и даже «примитивное, архаическое», – пишет А.А. Ослон.⁷⁴

Таким образом, подводя итог выше сказанному – общественное мнение рационально и представляет собой коллективные суждения (Б.А. Грушин), общественное мнение имеет чувственную составляющую и выразится в виде мнений, оценок, суждений (М.К. Горшков, А.А. Ослон). В связи с этим, применительно к объекту диссертационного исследования под понятием «общественное мнение» диссертант понимает совокупность оценочных суждений по значимым вопросам политической, социально-экономической и культурной жизни, выраженных народным большинством.

На индикацию общественного мнения влияют общественные настроения населения. Научный интерес к феномену возник в 1970-е гг. В контексте социологических исследований, направленных на изучение социальной реальности.⁷⁵ В советской научной среде одним из первых, кто дал определение «общественному настроению», был Б.Д. Парыгин. Он предложил объединить общественное настроение с понятием «умонастроение». В определении Б.Д. Парыгина умонастроение – это эмоционально окрашенный настрой мысли, состояние ума⁷⁶.

К настоящему времени единого подхода в определении понятия «общественные настроения» не существует. Например, современный исследователь С.Ю. Карева считает, что нельзя оценивать общественное настроение с позиций «крайностей» (хорошее-плохое, положительное-отрицательное)⁷⁷. Иной точки зрения придерживается Л.В. Куликов, утверждающий, что общественное настроение может быть в той или иной

---

⁷⁴ Ослон А.А. Опросы общественного мнения как смысловая проблема // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 4.

⁷⁵ Осянин А.Н. Структура общественных настроений и ожиданий граждан как индикатор социального самочувствия: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. С. 131.

⁷⁶ Парыгин Б.Д. Социальное настроение как объект исторической науки. М., 1971. С. 93.

⁷⁷ Карева С.Ю. Анализ общественного настроения как объекта исторического исследования // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. трудов. Ч. 4. Тамбов: 2014. С. 78.

мере благоприятным или неблагоприятным⁷⁸. В его исследовании благоприятность рассматривается с точки зрения функционирования общественных институтов, развития общества, усиления его сплоченности, увеличения такого влияния на институты государства, которое способствует их полноценному функционированию и дальнейшему развитию.

В отечественной науке широкое употребление получило синонимичное понятие общественному настроению – «социальное настроение», трактовка которого была дана авторским коллективом во главе с членом-корреспондентом РАН Ж.Т. Тощенко. На основе эмпирической базы исследования учеными были выявлены формы и тенденции развития социального настроения. Принципиальное значение имеет полученный результат, позволяющий говорить о единстве рациональных и эмоциональных, субъективных и объективных факторов в социальном настроении. В результате ученые доказали, что социальное настроение является доминантной формой общественного сознания и поведения⁷⁹.

Роль социального, общественного и массового настроения в детерминации индивидуальной и коллективной формах поведения особенно возрастает на этапе переходных периодов истории, когда эмоции зачастую преобладают над разумом и, соответственно, увеличивается вероятность ситуативных, волевых и даже случайных поступков людей.

На наш взгляд, принципиального различия между двумя понятиями нет. Как и общественное настроение, социальное формируется под влиянием политических, экономических, социальных и духовных факторов. Отличие вносит контекст. Механизмы социального настроения в большей степени находятся под воздействием общественно-политических процессов. Оно может проявляться через отдельные проблемы, даже детали этих проблем. Для общества и его членов приобретает особое значение результат процесса,

---

⁷⁸ Куликов Л.В. Общественное сознание и общественное настроение // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 2. С. 35.

⁷⁹ Тощенко Ж. Харченко С. Социальное настроение М., 1996. С.20.

а не он сам. Иными словами, на социальное настроение влияет не только вся масса проблем, неразрешенных вопросов, но и отдельные их проявления.

Таким образом, в контексте диссертационного исследования диссертант под общественным настроением понимает совокупность эмоциональных, психологических и поведенческих реакций, преобладающих в обществе или отдельных социальных группах в определенный период времени. Оно отражает общий настрой людей, их отношение к политическим, экономическим, культурным и социальным процессам.

Наиболее ярко общественное мнение и настроение представлены в таком комплексе исторических документов как письма во власть. Названный комплекс архивных материалов, находящиеся в российских хранилищах, представляет собой ценнейший документальный источник для изучения динамики общественных настроений в советский период⁸⁰.

«Письма во власть» представляют уникальную возможность для реконструкции повседневной жизни, ценностных ориентаций и социальных ожиданий населения. Названные источники (письма, жалобы, заявления, доносы) позволяют выявить взаимосвязь между ментальными структурами, общественными настроениями и политическими процессами. Особенно наглядно эта взаимосвязь проявляется в российском контексте с его характерными архаическими элементами массового сознания и особенностями политической культуры. Как отмечал В.П. Булдаков: «...в России слово всегда значило много больше, чем на Западе, что естественно для активного культурогенеза, который в патерналистических системах минует практическую политику»⁸¹.

Важное методологическое значение имеет классификация писем. Российский историк В.В. Кабанов предлагает рассматривать письма в нескольких аспектах: как газетный жанр, как разновидность

---

⁸⁰ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 19.; Он же. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть» // Вестник Пермского университета. Вып. 3(50). 2020. С. 140.

⁸¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 39–40.

делопроизводственных документов и как вид эпистолярного жанра⁸². В представленной схеме 1 наиболее точно отражена классификация В.В. Кабанова.

Схема 1. Классификация писем по В.В. Кабанову

А.Я. Лившин, исследуя политический аспект писем во власть, выделил критерии их классификации по тематикам (межевание земель, налоги) и уровня обращения (центральные и местные органы власти)⁸³. Н.В. Шалаева классифицирует письма на основе семантико-семиотического анализа и типологии стилистики писем, а также включенности корреспондентов в социокультурные практики власти⁸⁴.

Говоря о письмах эпохи Гражданской войны и Новой экономической политики (нэп), следует иметь в виду и другие возможные способы классификации источников. Большое значение имеет социальное

⁸² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 226 – 228

⁸³ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 –1932 гг. М., 2010.

⁸⁴ Шалаева, Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014. С. 33.

происхождение автора. Апеллировать к власти могли не только грамотные граждане. Этот инструмент общения использовали и неграмотные люди, прибегавшие для изложения своих обращений к помощи тех или иных доверенных лиц (сельских писарей и даже профессиональных юристов).

Анализируя трактовку таких категорий, как общественное и массовое сознание, менталитет, общественное настроение и общественное мнение, можно заключить, что комплекс знаний по данной проблематике развивался и трансформировался соответственно с развитием общественно-политической системы общества. Совершенные на стыке эпох коренные преобразования в методологии исторической науки, позволили прибегнуть к данным смежных наук – социологии, социальной психологии, философии, антропологии, культурологии. Применение разработанных ими теоретических подходов и исследовательских методик способствует переосмыслению процессов политического, экономического и социального развития постреволюционного десятилетия не исключительно с точки зрения политики и властных решений, а главным образом с позиции личного опыта обычного гражданина и его индивидуального восприятия действительности. Одновременно применение междисциплинарного подхода даёт возможность определить значимость человеческого фактора в процессе принятия ключевых политических и идеологических решений высшими органами власти, оценить уровень их обоснованности и тщательности подготовки. Междисциплинарный подход, использование инструментов различных гуманитарных наук позволяет всесторонне исследовать динамику изменений общественного мнения и настроений в Саратовской губернии периода 1917–1929 гг., рассматривая ее как реакцию на деятельность местных большевистских властей.

1.2 Историография исследования

В современной российской историографии особую значимость приобрело исследование коммуникационных стратегий между акторами общественно-политического процесса. Это направление, развивающееся в рамках научной парадигмы «Власть и общество», позволяет по-новому осмыслить природу социально-политических взаимодействий. Необходимо отметить, что исследование феноменов общественного мнения и общественного настроения позволяет выйти за рамки политизированных трактовок и понять причины исторических катаклизмов (войн и революций). Наиболее сложный и вариативный комплекс таких представлений относится к периоду раннего советского государства 1917–1929 гг.

В 1917 г. Россия вступила в новую эпоху, а пришедшие к власти лидеры большевиков, воспользовавшись преобладающими в обществе настроениями, начали решительно разрушать прежние государственные и экономические устои. Однако общественное мнение, отличающееся изменчивостью, подобно маятнику, могло резко колебаться – от одобрения реформ до их полного неприятия. С усложнением задач по строительству нового порядка росли и протестные настроения, а также становилось очевиднее, насколько глубоки социокультурные и ментальные барьеры, мешавшие стремительной большевистской трансформации страны.

Временной отрезок с 1917 по 1929 гг. демонстрирует смену различных моделей взаимодействия между государством и обществом. Власть в своей политике то опиралась на преобладающие общественные настроения, то действовала вразрез с ними. При этом важно подчеркнуть, что на протяжении всего этого периода эмоциональное состояние и поведенческие реакции советского общества отличались значительной противоречивостью и неоднородностью.

В обозначенный период психологическая атмосфера в обществе отличалась крайней неоднородностью, что было обусловлено целым

комплексом факторов. Главным из них стало небывалое сосредоточение в краткий исторический срок множества резких политических перемен, масштабных потрясений и событий, которые одновременно воздействовали на огромные массы людей, вызывая у них полярные эмоциональные реакции. В этих условиях невозможно выделить единое доминирующее настроение – будь то всеобщая агрессия, повсеместный энтузиазм, тотальная апатия или чувство безысходности. Каждая социальная группа и даже отдельные индивиды переживали этот период по-своему⁸⁵.

Большевики активно работали над формированием общественного мнения, понимая его ключевую роль в укреплении своего политического режима. Легитимность новой власти во многом зависела от создания её положительного образа в массовом сознании⁸⁶. На протяжении бурного десятилетия, насыщенного как грандиозными свершениями, так и трагическими событиями, правящая партия последовательно культивировала идею единства народа и власти. Особенно в революционный период и первые годы становления советского государства, когда политическая ситуация оставалась крайне неустойчивой, малейшие колебания общественных настроений приобретали стратегическое значение, непосредственно влияя на степень легитимности власти⁸⁷.

До 1990-х гг. в отечественной историографии изучение проблем формирования общественного мнения и настроений советского общества в период 1917–1929 гг. практически не осуществлялось⁸⁸. Происходил процесс накопления знаний и постепенной интеграции в современную мировую научную традицию. Значительную роль в развитии концептуальных представлений о природе общественных настроений революционного

---

⁸⁵ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 6.

⁸⁶ Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: дис. ... д-р ист. наук: Саратов, 2015. С.4.

⁸⁷ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2000.

⁸⁸ Лившин, А. Я. Общественные настроения в Советской России. 1917–1929 гг.: автореферат дис. ... д-ра ист. наук: М., 2004. С. 13.

времени сыграли работы В.П. Булдакова⁸⁹ и С.В. Ярова.⁹⁰ В вышедшей в 1997 г. книге «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» В.П. Булдаковым отражено взаимодействие «двух главных агентов исторического развития» – человеческой массы и власти. Анализируя эту взаимосвязь через эволюцию и законодательное регулирование принуждения, исследователь отмечает: практики насилия, которые в общественном восприятии прочно закрепились за большевиками, фактически были порождены условиями Первой мировой войны⁹¹. Приоритет в исследовании отдан не политике и «привычной хронологии», а «обыденности», личным свидетельствам – по преимуществу неполитизированным. Работы С.В. Ярова также рассматривают аналогичный революционный и послереволюционный период. Его фундаментальный труд «Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг.» представляет комплексное исследование эволюции политических взглядов петроградского пролетариата в эпоху социальных катаклизмов. Особое внимание Яров уделяет анализу особенностей политической культуры того времени, динамике политических настроений рабочих, формированию новой политической идентичности.

Аспекты революционной психологии, но уже в отношении крестьянства, анализируются в монографии В.Л. Телицына⁹². Для России, остававшейся преимущественно аграрной страной с преобладающим крестьянским населением в рассматриваемый период, крайне существенным представляется понимание особенностей крестьянского мировосприятия. Автор создает социально-психологический портрет сельского бунтаря – как рядового участника восстаний, так и руководителя, выводит типологические черты его мировоззрения.

⁸⁹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Он же. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени России. 1920–1930 гг. М., 2012.

⁹⁰ Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Он же. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999; Он же. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014.

⁹¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 6.

⁹² Телицын В.Л. Крестьянский бунт: 1917–1921 гг. М., 2001.

Общественные настроения крестьянства и других слоев населения, полученные на региональном материале, были освещены в диссертационных исследованиях М.В. Кузнецова⁹³, А.А. Рогач⁹⁴, С.П. Погадаева⁹⁵, А.А. Шалыгина⁹⁶, Э.Ф. Абубикеровой⁹⁷, Ж.В. Яковлевой⁹⁸, О.А. Хабибрахманова⁹⁹, Н.В. Аленичевой¹⁰⁰. В работе М.В. Кузнецова отражена трансформация общественных настроений крестьянского населения Саратовской губернии в отношениях с властью и представителями зажиточных классов (помещиков, купцов, «кулаков»). Автор приходит к выводу, что на радикализацию крестьянства оказало влияние демобилизация «большевизированных солдат», которые не преминули внести раскол и посеять социальную вражду внутри сельского общества¹⁰¹. В диссертации С.П. Погадаева на материалах Саратовского Поволжья предпринята попытка рассмотреть проблемы социальной напряженности различных социальных групп с местной властью в условиях осуществления новой экономической политики.¹⁰² Автор формулирует достаточно спорный вывод, говоря о том, что процесс сворачивания нэпа происходил в спокойной обстановке¹⁰³.

Идейная конфронтация научно-педагогических работников с большевистской властью показана в диссертации Э.Ф. Абубикеровой. Исследователь указывает на неоднородность политических настроений

⁹³ Кузнецов М.В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2004

⁹⁴ Рогач А.А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара. 2009.

⁹⁵ Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010.

⁹⁶ Шалыгин А.А. Национальная политика Советского государства в 1917–1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2010.

⁹⁷ Абубикерова Э.Ф. Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2013.

⁹⁸ Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2017.

⁹⁹ Хабибрахманова О.А. Вузовская интеллигенция Среднего Поволжья в условиях социально-культурной трансформации советского общества 1918 – конца 1930-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук: Саратов. 2022.

¹⁰⁰ Аленичева Н.В. Эволюция массовых настроений в городах Саратовской губернии в период Великой российской революции. дис. ... канд. ист. н. Саратов, 2023.

¹⁰¹ Кузнецов М.В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны: автореферат дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2004. С. 5.

¹⁰² Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010. С. 24.

¹⁰³ Там же. С. 159–160.

научной интеллигенции. Представители науки, поддержавшие советскую власть, со временем испытывали «болезненную смену мировоззрения»¹⁰⁴. По словам автора, мощное воздействие на повседневность учёных оказала политика НЭПа.

В качестве примеров научной литературы, в которых исследованы события Великой Октябрьской социалистической революции и ход гражданской войны на территории Саратовской губернии, диссертантом использованы работы советских и современных историков. При обращении к работам советских исследователей важно сосредоточить внимание не на оценках, которые были сделаны в рамках марксистско-ленинской идеологии, а на хронике событий. Примерами таких исследований являются «Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937»¹⁰⁵ и «Советы Нижнего Поволжья в 1917 году».¹⁰⁶

Из современных трудов стоит выделить хрестоматийные издания, такие как «Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941)»¹⁰⁷ и «История Саратовского края с древнейших времен до наших дней»¹⁰⁸ авторского коллектива ученых Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Большое влияние на динамику общественного мнения всех слоев населения Саратовской губернии повлиял голод 1921–1923 гг. Корпус исследований по данной проблематике стал складываться еще во время событий голода: опубликованы несколько работ, посвященных причинам и последствиям бедствия, а также зарубежной помощи голодавшим¹⁰⁹. В начале 1990-х гг. начался новый этап в изучении в связи с открытием ранее

¹⁰⁴ Абубикерова Э.Ф. Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг. : автореферат дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2013. С. 12.

¹⁰⁵ Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937. – Саратов, 1957.

¹⁰⁶ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Нижнего Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977.

¹⁰⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006.

¹⁰⁸ История Саратовского края с древнейших времен до наших дней / под ред. Данилова В.Н., Булычёва М.В., Воронежцева А.В., Гуменюка А.А., Тотфалушина В.П., Тотфалушина Л.А. Саратов, 2008.

¹⁰⁹ Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922; Выходцев С. Помощь иностранцев голодающим детям Поволжья. М., 1922

засекреченных архивных источников. На Саратовских материалах написано несколько диссертаций, среди них исследования В.А. Полякова¹¹⁰, А.А. Васильева¹¹¹. Роль иностранных общественных организаций в борьбе с голодом подробно рассмотрены в диссертациях В.А. Кнуровой¹¹² и Т.Ю. Бондаренко¹¹³, а также в ряде статей, в которых освещалась работа международных организаций¹¹⁴. Исследователи делают упор на масштабах помощи – организации пунктов общественного питания, оказание медицинских услуг, взаимодействию иностранных миссий с различными органами советской и партийной власти, в меньшей степени рассмотрены такие специфические, и в тоже время важные факторы, как отношение голодающего населения к международным организациям и иностранцам вообще.

В историографии, посвященной изучению общественных настроений в период НЭПа, к настоящему времени сформировался значительный пласт исследований. Особого внимания заслуживает монография С.А. Шинкарчука, которая стала одной из первых в российской историографии, где на обширной источниковой базе анализируются ключевые аспекты формирования и трансформации общественного мнения в переломный период конца 1920-х – начала 1930-х гг.¹¹⁵. Работа «Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада)» охватывает временные рамки с 1927 по 1935 гг., когда окончательно утвердился режим личной власти Сталина, а в сознании и

¹¹⁰ Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия: автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2010.

¹¹¹ Васильев А.А. Продовольственная политика Советского государства в 1918–1920 гг.: На материалах Нижнего Поволжья: автореферат дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2001.

¹¹² Кнурова В.А. Деятельность российских и иностранных организаций по ликвидации голода 1921–22 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: автореферат дис. ... канд. ист. наук: Астрахань. 2007.

¹¹³ Бондаренко Т.Ю. Вклад Миссии Фритьофа Хансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е годы: автореферат дис. ... канд. ист. наук: Тамбов. 2016.

¹¹⁴ Помогалова О.И. Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921–1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья) // Вопросы исторической науки. Материалы II междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). 2013. С. 22–25.; Аншакова Ю.Ю. Из простого человеколюбия: о работе международного союза помощи детям в Поволжье во время голода начала 1920-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 3. С. 76–81.

¹¹⁵ Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада). СПб, 1995.

поведении людей произошли коренные перемены. Исследованию, выдержанному в духе постсоветской историографии, свойственна тенденциозность и категоричность во взглядах на деятельность «бесчеловечного и преступного коммунистического режима», поэтому в настоящее время оно вряд ли может быть расценено как объективное¹¹⁶.

В коллективной монографии «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций» особый интерес представляет глава, анализирующая феномен слухов как социокультурное явление. Авторы показывают, что в условиях дефицита официальной информации население активно восполняло информационный вакуум через неформальные каналы коммуникации¹¹⁷.

В изучении взаимосвязи повседневных практик и общественных настроений в период НЭПа значительный вклад внесла Н.Б. Лебина. В своей монографии «Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг.» исследовательница предлагает оригинальную аналитическую модель, основанную на противопоставлении «нормы» и «аномалии». К аномальным явлениям городской жизни автор относит: девиантные формы поведения (алкоголизм, проституция), криминальные проявления, экстремальные жизненные ситуации (например, смерть). В сферу нормативной повседневности включены: бытовые практики (организация жилого пространства), социальные ритуалы (одежда как маркер статуса)¹¹⁸.

Немалое количество работ посвященных проблеме взаимодействия советской власти и общества появляются на Западе и США. Р. Стайтс, С. Дэвис, Ш. Фицпатрик, Г. Фриз и др. оказали заметное влияние на становление историографии общественного мнения Советской России¹¹⁹.

¹¹⁶ Шинкарчук С.А. Общественное мнени... С. 3.

¹¹⁷ Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011. С. 255.

¹¹⁸ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы. СПб., 1999; Она же. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. СПб., 2018.

¹¹⁹ White S. Political Communications in the USSR. Letters to the Party, State and Press // Political Studies. 1983. Vol. 31, no. 1. P. 43–60.; Fitzpatrick, Sh. Readers' Letters to Krest'ianskaiaGazeta, 1938 // Russian History. 1997. Vol. 24, no. 1–2. P. 149–170; Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // The Journal of

Фундаментальной следует назвать книгу Р. Стайтса «*Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Social Experiment in the Russian Revolution*». Автор изучал феномен социокультурного смысла большевизма, рассматривая мысли и чувства советского человека. Стайтс показывает утопическую природу не только идей, но и форм жизни послереволюционной эпохи¹²⁰. Заметное влияние на становление историографии общественного мнения в Советской России оказала монография английской исследовательницы С. Дэвис¹²¹. Дэвис применительно к общественному мнению в СССР, вводит в научный оборот понятие «народное мнение» (*popular opinion*). Автор уделяет много внимания протестным настроениям, делая важный вывод о неспособности советского государства в 1920–1930-е гг. полностью и уверенно контролировать сознание советских людей.

Из переводных работ следует выделить несколько работ американского историка Р. Пайпса. Во второй книге «*Большевики в борьбе за власть*», входящей в трехтомник «*Русская революция*», автор критикует большевиков, утверждая, что их приход к власти был не столько результатом народной поддержки, сколько следствием слабости Временного правительства и решительности В.И. Ленина¹²². Пайпс отрицает неизбежность революции, считая её во многом случайным событием. В книге «*Россия под большевиками*» Пайпс исследует первые годы советской власти (1918–1924). Он описывает террор, военный коммунизм, подавление инакомыслия и создание тоталитарного государства¹²³. В книге А. Рабиновича «*Большевики у власти*» представляет собой детальное исследование первых месяцев

Modern History. 1996. Vol. 68, no. 4. P. 831–866.; Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // *Slavic Review*. Spring 1996. Vol. 55. Number 1. P. 78–105; Freeze G.L. *From Supplication to Revolution: A Documentary Social History of Imperial Russia*. Oxford, 1988; Figes O. *A People's Tragedy: a History of the Russian Revolution: 1891–1924*. New York: Penguin Books, 1998; Smele J. D. *The Russian Revolution: From Tsarism to Bolshevism*. Queen Mary, University of London. 2009; Lih T. *Bread and Authority in Russia, 1914–1921*. Berkeley: University of California, 1990; Lincoln B. W. *Armageddon. Russian War and Revolution*. New York: Simonand and Schuster, 1986; Sanborn J. *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. Northern Illinois University Press, 2003.

¹²⁰ Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Social Experiment in the Russian Revolution* (Oxford University Press, 1989).

¹²¹ Davies S. *Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

¹²² Пайпс Р. *Русская революция* в 3 т. Т. 2. М., 1997.

¹²³ Пайпс Р. *Русская революция* в 3 т. Т. 3. М., 1997.

советской власти после Октябрьской революции 1917 г.¹²⁴. А. Рабинович опирается на архивные документы, включая местные советские отчеты и материалы оппозиционных партий. В отличие от Ричарда Пайпса, который видел в большевиках жестких авторитарных правителей с самого начала, А. Рабинович показывает, что их политика во многом была реакцией на хаос и сопротивление. Он также подчеркивает, что в 1917–1918 гг. большевики ещё не имели полностью сложившейся репрессивной системы – она формировалась постепенно под давлением обстоятельств.

Знаковыми исследованиями, посвященными изучению хода и событий революции, гражданской войны, развернувшихся на территории Саратовской губернии, следует назвать работы американского историка Д.Дж. Рейли¹²⁵. Выбрав в качестве региона исследования Саратовский край, Рейли показывает, что революция развивалась не по единому сценарию: в провинции было больше стихийности и меньше централизованного контроля. В отличие от Пайпса или Фицпатрик, Рейли делает акцент на политическую борьбу в регионе, показывая, что революция была не только сверху, но и результатом действий местных активистов, рабочих, крестьян.

Еще одним важным направлением в историографии является изучение и анализ «письма во власть» как особой формой дискурса между властью и обществом, представленный в обращениях (письмах, жалобы, доносы, заявления) в органы центральной и местной власти, газеты, в которых граждане выражали свое отношение к действиям государственных органов или конкретных политических и государственных акторов, реагировали на события, в том числе и на новую праздничную культуру, или стремились решить личную проблему.

---

¹²⁴ Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008.

¹²⁵ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.; Он же *Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922*. Princeton, Oxford, 2002.; Он же. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестник самарского государственного университета: Гуманитарный выпуск. 2001. № 1 (19). С. 17–18.

Тематика «писем во власть» как исторического источника утвердилась во второй половине 1990-х гг. К настоящему времени российская историография обогатилась как специальными документальными сборниками, изданиями под редакцией А.К. Соколова¹²⁶, А.Я. Лившина¹²⁷, И.С. Кузнецова¹²⁸, В.И. Шишкина¹²⁹, так и рядом изданий, хронологически охватывающих первые два десятилетия советской истории, которые базируются в значительной мере на «письмах во власть»¹³⁰. Появились диссертации (И.А. Кузнецов, А.Я. Лившин, Н.В. Шалаева)¹³¹, монографии (С.А. Шинкарчук, С.В. Яров)¹³², множество статей, авторы которых в разной степени профессионально и успешно анализируют потенциал писем во власть в качестве исторического источника (В.С. Пушкарев, Е.М. Червякова, М.А. Клинова, В.И. Ким, Д.В. Давыдов)¹³³.

Причины появления и «жизнеспособности» писем во власть связаны с особенностями политической культуры России, которая всегда испытывала

¹²⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг., 1997.

¹²⁷ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002; Письма во власть. 1917–1927. Они же: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.

¹²⁸ Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. Новосибирск, 2001.

¹²⁹ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. документов / состав. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015.

¹³⁰ Хлевнюк О.В., 1937-й: Сталин, НКВД и Советское общество. М.: Республика, 1992; Ибрагимова Д.Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.

¹³¹ Кузнецов И.А. Письма в Крестьянскую газету как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: М., 1996; Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России. 1917–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Шалаева Н.В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917–1920-е гг.: социокультурный аспект: дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2014.

¹³² Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (По материалам Северо-Запада), СПб., 1995.; Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

¹³³ Пушкарев В.С. Письма граждан как уникальный источник по финансовой истории России (СССР) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступления. М., 1999. С. 151–155; Червякова Е.М. Прошения как источник по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Словоцковские чтения-2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень. 2005. С. 201–202; Клинова М.А. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. М., 2012, № 4. С. 300–305; Ким В.И. Лозунги в политическом языке раннего советского общества (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1924–1925 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. № 4. 2015. С. 34–44.; Давыдов Д.В. Крестьянские Письма во власть: из опыта 1920-х годов // Современные исследования в гуманитарных и общественных науках. Т. 1. 2015. С. 6–8.

дефицит подлинных демократических институтов, механизмов и процедур. А.К. Соколов считает традицию обращения к властям одной из характерных особенностей русского народа, не утратившей своего значения и по сей день¹³⁴. А.Я. Лившин назвал письма способом «решения насущных вопросов повседневной жизни»¹³⁵. Весьма похожая позиция у А.В. Захарова, считающего основной причиной написания обращения – «стремление установить контакт с властью» и «возможность высказаться о наболевшем»¹³⁶.

Авторы сборника документов «Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах», под редакцией С.С. Крюковой, видят в обращениях крестьян послереволюционного времени следование традиционному канону челобитной культуры: с одной стороны адресованные письма являются проявление пассивного социального протеста, с другой стороны, проявлением верноподданнических чувств¹³⁷. По словам Д.Х. Ибрагимовой, «социально-иждивенческие настроения», характерной чертой которых являлась апелляция к центральной власти, рассматривались селянином в качестве единственно возможного средства разрешения всех проблем¹³⁸.

Как считает А.Я. Лившин, «крестьянство предпочитало обращаться не в определенные государственные институты, а к определённым деятелям большевистской верхушки, которым оно склонно было в большей степени доверять»¹³⁹. Нередко творчество носило «коллективный характер», фиксируемое в таких разновидностях, как приговоры, наказания, петиции, телеграммы.

Рабочие, студенты, жители больших городов апеллировали в соответствующие госучреждения либо партийные инстанции, т.е. более

¹³⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 5.

¹³⁵ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 15.

¹³⁶ Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. 1998. № 1. С. 23–36.

¹³⁷ Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001.

¹³⁸ Ибрагимова Д.Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 192.

¹³⁹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002. С. 19.

доверяли политике в ее институциональном выражении. Письма рабочих отличались по многим параметрам от писем крестьян, а письма беспартийных – от писем низовых коммунистических активистов¹⁴⁰. В то время как рабочие акцентировали внимание на вопросах занятости, продовольственного обеспечения и жилищных условий, крестьянские письма преимущественно касались налогового бремени, государственной продовольственной политики и кооперации. Объединяющим фактором выступали жалобы на произвол местных чиновников, с которым сталкивались как городские, так и сельские жители. При этом характер злоупотреблений отражал специфику реализации партийной политики в городской и сельской местности. И.Б. Орлов, А.Я. Лившин и В.И. Шишкин утверждают, что в большинстве случаев почти каждое письмо во власть, если анализировать его по таким параметрам, как причины и цели написания, содержание и структура, лексика и орфография текста, является продуктом исключительно сложным, многомерным, неоднозначным и, потому, в качестве исторического источника – уникальным¹⁴¹. Но прежде всего, обращение к письмам позволяет максимально полно выявить круг вопросов, волновавших в тот или иной период времени советское общество, и описать почти все их многообразие.

Из всех крупных документальных работ, представленных в современной отечественной историографии, пожалуй, только в двух есть четкая типология апелляций к власти. Это сборники «Письма во власть. 1917–1927. Заявление, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям»¹⁴² и «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.»¹⁴³.

---

¹⁴⁰ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество... С. 19.

¹⁴¹ Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). Сб. документов. Новосибирск, 2015; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.

¹⁴² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 3.; Лившин А.Я., Орлов И.Б. Письма во власть. 1917–1927. Заявление, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 5 – 6.

¹⁴³ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997.

В исследованиях представлены важнейшие аспекты, отражающие характеристики общественного сознания в те годы:

- а) отношение к власти – как центральной, так и на местах;
- б) отношение или восприятие революционных преобразований в сознании обыкновенного человека (оценка событий 1917 г. и времени гражданской войны, политики нэпа);
- в) реакция деревенских и городских жителей на различные мероприятия большевистского руководства (экспроприация, продразверстка/продналог, раскулачивание, коллективизация);
- г) внутренняя структура и иерархия ценностей, приоритеты, формировавшиеся в недрах общественного сознания;
- д) наиболее характерные дискурсивные стратегии, речевые особенности самовыражения авторов писем.

Опираясь на общероссийский материал, в исследовании представлены письма и жителей Саратовской губернии. Условно их можно классифицировать по времени создания, социальному статусу апеллирующего и типу самого обращения. В письмах отражено отношение демобилизованных фронтовиков к продовольственной политике¹⁴⁴, замечания уполномоченных государством лиц о противоправных действиях местных властей¹⁴⁵, жалобы кустарей-рабочих на отсутствие «социальной справедливости»¹⁴⁶. Адресаты обращений – государственные органы: ЦК Помгол, Наркомзем, а также вожди – В.И. Ленин, М.И. Калинин и др.

Значительное количество писем из выборки сборника, относящихся к Саратовской губернии, были направлены в редакции всесоюзных газет: «Беднота», «Рабочая газета», «Крестьянская газета», «Правда», «Батрак». Письма в редакции газет служили важным каналом коммуникации между населением и властью, позволяя гражданам выражать свои взгляды, а

¹⁴⁴ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Письма во власть. 1917–1927. Заявление, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 56.

¹⁴⁵ Там же. С. 290–292.

¹⁴⁶ Там же. С. 488–490.

государству – получать обратную связь о реакции общества на проводимую политику. Этот механизм давал возможность властным структурам своевременно корректировать свои действия и осуществлять политический контроль над общественными настроениями¹⁴⁷. Подобная форма взаимодействия власти и общества, по мнению В.А. Чолохяна, становилась способом решения насущных вопросов повседневной жизни – «клапаном для выпуска социальной энергии и недовольства»¹⁴⁸.

Письма читателей в официальные органы советской печати использовались для укрепления государственной власти, идеологического воздействия на общественное сознание, пропаганды и закрепления в нём особых ценностей и норм поведения, а также соответствующего воспитания масс¹⁴⁹. Поводом для обращения в газету могло стать недовольство местной властью, жалоба на отсутствие должного обеспечения Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и даже расхождение во мнениях с политическим курсом. Крамольные письма или те обращения, в которых отсутствовала корреляция с общегосударственными проблемами, подвергались уничтожению, не увидев публикации.

В тех письмах, которые попадали в печать, можно четко проследить официальную позицию или, точнее, — иллюстрацию взглядов самого главного редактора на роль и задачи прессы в «социалистическом строительстве». Несмотря на редакторские правки, цензуру и прочие уловки, трудящиеся видели в печатных изданиях мощный инструмент для восстановления государственной справедливости по отношению к ним. Редакции брали «на контроль» действия местных властей по решению проблем, изложенных в опубликованных письмах, что повышало авторитет

---

¹⁴⁷ Семенов А.В. «Редакция хочет знать...» По страницам Саратовской газеты «Социал-демократ» // Власть. № 6. Т. 32. 2024. С. 285.

¹⁴⁸ Чолохян В.А. Письма во власть, информационные сводки ОГПУ и партийных организаций – источник изучения советского общества 1920–1930-х гг. // Сборник материалов I межвузовской научной конференции (к 100-летию СГУ). Саратов. 2009. С. 44.

¹⁴⁹ Абракова Т.А. Письма в печать, как одна из форм диалога власти и общества: к характеристике современной историографии // Современная научная мысль. Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. № 1. 2020. С. 111.

прессы в массах. Не безосновательно трудящиеся считали газеты официальным институтом власти, в который можно обратиться и получить незамедлительную реакцию.¹⁵⁰

Государству, в свою очередь, было важно иметь информацию о недовольствах пролетариата и крестьянства по отношению к экономическим и партийным кампаниям. Ведущие всесоюзные газеты, например, «Правда» и «Крестьянская газета» готовили секретные обзоры писем и подборки выдержек из них. Такие подборки формировались отдельно и им присваивались специальные названия: «враждебные отклики», «контрреволюционные мнения» и пр. Все эти подборки писем шли по вертикали партийного аппарата, попадая в ЦК. Подобное внимание к письмам, по словам известного историка В.С. Измозика, объяснялось желанием получить более реальную информацию о настроениях на местах¹⁵¹.

Сбор и анализ информации о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о недовольствах и их причинах аккумулировали информационные аппараты ЦК, которые помимо подборок писем читателей получали особо секретную информацию с мест. Это привело к созданию системы «политического контроля». Вышеназванные материалы используются в диссертационном исследовании.

Тема политического контроля Советского государства с 1990-х гг. стала одной из новых в отечественной историографии и сегодня широко представлена в российской исторической науке. У истоков этого направления был В.С. Измозик, чьи работы сегодня стали хрестоматийными¹⁵². Он впервые ввел в научный оборот понятие «политический контроль», а также разработал методологию исследования феномена политического контроля.

---

¹⁵⁰ Семенов А.В. «Редакция хочет знать...» По страницам Саратовской газеты «Социал-демократ» // Власть. № 6. Т. 32. 2024. С. 286.

¹⁵¹ Измозик В.С. Государственный политический контроль за населением Советской России (1917–1928). СПб., 2021. С. 93.

¹⁵² Измозик В.С. Политический контроль Советской России 1918–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: СПб., 1995; Измозик В.С. Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России 1918–1928 гг. СПб., 1995; Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 26–35.

С началом 2000-х гг. исследователи обращают внимание на трансформации систем политического контроля, на изменения его содержания, методы осуществления, принципы организации в тех или иных исторических реалиях. Историк С.Е. Майшев в своей кандидатской диссертации рассматривает эволюцию системы политического контроля и репрессивных механизмов в Российской империи и раннем советском государстве¹⁵³. Функционирование системы в 1920–1930-е гг. рассмотрено в диссертационном исследовании А.П. Каткова. Основное внимание историк уделяет деятельности карательных органов, идеологическому надзору и трансформации системы репрессий от относительно «точечных» мер 1920-х к террору 1930-х гг.¹⁵⁴. Диссертация А.Я. Скоропада исследует, как советская власть через партийные и карательные институты регулировала деятельность ВЛКСМ (Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи), превращая его в инструмент идеологического воспитания и подавляя любые отклонения от «генеральной линии»¹⁵⁵.

Интерес к теме возрастает и в связи с обращением авторов к региональному аспекту политического контроля, который вызван огромным объемом неопубликованных архивных материалов. Этим проблемам посвящены работы С.А. Дианова¹⁵⁶ и Н.В. Офицера¹⁵⁷.

Пути и средства осуществления политического контроля в ранний советский период были различны – от репрессивных до выявления общественного мнения посредством целенаправленного сбора информации различными органами государственной власти¹⁵⁸. Историк А.А. Слезин

---

¹⁵³ Майшев С.Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России: 1880–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 2007.

¹⁵⁴ Катков А.П. Политический контроль в советском обществе в 20–30-е годы: дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2000.

¹⁵⁵ Скоропад, А.Э. Комсомол как объект открытого политического контроля: 1918–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2013.

¹⁵⁶ Дианов, С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919–1929 гг. Пермь, 2008.

¹⁵⁷ Офицера Н.В. Политический контроль в промышленном сообществе в 1920-е гг.: на материалах Северо-Запада России: дис. ... канд. ист. наук: СПб., 2010.

¹⁵⁸ Семенов А.В. От сводок ВЧК до «закрытых писем» в ЦК: механизм контроля общественного настроения 1917–1920 // Наше недавнее прошлое: современные направления советской истории и историческая память. Ставрополь, 2023. С. 228.

отмечал, что политический контроль представлял собой естественную и законодательно закреплённую функцию государственных структур. Эта деятельность была оправдана потребностью в сборе и анализе сведений о настроениях населения, отношении граждан к ключевым вопросам политики и экономики, а также к действиям властей в этих областях¹⁵⁹.

Политический контроль выступал своеобразным каналом связи между государством и обществом, позволяя власти корректировать свой курс в соответствии с индикацией общественного мнения. В то же время система была призвана способствовать сокрытию значительной, все увеличивающейся массы фактов о реальном социально-экономическом положении страны, подменяя их дезинформацией, с целью формирования у населения нужных режиму представлений.

В.С. Измозик, С.А. Дианов и А.А. Слезин определяют политический контроль как многоуровневую систему. Она строилась иерархично, замыкаясь на ЦК РКП (б) – ВЧК, опускаясь на уровень губернии (края, области), района (уезда), а затем – каждого предприятия или учреждения.

Изначально потребность в политическом контроле диктовалась сложностью и условиями борьбы за власть и умы граждан революционной России 1917 г. Это требовало особого внимания к своим политическим соперникам и оппонентам, которые также вели активную агитационно-пропагандистскую работу. Одним из первых органов такого контроля, по мнению С.А. Дианова, стал Военно-революционный комитет (ВРК), образованный с целью подготовки восстания, а после его успешного осуществления он стал органом борьбы с контрреволюцией и охраной революционного порядка¹⁶⁰.

На смену ВРК уже в начале декабря 1917 г. пришла Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) во главе с Ф.Э. Дзержинским. Место и функции ВЧК в системе органов государственного управления сложно

---

¹⁵⁹ Слезин А.А. Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 13. № 3. 2007. С. 821

¹⁶⁰ Дианов С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919–1929 гг. Пермь, 2008. С. 15.

определялись из-за ее внеконституционного характера и взаимодействия сразу с несколькими государственными ведомствами, в том числе с Наркоматами внутренних дел и юстиции, а также Реввоенсоветом и другими. ВЧК, как и другие органы государственной власти, осуществляла охрану государственной безопасности, включая сбор информации о настроениях и поведении различных групп населения. Информационный отдел ВЧК использовал такие средства, как наблюдение, слежка, сыск, перлюстрация корреспонденции¹⁶¹.

В конце января–февраля 1918 г. в связи с резким ухудшением внешнеполитической обстановки и усилением активности контрреволюционных сил возникают ЧК на местах. 23 февраля 1918 г. ВЧК направила во все советы радиограмму о немедленной организации ЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Одними из первых возникают Саратовская, Пензенская, Новгородская, Череповецкая, Таганрогская ЧК. На местные ячейки ЧК была возложена обязанность по сбору политической информации и отправки ее в центр.

Установление советской власти на значительной территории бывшей Российской империи способствовало распределению обязанностей по сбору и анализу политической информации от ВЧК к аппаратам ЦК РКП (б). Важнейшим органом советской политической системы, аккумулирующим сведения об общественных настроениях различных групп населения, являлся Информационный отдел при ЦК РКП (б) (информационно-статистический с 1920, и снова информационный с 1924 г. – А.С.). В информационный отдел стекались самые разнообразные материалы: протоколы партийных комитетов и собраний, отчеты организаций о проделанной работе и положении дел, ответы на рассылаемые анкеты, сведения из газет и т.д.¹⁶². В свою очередь, отдел готовил ежедневную систематическую (по отдельным вопросам) сводку из всего поступающего материала, разработку ежемесячных отчетов

---

¹⁶¹ Смыкалин А.С. Тайный политический контроль в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2005. С. 79.

¹⁶² Дианов С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919–1929 гг. Пермь, 2008. С. 30.

местных организаций и составление ежемесячной сводки «общегубернской партийной работы» и т.д.¹⁶³.

Кроме характеристики чисто партийной работы значительное место в них уделялось перечислению мероприятий, направленных на улучшения образа советской власти. Например, в сводке информационного отдела «о состоянии уездов Саратовской губернии» за ноябрь 1919 г., предусматривается проведение агитационных мероприятий (митингов, лекций-концертов, субботников) с целью борьбы против контрреволюционных элементов¹⁶⁴. Особый приоритет отдавался агитаторской деятельности в деревне.

С течением времени форма сводки менялась. К началу 1920 г. сводка о положении в губерниях включала 12 вопросов, в том числе отдельный пункт – «Настроение населения». Однако вместо сухих, четко выстроенных информсводок инструкторам ЦК с декабря 1920 г. вменили составление ежемесячных докладов и докладных записок, в которых необходимо было отразить всю палитру недовольств населения.

Политика диктатуры пролетариата, предполагавшая коллективную власть пролетариата как общественного класса, давала властям неоспоримое господство над массами, поскольку опиралась на силу масс для удержания своего господства. В тоже время создавала проблемы отсутствия объективной информации об общественных настроениях населения. Понимание этого и желание получать более достоверную информацию способствовали расширению форм политической отчетности.

В январе 1922 г. был принят циркуляр ЦК РКП (б) № 1902/с, вводивший практику «закрытых» или «личных» писем секретарей партийных комитетов. Исходя из циркуляра, секретари губкомов и республиканских ЦК ежемесячно должны были отправлять секретные

---

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 5. Л. 38, 98.

¹⁶⁴ Там же. Оп. 6. Д.278. Л.33.

короткие письма в ЦК РКП(б), давая характеристику положения в конкретно взятом районе.

В письме от 10 июня 1922 г. за подписью В.М. Молотова и зав. орготделом ЦК Л.М. Кагановича ЦК разъяснял, что в «закрытых письмах», имеющих объем в среднем около двух страниц, следует осветить следующие группы вопросов: «важнейшие явления хозяйственной жизни», «настроение рабочих и различных слоев крестьянства», «враждебные нам политические партии (их влияние..., методы работы)», «состояние и работа советского аппарата», «жизнь партийной организации». Как видно, вопросы политического контроля за населением занимали здесь заметное место. При этом подчеркивалось, что «вскрытие недочетов и вообще отрицательных сторон местной работы в закрытых письмах секретарей должно быть более решительным и законченным, чем это бывает в обычных официальных информотчетах»¹⁶⁵.

В «закрытых письмах» секретари стремились показать положительную динамику общественного мнения («...симпатии к Соввласти крепнут...», «...стремление крестьян к расширению посевов – несомненно...», «...моральное состояние парторганизации улучшилось...», «...тяга к учебе в организации не ослабевает...») ¹⁶⁶ (Приложение № 4). По замыслу ЦК «закрытые письма» секретарей губкомов РКП(б) должны были укреплять обратную связь руководства с местными партийными организациями¹⁶⁷. По мнению А.В. Добровольского, жесткая регламентация и периодичность быстро превратили «закрытые письма» в очередную формальность, особенно в части освещения работы враждебных политических партий и группировок¹⁶⁸. К середине 1922 г. стоявшие в оппозиции к большевикам эсеры не имели реальных возможностей для проведения партийной работы

---

¹⁶⁵ Измозик В. С. Государственный политический контроль за населением Советской России (1917–1928). СПб., 2021. С. 94.

¹⁶⁶ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 33. Д. 121. Л. 40.

¹⁶⁷ Там же. Оп. 38. Д. 376. Л. 5.

¹⁶⁸ Добровольский А.В. Закрытые письма секретарей губкомов РКП(б) о нелегальной деятельности эсеров в Сибири (1922-1923 гг.). 2017. С. 87.

на местах. В результате превентивных мер ВЧК/ГПУ большинство руководящих эсеровских органов губернского, городского уровня были разгромлены, а их руководители и активисты находились в местах заключения.

Разгром эсеров позволил большевикам переключиться на выявление социально-классовых враждебных сил. В январе 1923 г. ЦК РКП (б) просит местные власти отражать в «закрытых письмах» работу с беспартийными массами, уделять внимание процессам социального и политического характера, происходящим в деревне, отмечать рост политической активности кулачества, факты классовой борьбы в деревне, показывать формы и содержание движения среди различных слоев интеллигенции и духовенства¹⁶⁹.

Аппарат ЦК не был удовлетворён содержанием писем и отчетов. В январе 1923 г. в письме ЦК отмечалось, что «некоторые из полученных писем страдают отсутствием плана и конкретизации сообщений...», высказывалось пожелание «сосредоточить внимание на работе партии среди беспартийных масс... больше внимания уделять процессам социального и политического характера, происходящим в деревне...»¹⁷⁰.

Принимая регулярную информацию о положении на местах, ЦК партии периодически требовал информационные сводки по самым разнообразным вопросам. В начале сентября 1924 г. он направил письмо 17 губкомам и областкомам (Астраханскому, Воронежскому, Пензенскому, Саратовскому, Тамбовскому и другим) следующего содержания: «Ввиду громадной важности для всей партии последствий неурожая и борьбы с ним, а также влияния последствий неурожая на настроение рабочих и крестьян, ЦК РКП (б) предлагает обратить внимание на своевременное и полное осведомление ЦК о положении в губернии. ... Для этого, ... ЦК предлагает Вам к 1-му

---

¹⁶⁹ Измозик В.С. Государственный политический контроль за населением Советской России (1917–1928). СПб., 2021. С. 94.

¹⁷⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.291. Л.22, 74, 78.

числу каждого месяца ... присылать в Информотдел ЦК ... краткие информационные сообщения»¹⁷¹.

В информационных письмах были разделы, в том числе посвященные настроениям красноармейцев, студенчества, интеллигенции, крестьянства и рабочих. В одном из таких, за февраль–апрель 1925 г., подготовленном губкомом, содержится срез данных о недовольствах рабочих саратовских предприятий. Согласно сообщению, за подписью секретаря партийной организации П.А. Галанина, неудовлетворённость вызывали снижение заработков и рост цен на необходимые продукты (хлеб, мясо)¹⁷². Волновало рабочих и право на труд. Например, у саратовских железнодорожников вызвало раздражение несдержанное обещание Наркомата путей сообщения не проводить сокращения¹⁷³. Как отметил секретарь, нельзя было давать таких рискованных обещаний, так как само сокращение было вынужденной мерой «под знаком повышения производительности и удешевления продукции»¹⁷⁴. Стоит констатировать, что механизмы политического контроля раннего советского государства представляют собой многоуровневую систему, функционирование которой, с одной стороны, было заложено в условиях разворачивающейся борьбы с контрреволюцией и охраной революционного порядка, а с другой, сбор и оценка политической информации о настроениях населения¹⁷⁵.

Подводя итог анализу историографии обозначенной в исследовании проблемы, необходимо обратить внимание на сосуществование новых научных тенденций в изучении ранней советской истории с традиционными подходами и интерпретациями общественного мнения и настроения раннего советского общества. Автором отмечено, что до 1990-х гг. в отечественной

¹⁷¹ Измозик В.С. Государственный политический контроль за населением Советской России (1917–1928). СПб., 2021. С.95.

¹⁷² РГАСПИ Ф. 17. Оп. 38. Д. 376. Л. 146.

¹⁷³ Там же. Л. 63.

¹⁷⁴ Там же. Л. 66.

¹⁷⁵ Семенов А.В. От сводок ВЧК до «закрытых писем» в ЦК: механизм контроля общественного настроения 1917–1920 // Наше недавнее прошлое: современные направления советской истории и историческая память. Ставрополь, 2023. С. 234.

историографии изучение проблем формирования общественного мнения и настроений советского общества в период 1917–1929 гг. практически не осуществлялось, в связи с тем, что научная парадигма была зажата жесткими рамками марксистско-ленинского принципа понимания истории.

С процессом накопления знаний и постепенной интеграции в современную мировую научную традицию в российской исторической сфере развивается направление «Власть и общество». В диссертации рассмотрен широкий круг работ обозначенного направления, написанных в неполитизированном ключе, исследующих советское общество с позиции его рядовых членов – крестьянства, пролетариата, служащих и др. социальных групп. Далее анализируется литература, рассматривающая на конкретном материале более узкую тему возникновения и динамики общественного мнения и настроения в революционную и послереволюционную эпоху. В фокусе внимания оказываются работы, в которых связывается проблематика массового и общественного сознания с изучением столь специфических документов, как «письма во власть» и материалы политического контроля. Большое значение уделено исследованиям, основанным на региональном материале. Несмотря на имеющуюся литературу, в отечественной историографии отсутствует комплексное исследование, посвященное изучению общественных настроений и мнений в Саратовской губернии в исследуемый период. Настоящее диссертационное исследование предполагает максимально точно проследить эволюцию и динамику общественного мнения и настроений населения Саратовской губернии как реакции на политику советской власти в регионе.

ГЛАВА II

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И НАСТРОЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО КРИЗИСА В 1917–1923 ГГ.

2.1 Формирование общественного мнения и настроений на государственном и региональном уровнях в 1917–1918 гг.

Партия большевиков пришла к власти осенью 1917 г. в условиях ожесточенной политической борьбы, умело используя промахи и ошибки Временного правительства, формируя общественное мнение по отношению к либерально-буржуазному правительству. Завоевав власть, РСДРП(б) сталкивается с колоссальным сопротивлением со стороны тех сил, которые оказались в оппозиции большевикам, а также части населения, поддерживающей кадетов, меньшевиков, эсеров. В течение года это противостояние перешло к вооруженному конфликту – гражданской войне, что заставило руководство советского правительства организовывать массы на защиту пролетарского государства – диктатуры пролетариата и разоружение его противников¹⁷⁶.

Наравне с организацией военного сопротивления большевистское правительство с первых дней своего существования организует систему идеологической борьбы с целью создания широкой социальной базы поддержки и утверждения советской власти на местах. Особенно это было значимо для тех регионов, где позиции большевиков не были абсолютны, там, где основное население составляло крестьянство или в социальном составе пролетариат занимал незначительную долю.

В Саратовской губернии – традиционно аграрном регионе, большевистские позиции были крепки преимущественно в крупных

---

¹⁷⁶ Баевский Д. Из истории строительства большевистской партии (октябрь 1917–март 1919 г.) // Историк-марксист. № 2. 1941. С. 3–21. С. 4.

промышленных городах – Царицыне, Балашове, Вольске и Саратове. Согласно предварительным данным переписи населения губернского центра от 1916 г.¹⁷⁷ общее число жителей составляло 223 854 чел.¹⁷⁸. Составитель, готовивший результаты переписи к публикации, оговаривается в предисловии, что реальная цифра больше, поскольку не включены сведения о солдатах, живших в бараках, и о раненых, находившихся в госпиталях.

Данные, приведенные в сборнике, показывают, что чуть больше половины саратовского населения составлял рабочий класс. Но здесь тоже нужны уточнения: переписчики не относили к рабочим тех, кто был связан со сдачей в наем жилья, кустарей, мастеровых-надомников (вроде портных) и прочих. Согласно выводам профессора университета Северной Каролины (США), специалиста по истории Саратовского края в революционный период Д. Дж. Рейли, сделанных на основе переписи 1916 г., количество рабочих составляло 123 042 (55 % жителей Саратова), фабрично-заводскими (промышленный пролетариат) являлись только 25 тыс. человек, то есть 20,3 % населения¹⁷⁹.

Таблица № 1

Демографический и социальный состав Саратов в 1916 г.¹⁸⁰

Социальный состав	Мужской пол		Женский пол		В целом	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Рабочий класс	56533	53,6	66509	52,5	123042	53,0
Лица умственного труда (средний класс)	17136	16,2	18883	15,0	36019	15,5
Торговцы (средний класс)	9688	9,1	13191	10,5	22879	9,8
Студенты	5190	4,9	3718	3,0	8909	3,8
Беженцы и проч.	17128	16,2	24039	19,0	41167	17,9
Всего:	105675	100,0	126340	100,0	232015	100,0

¹⁷⁷ Несмотря на то, что имеются данные о количестве населения г. Саратова за 1917 г., в них отсутствует информация о социальном составе губернского центра.

¹⁷⁸ Кокшайский П.Н. Предварительные данные переписи населения города Саратова и его пригородов. Саратов, 1916. С. 9.

¹⁷⁹ Рейли Д. Дж. Саратов от августа 1914 до августа 1991. Россия глазами американца. Саратов, 1994. С. 99.

¹⁸⁰ Составлено и подсчитано автором по: Кокшайский П. Н. Предварительные данные переписи населения города Саратова и его пригородов. Саратов, 1916. С. 15.

С началом войны увеличилось число беженцев. Сюда, как в более безопасное место, правительство эвакуировало из западных районов Российской империи оборонные заводы с рабочими – поляками и латышами. К осени 1917 г. в губернии оказалось более 20 000 поляков, 6 000 евреев и несколько сотен латышей. Тысячи студентов из западных губерний также оказались на берегах Волги. В протоколах городской думы есть сведения, что в 1916 г. в Саратове проживало от 50 000 до 75 000 перемещенных лиц¹⁸¹. Беженцы вследствие тяжелого бытового и эпидемиологического состояния вызывали беспокойство общества и думы. К тому же они выражали свое недовольство привычным для себя способом – стачками и манифестациями.

Очагами повышенной социальной возбудимости явились и те города, где находились военные гарнизоны¹⁸². В Саратове размещался самый большой гарнизон в Казанском военном округе. В 1917 г. численность местного гарнизона колебалась от 30 000 до 70 000 тыс. солдат. Во всех уездных центрах, кроме Хвалынска, недоступного по железной дороге, также имелись гарнизоны, которые в некоторых случаях были больше, чем сами города¹⁸³.

Столица губернии в период мировой войны стала крупным эвакуационным пунктом. Большое количество раненых военнослужащих помещались в специально открытых госпиталях и лазаретах. Поток раненых и больных солдат, прибывавших на лечение, был значительным. К примеру, только за август 1914 г. Саратов принял 2 975 раненых¹⁸⁴.

В конце 1917 г. поток военнослужащих с распадающихся фронтов увеличился. Саратовская губерния разместила на своей территории более ста тысяч солдат и офицеров. Сформировалась новая категория населения – фронтовики, обладавшие собственным политическим видением и взглядами

---

¹⁸¹ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 23.

¹⁸² Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С.10.

¹⁸³ Donald J. Raleigh. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917-1922. Princeton, Oxford, 2002. С. 37.

¹⁸⁴ Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 272.

на развитие революционного общества и потому, они, скорее, были оппонентами, нежели союзниками новых властей.

Накануне революции население Саратовской губернии состояло из 2 702 000 сельских и 673 371 тысячи городских жителей. Примерно 5 % крестьян были полностью лишены земли, 15 % считались «беспосевными», то есть владели лишь клочком земли¹⁸⁵. За двадцать лет, предшествовавших революции, число безземельных или почти безземельных крестьянских хозяйств возросло с 13 % до 21,2 %¹⁸⁶. Вместе с тем почти половина всех земель в губернии по-прежнему оставалась в руках помещиков (их насчитывалось 6 411 чел.), а также государства и церкви¹⁸⁷.

Экономическое состояние ухудшилось в связи с начавшейся войной. Реквизиции тяглогового скота и призывы в армию мужчин – главной рабочей силы – подорвали земледелие. Уже за первый год военных действий сократилась общая площадь обработанной земли. Больше всего, несмотря на помощь земства и кооперативов, пострадали беднейшие крестьяне и крупные землевладельцы, использовавшие прежде дешевую рабочую силу и теперь обнаружившие, что из-за колоссального оттока крестьян на войну цена наемного труда возросла вдвое, а то и больше¹⁸⁸. Мелкие крестьянские хозяйства не справлялись с обработкой всей земли из-за нехватки рабочих рук: к лету 1917 г. треть (30,7 %) всех дворов остались без работников-мужчин¹⁸⁹. И каждый последующий год войны усиливал напряженность в деревне, осложнял её отношения с городом, предвещая трудности с продовольствием.

---

¹⁸⁵ Саградьян М.О. Осуществление Ленинского декрета о земле в Саратовской губернии. Саратов, 1966. С. 10–11.

¹⁸⁶ Там же. С. 9.

¹⁸⁷ Саратовское областное сельскохозяйственное совещание: Материалы: В 2-х т. Т. I. СПб., 1911. С. 1, 20, Т. II. С. 108–109.

¹⁸⁸ Миловзоров А.Ф. Крестьянское частновладельческое хозяйство Саратовской губернии после года войны. Саратов, 1916. С. 9.

¹⁸⁹ Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917). М., 1962. С. 189.

Как видно, социально-экономическое положение и демографическая ситуация в Саратовской губернии в годы Первой мировой войны и на протяжении всего революционного 1917 г. были нестабильными. Взрывоопасные настроения, вызванные недовольством войной, тяжелыми условиями труда, количеством беженцев, а также полицейским порядком, вынудило значительные массы населения поддержать не либерально-буржуазные силы, а социалистические партии. Большое влияние оказала идеологическая работа: выступление с агитацией среди сельского населения, и распространение листовок и прокламаций. Одним из основных инструментов идеологического воздействия стала периодическая печать.

Большевики активно стремились к тому, чтобы каждый гражданин, читая газету, утверждался в правоте и незыблемости коммунистических идеалов¹⁹⁰. Правда, идея использования печати в формировании нужного общественного мнения не принадлежала большевикам. В этом смысле не менее амбициозные цели ставили перед прессой и остальные политические силы.

На протяжении всего революционного периода выходило множество газет, которые отражали весь спектр политической жизни Саратовской губернии. Так, например, «Саратовский листок» был печатным органом саратовских кадетов, на редакцию «Саратовского вестника» опиралось плехановское «Единство», «Пролетарий Поволжья» представлял меньшевистскую организацию, эсеры выпускали «Земля и воля».

Печатным изданием саратовского отделения РСДРП(б) являлась газета «Социал-демократ», выходившая в городе в 1917–1918 гг. Для нее, как и для большинства большевистских газет, было характерно четкое внутреннее строение, связанное с освещением событий в стране, за рубежом и в губернии. Перед газетой стояли следующие задачи: борьба за власть, за

---

¹⁹⁰ Толчинская Т.И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900–1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012. С. 3.

проведение в жизнь требований демократической республики, восьмичасового рабочего дня, конфискации помещичьих земель (март–октябрь 1917 г.) и проведение идей советской власти, направленных на ее укрепление (октябрь 1917 г.– февраль 1918 г.).

Отражая в основном волю заказчика (политической партии или отдельных деятелей этой партии), газеты освещали на своих страницах перипетии политической борьбы, вскрывали внутренние взаимосвязи и противоречия между событиями различной направленности, истинные цели политических сил. Массовая политическая коммуникация стала транслятором всей информационной среды общества, а газеты – важнейшим политическим инструментом. Без преувеличения можно сказать, что газеты, в отличие от других жанров письменной агитации – прокламаций и листовок, играли решающую роль в формировании общественного мнения. И поэтому политические оппоненты большевиков на страницах подконтрольных им газет выступили с резкой критикой против «узурпаторов власти».

Спустя пять дней после осады Саратовской городской думы многие газеты с гневом обрушились на большевиков. «Большевики – враги народа. Они срывают выборы в Учредительное собрание», писали «Известия Саратовского Губернского Совета крестьянских депутатов»¹⁹¹. Там же звучали призывы не верить большевикам, и поддержка протестов «против насильственных действий и неподчинению»¹⁹².

Редакция газеты «Саратовский листок» опубликовала резолюцию, подписанную оппозиционными политическими силами города. Против большевиков от имени 912 членов выступил и «Союз газетчиков»¹⁹³. В резолюции содержалась критика большевиков, выражалась поддержка свергнутому Временному правительству.

Негативная реакция на захват власти большевиками, отраженная как в либерально-буржуазной прессе («Саратовский листок», «Саратовские

---

¹⁹¹ Известия Саратовского Губернского Совета крестьянских депутатов. 4 ноября, 1917.

¹⁹² Там же

¹⁹³ См. Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 290.

губернские ведомости»), так и в социалистической («Известия Саратовского Губернского Совета крестьянских депутатов», «Пролетарий Поволжья»), вынудила большевиков действовать решительнее, обратившись за поддержкой к трудящимся напрямую через призывы в газетах. Таким образом, они придали газетам важнейшую политическую функцию – обратной связи. Например, в «Социал-демократе» появляются обращения редакции с призывом присылать письма, протоколы собраний. Выражается готовность газеты ответить на все интересующие вопросы¹⁹⁴.

Попытке установить регулярный контакт с населением, находящимся преимущественно в уездах и сельской местности, препятствовал небольшой тираж газеты. Несмотря на то, что к октябрю 1917 г. «Социал-демократ» имел тираж свыше 10 тыс. экземпляров, не мог быть сопоставим с газетами, распространяемыми оппозицией, имевшими совокупный тираж свыше 50 тыс. экземпляров¹⁹⁵. Аналогичная ситуация сложилась и в других подконтрольных большевикам регионах бывшей Российской империи.

Принятый 27 октября [9 ноября] 1917 г. Советом народных комиссаров (СНК) декрет «О печати» позволил закрыть все оппозиционные издания. Мера, которую большевики предвидели задолго до наступления Октябрьских событий. Так, В.И. Ленин часто повторял, что все буржуазные газеты, журналы и другие средства печати будут закрыты большевиками сразу после их прихода к власти. После революции он заметил, «что терпеть существование этих газет, значит, перестать быть социалистом»¹⁹⁶.

Саратовские большевики накануне выхода декрета провели конфискацию всех оппозиционных газет, что по свидетельству негативно настроенного по отношению к советской власти преподавателя Саратовского университета Алексея Бабина, привело в городе к росту цен на прессу: «...Московские газеты («Русское слово», «Утро России», «Русские

---

¹⁹⁴ СМК ОФ 20881/19. Социал-демократ, 1918. 20 января. № 119.

¹⁹⁵ Аникеев В.В. Журнал местных партийных организаций 1917 г.: Документы института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС // Исторический архив, 1959, № 5. С. 45.

¹⁹⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 54.

ведомости») шли за полтинник, а то по рублю-два за номер...»¹⁹⁷. «В городе не стало других газет, кроме клеветнических, лгущих большевистских газетёнок, которых никто не желает читать», – подчеркивал А.В. Бабин¹⁹⁸. Вследствие цензурных мер саратовские большевистские газеты активизировали свою деятельность – увеличили тираж и число выпусков в неделю.

Следует подчеркнуть значение самих декретов. Они провозглашали коренные преобразования в общественно-политической и экономической сферах. Будучи направленными против классового неравенства, эти документы укрепляли поддержку большевиков среди их основной социальной опоры – рабочих и крестьян¹⁹⁹. Кроме того, декреты выполняли агитационно-пропагандистскую функцию: благодаря доступному языку, лозунгам и декларациям они доносили до населения намерения власти воплотить в жизнь его чаяния. Их содержание также отражало ключевые тенденции формирования новой государственной системы, что усиливало пропагандистский эффект.

Первым из широко известных декретов стал Декрет о мире, принятый 26 октября 1917 г.²⁰⁰. Он одновременно предлагал мир всем конфликтующим странам и служил инструментом привлечения солдат на сторону большевиков. Участие России в первой мировой войне привело страну к упадку экономики и снижению уровня жизни населения. Частые мобилизации и высокие человеческие жертвы, которые преимущественно ложились на плечи рабочих и крестьян, вызвали разочарование, недовольство и неповиновение имперской власти среди народа, поэтому появление Декрета о мире было встречено рабочим классом и крестьянами с

---

¹⁹⁷ Булдаков В.В. Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. 1917 – 1922 гг. // Волга. № 5. 1990. С. 115.

¹⁹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹⁹ Шмаков А.А. Первые декреты советской власти с точки зрения пропаганды // Вестник Марийского государственного университета. Т.9. № 1. 2023. С. 74.

²⁰⁰ Файрушина К. А. Первые декреты советской власти в области трудового права // Эволюция российского права. Екатеринбург, 2018. С. 50–52.

большим воодушевлением, с верой в стабилизацию ситуации и лучшее будущее²⁰¹.

После принятия Декрета, который содержал важное положение – заключение мира между государствами без аннексий и контрибуций, большевикам пришлось пройти долгий и мучительный путь к настоящему соглашению, обернувшийся позорным подписанием с Кайзеровской Германией Брестского мира 1918 г. За несколько месяцев до этого во центральных и местных газетах разворачивается информационная кампания в поддержку подписания мира, рассказывали о деморализации и фактах массового дезертирства солдат Антанты и Тройственного союза.

Так, теме европейских и общероссийских событий, развивавшихся после Октября 1917 г., в редакции саратовского «Социал-демократа» придавалось особое значение. Номера газеты содержат информацию о забастовках в Европе («По всей Европе начинается буря революции. Миллионные массы рабочих выступают на площади городов, требуя Демократического мира и широких демократических реформ...») ²⁰², о массовом дезертирстве европейских солдат на фронтах Первой мировой войны («...Солдаты Французской, Германской и Английской армии поднимают знамя восстания. Им вторит из больших городов грозный голос обездоленных масс, рвущих цепи тысячелетнего рабства...») ²⁰³, о возможном мире и начале социалистической войны («...Вопрос стоит ясно и определенно, можем ли мы вести, какую бы то ни было войну или нет? Если война возможна, то нужно выяснить, какая война объективно возможна, под какими лозунгами...»), выступая против социалистической войны, они косвенно должны признать правильность наших усилий в дело мирных переговоров...») ²⁰⁴.

²⁰¹ Декреты советской власти: в 18 т. Т. 1: 25 октября 1917–16 марта 1918. М., 1957. С. 432.

²⁰² СМК ОФ 20881/2. Социал-демократ, № 122. 28 января, 1918.

²⁰³ СМК ОФ № 20881/3. Социал-демократ, № 123. 30 января, 1918.

²⁰⁴ СМК ОФ 20881/19. Социал-демократ, № 119. 20 января, 1918.

Безусловно, редакция газеты стремилась на своих страницах публиковать письма читателей, в которых они реагировали на происходящее. На события одного конфликта так называемой «социалистической войны», которую Красная армия вела на Украине, откликнулся некий К. Чубик, назвавшийся – украинцем-каторжанином. В небольшом письме, помещенном в № 121 от 25 января 1918 г., он приводит слова сожаления за позицию украинской «гайдаматчины», «чуть было, не начавшей с [Советами] преступную войну»²⁰⁵. В письме Чубик призывает к солидарности «братьев Великорусов с украинцами» против 280-летней тирании, которую переносили два «угнетенных народа», и «посылает проклятье тем украинцам, которые оставили братьев своих, кругом окруженных врагами»²⁰⁶.

С одной стороны, в сознании граждан, власть всех уровней стремилась сформировать в общественном сознании мысль о единстве борьбы и солидарности с мировым пролетариатом. С другой стороны, сформировать позитивный образ власти. Несмотря на достаточно плачевные для России последствия Декрета о мире, была решена важная задача – «дать народу то, что он требует – немедленно и сейчас», и сотни тысяч солдат укрепили свою веру в Советское правительство²⁰⁷.

Одним из ключевых документов, способствовавших поддержке крестьянства, стал Декрет «О земле». Этот акт воплотил в жизнь революционный лозунг «Земля – крестьянам!», сыграв решающую роль в вовлечении сельского населения в революционный процесс. Обращая внимание на агитацию в земельном вопросе, В.И. Ленин сделал акцент на том, что «...только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может на деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах...»²⁰⁸.

---

²⁰⁵ СМК ОФ № 20881/20. Социал-демократ, № 121. 25 января, 1918.

²⁰⁶ Там же

²⁰⁷ Шмаков А.А. Первые декреты советской власти с точки зрения пропаганды // Вестник Марийского государственного университета. Т.9. № 1. 2023. С. 75

²⁰⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы. в 55 т. Т. 34. 1960. С. 114.

Суть Декрета определялась двумя пунктами: «1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа. 2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, ...переходят в распоряжение Волостных Земельных Комитетов, Уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до разрешения Учредительным Собранием вопроса «О земле»²⁰⁹. Согласно исследованию П.Н. Савилова, распространяемые агитаторами листовки с декретом содержали только эти два пункта²¹⁰. Эти декреты, оформленные в виде броских лозунгов и напечатанные крупным шрифтом, сразу привлекали всеобщее внимание. Простые крестьяне, как и большинство населения России, искренне верили этим призывам. В положениях Декрета о земле они увидели воплощение своих вековых чаяний, что побуждало их массово переходить на сторону большевиков и поддерживать новую власть.

Саратовский декрет о земле основывался на аграрной программе эсеров. Он имел местный характер, хотя очень напоминал декрет советского правительства. Земля помещиков, монастырей, церквей и частных владельцев передавалась в распоряжение крестьянских Земельных комитетов. Декрет отвечал интересам крестьян, однако содержал определенные предписания и обязательства: лица не имели права продавать хлеб и другие продукты, конфискованные в поместьях. Следовало провести быструю инвентаризацию и передать все оборудование под контроль крестьянских организаций. Строго воспрещался грабеж поместий. Крестьянские комитеты несли ответственность за учет всего захваченного имущества с целью поддержания порядка и предотвращения эксцессов.

Местным крестьянским органам декрет давал право разрешать конфликты, возникавшие между общинами, при условии, что посредником будет выступать Саратовский совет. И, наконец, декрет требовал от крестьянских комитетов точных сведений о том, сколько зерна они смогут

---

²⁰⁹ Декреты советской власти: в 18 т. Т. 1 : 25 октября 1917–16 марта 1918. М., 1957. С. 17.

²¹⁰ Савилов П.Н. Великая октябрьская социалистическая революция и великая земельная реформа в России // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография. Стерлитамак, 2017. С. 200.

отдавать «во имя хлеба для рабочих, измученной, голодной армии и прочего населения»²¹¹.

Большевики отчётливо понимали, что одного лишь издания декретов недостаточно для удержания власти – им была жизненно необходима народная поддержка, доверие и лояльность населения. Именно поэтому пропагандистская работа, особенно в ключевом для крестьян земельном вопросе, приобретала стратегическое значение.

Крестьянство активно настаивало на реформе, направляя в органы власти конкретные и детально проработанные указы, в которых чётко излагало своё видение решения земельного вопроса. Социал-демократическая программа экспроприации помещичьих земель находила широкий отклик среди беднейших слоёв деревни. Однако между большевиками и крестьянами существовало принципиальное расхождение: их представления о методах и формах перераспределения земли существенно различались²¹². В.И. Ленин изначально настаивал на национализации всей земли в пользу государства, на «...полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот... пункт крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков...»²¹³. Однако крестьяне вкладывали в понятие национализации совершенно иной смысл: они выступали за полную конфискацию помещичьих земель с последующим равным распределением между земледельцами на правах постоянного пользования. Столкнувшись с этим радикальным расхождением во взглядах и осознавая колоссальный революционный потенциал крестьянства, В.И. Ленин пошёл на тактический манёвр. Временно отложив планы полной государственной национализации,

---

²¹¹ Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. М., Л., 1925. С. 430.

²¹² Бабашкин В.В. Русская революция: миф и реальность // Духовная безопасность и суверенитет России: вызовы, ответы и уроки: сб. научных трудов Международной научно-практической конференции. М., 2018. С. 25.

²¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 1. С. 299.

он сделал ставку на крестьянскую программу, искусно используя этот шаг в пропагандистских целях. Председатель Совнаркома писал: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, значит господство банков подорвано... – то при господстве пролетариата в центре, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится само собою, ...подказано будет самой практикой. Переход политической власти к пролетариату – вот в чем суть»²¹⁴.

Несмотря на отсутствие конкретной формулировки о «национализации земли» в тексте самого декрета, его нормы фактически легализовали процесс передачи земель в государственную собственность. Руководство большевиков осознавало, что идея всеобщей национализации вряд ли найдет отклик среди крестьянского большинства, тогда как лозунг «Земля – крестьянам!», легко воспринимаемый всеми слоями населения, имел гораздо больше шансов обеспечить необходимую поддержку народных масс²¹⁵.

Несмотря на провозглашенный курс агитационной работы непосредственно «на земле», о котором В.И. Ленин говорил на заседании ЦК РСДРП(б) 1 [14] ноября 1917 г., и с принятием 2 [15] ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров «Инструкции эмиссарам, посылаемым в провинцию» с целью разъяснений положений Декрета, в Саратовской губернии, согласно исследованиям Дж. Д. Рейли, избиратели-крестьяне даже и не слыхали ни об октябрьской «смене караула», ни об утверждении II съездом Советов ленинского декрета о земле²¹⁶.

Естественно, антибольшевистские настроения оставались в таких районах достаточно сильными; тем не менее, судя по общему числу голосов, поданных за большевиков, им удалось привлечь на свою сторону немало

---

²¹⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы. в 55 т. Т. 34. С. 115.

²¹⁵ Бакушина В.С. Сравнительный анализ декрета о земле 1917 года и земельного кодекса российской федерации 2001 года // NOVAUM.RU. 2019. № 19. С. 119

²¹⁶ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 302.

крестьян, прежде всего, живущих поблизости от больших городов. Это отразилось на ноябрьских выборах в Учредительное собрание, где внушительной поддержки были удостоены социалистические партии (56,3 % получили социалисты-революционеры, 24 % большевики). Вместе эти партии завоевали более 80 процентов голосов избирателей, в то время как кадеты – всего лишь 2,5 %²¹⁷. В результате только эсеры и большевики набрали достаточное количество голосов, чтобы получить соответственно 11 и 4 депутатских места в Учредительном собрании.

В работе, посвященной выборам в Учредительное собрание, её автор О.Х. Радки отметил, что в Саратовской губернии крестьяне зачастую голосовали за одну партию всей деревней. Лишь в некоторых местах ситуация складывалась иначе. Так, в северо-восточной части Хвалынского уезда – одного из самых отдаленных в губернии – поведение избирателей одной деревни, во всем остальном достаточно типичной, выявило не просто тот факт, что за большевиков проголосовали весьма немногие, но и тот более важный момент, что среди деревенских избирателей не было единодушия. Как говорит Радки, «там оказалось множество отбившихся от стада овец»²¹⁸.

Результаты выборов подтверждают выводы О.Х. Радки о настроениях избирателей по стране в целом. Они свидетельствуют о внушительной победе социалистических влияний, особенно в деревне (хотя и трудно представить, что крестьяне вполне поняли сущность социалистических идей и лозунгов), и о поражении российских либералов, в большинстве своем связанных с городами, за исключением Москвы и Петрограда. Города, ставшие оплотом большевиков, оказались также и местом сосредоточения их классовых врагов. Однако кадеты, получившие голоса городских жителей, потерпели поражение в гарнизонах, поддержавших большевиков и

---

²¹⁷ Саратовская земская неделя, 1918. № 1, 5. 18 февраля.

²¹⁸ Radkey Oliver H. The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917. (Harvard Historical Monographs 2). Cambridge Mass. 1950. P. 65–69.

определивших тот самый перевес, в результате которого и была установлена Советская власть в деревне²¹⁹.

Таким образом, стоит отметить, что первые декреты «О мире», «О земле» способствовали росту популярности большевиков среди крупных категорий населения – фронтовиков и крестьянства. Однако пик популярности был кратковременным. Усиливающиеся политические противоречия, введение ограничений в вопросах свободы слова, плюрализма мнений, фактически привели к боевым столкновениям и начавшейся Гражданской войне.

Это было естественным ходом вещей. По мнению Е.Г. Гимпельсона, сама Октябрьская революция являлась следствием Гражданской войны²²⁰. Класс буржуазии, дворянство и офицерство не могли примириться с потерей власти и материальных благ. Социалистические силы – правые эсеры, меньшевики были против автократического правления большевиков в Советах. И все же важнейшим актором политической нестабильности являлось крестьянство. Несмотря на относительную поддержку Советской власти из-за принятых ею демократических декретов, уже весной 1918 г., они начали выражать недовольство, прежде всего продовольственной политикой большевиков.

Большую роль в распространении «антибольшевистских» настроений играла неофициальная агитация. Неофициальная агитация была значимым фактором в общественно-политической жизни деревни. Её масштабы, как считает историк Ю.А. Соколов, были несопоставимы с масштабами деятельности партийно-государственного агитпропа, обладавшего сетью учреждений, планом работы, штатом агитаторов и определенной материальной базой²²¹. При этом она являлась мощной силой, способной инициировать волнения в крестьянской среде.

---

²¹⁹ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995. С. 304.

²²⁰ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917–1923. М., 1995. С. 75.

²²¹ Соколов Ю.А. Политическая агитация и пропаганда в восприятии крестьянства в годы Гражданской войны в России: автореферат дис. ... канд. ист. наук: СПб., 2014. С. 20–21.

Распространением неофициальной агитации занималась политическая оппозиция и зажиточные крестьяне. Основой такой агитации часто становились слухи или намеренное искажение программных документов большевиков. Через подобную агитацию сельское сообщество пыталось сохранить свою экономическую самостоятельность и сформировать представление о ситуации, сложившейся в Саратовской губернии перед началом гражданской войны.

Через каналы неофициальной агитации в деревне формировалось устойчивое недоверие к советской власти, выразившееся в распространенных представлениях о систематическом «ограблении» и «обдирании» крестьянства коммунистами. Особенностью этой агитации была её направленность преимущественно против местных органов власти – сельских советов и партийных активистов²²². Это подтверждают реализованные в ходе крестьянских волнений факты сведения счетов сельским обществом с местными большевиками и представителями власти²²³.

Консолидации антисоветских сил содействовали как волна крестьянских восстаний, прокатившаяся еще до восстания чехословацкого корпуса в Поволжье, на Урале, в Сибири, так и начавшаяся весной 1918 г. интервенция стран Антанты и Японии. Летом 1918 г. страна оказалась в пучине ожесточенной братоубийственной войны, в кольце фронтов. Военная, экономическая и социально-политическая ситуация была такова, что ликвидация большевистской власти, казалось, была неминуема. Однако партийно-советское руководство не «пало духом». Оно готово было на крайние меры, лишь бы сохранить «власть советов». Чтобы удержать власть, большевистское руководство всемерно ужесточало «диктатуру пролетариата», вводило одну за другой чрезвычайные меры, подчиненные главной цели – устоять и победить.

---

²²² Мистрюгов П.А. Антикрестьянские мероприятия органов ВЧК в Поволжье и Приуралье в годы Гражданской войны // Вестник Самарского университета. 2020. С. 42.

²²³ ГАСО. Ф.521. Оп.1. Д.23. Л.45; Ф.521.Оп.1. Д.181.

2.2 Общественное мнение и настроения в Саратовской губернии в условиях Гражданской войны и «чрезвычайных мер» 1918–1922 гг.

Решающее значение на процесс строительства советской государственной системы оказала Гражданская война и иностранная интервенция 1918–1921 гг. Именно в этот период в строительстве государства, в правовых нормах и процедурах на передний план выдвинулись чрезвычайные органы и действия – политика «военного коммунизма».

Большинство историков признают, что «военный коммунизм» в значительной степени был обусловлен чрезвычайными обстоятельствами войны. Проводимые мероприятия рассматривались как опыт хозяйствования и выживания в экстремальных условиях военного времени и революции. Один из ведущих исследователей этого периода – Е.Г. Гимпельсон считает, что «военный коммунизм» был продиктован экономической доктриной марксизма (свертывание товарно-денежных отношений, уравнительность в распределении посредством «классового» пайка, милитаризация труда)²²⁴. С.А. Павлюченков подчёркивал, что характер деятельности большевиков определяли военно-экономические причины, порождённые разрухой и чрезвычайной военной ситуацией, а также доктринально-идеологические факторы. Политика «военного коммунизма», резюмирует С.А. Павлюченков, позволила большевикам мобилизовать все доступные ресурсы и победить в Гражданской войне²²⁵. В.Л. Телицын считает, что «военный коммунизм» дал возможность большевикам реализовать теоретические постулаты на практике, вызвав глубокое недовольство крестьянства²²⁶. Критическую позицию по отношению к политике военного коммунизма обосновал историк И.А. Чуканов. Он проанализировал последствия введения рабочего контроля

---

²²⁴ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917–1923. М., 1995. С. 96.

²²⁵ Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997 С. 46-47.

²²⁶ Телицын В.Л. Военный коммунизм: власть и крестьянство. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Telitsyn.pdf> (дата обращения 01.02.2025)

на производстве, что, по мнению исследователя, в итоге привело к негативным результатам в промышленности²²⁷.

Началом политики «военного коммунизма» принято считать май-июнь 1918 г. когда СНК и ВЦИК РСФСР приняли два важнейших декрета, положивших начало продовольственной диктатуре в стране: «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» (13 мая 1918 г.) и «О комитетах деревенской бедноты» (11 июня 1918 г.).

Политика «военного коммунизма» отличалась жесткой централизацией экономики (главизм), полной национализацией не только крупных, но и средних, а также многих мелких предприятий. Государство ввело монополию на хлеб и другие сельхозпродукты (продразверстка), запретило частную торговлю и ограничило товарно-денежные отношения. Распределение ресурсов осуществлялось по уравнительному принципу через «классовые» пайки, а труд был милитаризован²²⁸.

Большинство из перечисленных мер действовали с самого начала установления большевистской власти, такие как реквизиции продовольствия, частичная национализация промышленности и банковского сектора. Более того, государственный контроль над хозяйственными и общественно-политическими отношениями действовал задолго до Октябрьских событий 1917 г.

В относительно недавних от исследуемых событий прошлого – в годы Первой мировой войны российские власти проводили серию чрезвычайных мер, направленных на укрепление порядка внутри страны, защиту интересов государства, предотвращение дестабилизации и деморализации общества. Например, согласно высочайшему утвержденному 13 июля 1914 г. «Положению о подготовительном к войне периоде», на территории страны стали вводиться нормы «особого» контроля над жизнью населения²²⁹. Ряд

---

²²⁷ Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья). М., 2001. С. 294.

²²⁸ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917–1923. М., 1995. С. 96.

²²⁹ Цит по: Семенова Е.Ю. Влияние первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. –

губерний, не находившихся на осадном или военном положении, переводились на положение «чрезвычайной охраны», в результате губернатор получал полномочия главноначальствующего, дающие право издавать обязательные постановления, определяющие возможности населения в губернии²³⁰.

Отчасти «чрезвычайные меры» вводились и Временным правительством. Была реорганизована судебная система, в связи с этим объявлена амнистия политическим заключенным, отменена смертная казнь, ссылки и поселения. Образована Чрезвычайная следственная комиссия для расследования «противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». Осуществление попыток политической люстрации соседствовало с жёсткими экономическими мерами. Вводилась хлебная монополия, которая позволяла властям производить отчуждение хлеба по фиксированным (твердым) ценам с целью последующего равномерного распределения среди населения. В нередких случаях доходило до массовых вооруженных реквизиций хлеба.

Большевики как в политическом, так и экономическом ведении дел во многом повторяли действия предшественников, но в массовых источниках информации, включая периодическую печать, старались преподнести дискредитирующий материал о действиях чрезвычайных органов своих политических оппонентов. Так, в № 107 газеты «Социал-демократ» от 5 января 1918 г. были опубликованы материалы заседания совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 29 декабря 1917 г., на котором критиковалось бездействие Губернской продовольственной Управы в вопросах продовольственного обеспечения населения города. Член совета, левый эсер М.И. Садаев говорил о том, что «поступление хлеба сократилось и к 11 сентября прекратилось окончательно»²³¹. В качестве основных причин кризиса продовольствия назывался саботаж, устроенный правыми эсерами, и

февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: Самара, 2012. С. 146.

²³⁰ Там же.

²³¹ СМК ОФ 20881/7. Социал-демократ, № 107. 5 января, 1918.

отсутствие у крестьян продуктов промышленного производства. «Только при помощи обмена, – сетует Садаев к членам совета, – мы можем получить хлеб», иначе, «не миновать вооруженного столкновения с крестьянством»²³². По итогам заседания и публикации была принята резолюция о ликвидации Губернской продовольственной Управы и образование единого губернского органа совета комиссаров по продовольствию.

Поздней ночью на улицах города раздавались объявления исполкома о том, что с завтрашнего дня начнутся повсеместные «продовольственные» обыски²³³. 31 декабря 1918 г. свыше тысячи солдат, красногвардейцев, почти все члены совета приняли участие в обследовании и реквизиции продовольственных излишков у зажиточной части городского населения. Мука оставлялась по 5 пудов на человека, а остальная реквизировалась по твердым ценам²³⁴. Продовольственная политика все более и более приобретала государственную направленность.

Особо остро «походы за хлебом», начавшиеся еще в ноябре 1917 г., встречали сопротивление в деревнях. Так, в последнем пункте саратовского приказа № 1 «о земле» говорилось: «получив ... означенный приказ, крестьянские комитеты обязаны немедленно донести совету о том, какое количество хлеба они могут предоставить в распоряжение совета для питания рабочих, армии и прочего городского населения»²³⁵. Более 300 солдат саратовского гарнизона было направлено по окрестностям, чтобы убедить крестьян поделиться запасами хлеба с армией и голодающим Петроградом. Крестьяне реагировали по-разному, но довольно часто сельские сходы принимали антибольшевистские резолюции²³⁶.

Хозяйственная разруха каждый день напоминала о себе. Местная промышленность фактически ничего не могла предложить деревне в качестве товарообмена. Это находило отражение в откликах крестьян,

---

²³² СМК ОФ 20881/7. Социал-демократ, № 107. 5 января, 1918.

²³³ Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 78.

²³⁴ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917–1918. Саратов, 1968. С. 186.

²³⁵ 1917 год в Саратовской губернии. Саратов, 1957. С. 193.

²³⁶ Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Нижнего Поволжья в 1917 году. Саратов, 1977. С. 272.

которые обращались к властям с требованиями предоставить сельхозорудия. В газете «Социал-демократ» от 20 января 1918 г. было опубликовано письмо крестьянина с. Труд Орлово-Ганской волости (скорее всего, имеется в виду Орлово-Гайская волость Новоузенского района, – А.С.) И.П. Алексеева, в котором он от лица селян выступает с предложением – в обмен на товары мануфактурного производства предоставить «лишний хлеб». Крестьяне не готовы были просто отдавать хлеб, и, понимая высокую потребность власти в обеспечении продовольствием города, обращают внимание на связь обеспечения села промышленным товаром и насыщение города продовольствием. «Если же мы отдадим хлеб, а нужного для нас не получим, тогда мы останемся без посева на будущий год, и мы будем голодать и город пострадает еще больше. Подумайте сами, ведь идет четвертый год этой проклятой бойни, и никто за это время не добавил ничего из сбруй и сельскохозяйственных орудий. Весной пахать, а плугов лемеха три года не отбивали, потому что ни кузнецов, ни углей нет. Телеги поломаны, нет гвоздя для починки, нет железа, негде достать колеса»²³⁷.

Большое значение на настроения крестьянства, помимо отсутствия промышленных товаров, влияли центральные пункты аграрной политики «военного коммунизма» – продразвёрстка, а также создание крестьянских коммун и артелей. Крестьяне, в большей своей массе, вступать в коллективное хозяйство не хотели²³⁸. Согласно архивным данным в Саратовской губернии было создано 53 коммуны, через год их число уменьшилось до 39²³⁹. Усугубляли ситуацию непрофессиональные действия местных властей: недостаток коммуникации приводил к тому, что даже регионам, формально подчинявшимся советскому правительству, зачастую приходилось действовать самостоятельно.

«Перегибы на местах» выражались в неправильном толковании законодательных актов. Примером может служить выступление делегата

---

²³⁷ СМК ОФ 20881/19. Социал-демократ, № 119. 20 января, 1918.

²³⁸ Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 134.

²³⁹ ГАНИСО. Ф.27. Оп.1. Д. 46. Л.33,34.

Белавина от Вертуновского общества Сердобского уезда на IV губернском Съезде Советов Крестьянских депутатов, состоявшемся с 31 мая по 2 июня 1918 г. Согласно его сведениям, в Сердобском уезде, «благодаря темноте и несознательности крестьян, происходят большие трения при распределении земли и леса» <...> Власть на местах поняла декрет не так, как он издан, и теперь нельзя приобрести на стороне пуда муки, потому что ее из одного села в другое не пропускают, на дороге конфискуют, и в результате крестьяне остаются и без денег, и без хлеба. Такие распоряжения подрывают в глазах населения авторитет Советской власти»²⁴⁰.

Положение крестьян Саратовской губернии по мере нарастания военной обстановки усугублялось. Выступление белочехов, поддержанное значительными слоями сельского населения, привело к свержению большевистского режима в Сибири, на Урале, в Приуралье, на левобережье Волжского бассейна. Наконец, в прифронтной полосе и в центральных районах страны ширились выступления крестьян против политики реквизиций продовольствия, скота, лошадей, мобилизаций людей в Красную Армию. Когда белые армии отрезали от Советской республики основные хлебные районы, большевистское правительство перенесло центр заготовок хлеба в Саратовскую и Самарскую губернии.

Советское правительство и лично В.И. Ленин уделяли большое внимание организации хлебных заготовок в Саратовской губернии, которая рассматривалась большевиками как «неисчерпаемый хлебный источник». К первой годовщине советской власти из губернии было вывезено, главным образом в Москву и Петроград, около 4,5 млн. пудов хлеба²⁴¹. С 10 по 29 августа 1918 г. В.И. Ленин неоднократно телеграфировал в Саратов с требованием установить точные размеры хлебных излишков в губернии, организовать бедноту и сокрушить кулаков, ускорить сбор хлеба во много раз. Не надеясь на Саратовский совет, Совнарком командирует в губернию

---

²⁴⁰ Крестьянское движение в Саратовской губернии. 1917–1922 / Сб. документов и материалов. Саратов, 2003. С. 16.

²⁴¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1, Д.18. Л. 53.

народного комиссара земледелия В.Н. Харлова в качестве чрезвычайного уполномоченного по хлебозаготовкам с группой ответственных работников Наркомпрода²⁴².

В начале сентября 1918 г. в Саратовскую губернию прибыло свыше 3 тыс. московских, петроградских, иваново-вознесенских, кронштадтских, ярославских и витебских рабочих, организованных в продотряды.²⁴³ Рабочие продотряды создавались и на месте внутри губернии. В сентябре 1918 г. продовольственный отряд саратовских рабочих насчитывал около 200 человек. Районом заготовок для отряда был установлен Саратовский уезд. За период заготовок продотряд саратовских рабочих в трех волостях уезда вывез на ссыпной пункт 14 184 пуда хлеба²⁴⁴.

Наличие множества отрядов, присланных из других городов и голодающих губерний, которые самостоятельно заготавливали продукты, приводило к различным нарушениям и насилию по отношению к крестьянству, невыполнению планов заготовок. Жесткая деятельность продовольственных отрядов, обложение контрибуциями не только зажиточных, но и средних слоев деревни, красный террор против кулачества способствовали тому, что в последнюю неделю октября в губернии выполнялся уже ноябрьский план ссыпки хлеба²⁴⁵.

Наряду с чрезвычайными мерами большевистская партия стремилась «расколоть крестьянство», противопоставив бедняков зажиточной части деревни. Бедняки провозглашаются социальной опорой новой власти в деревне и союзниками пролетариата. Ставка делалась на разжигание ожесточенной «классовой борьбы» бедняков против кулачества. Для сплочения бедноты в политическую силу декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. организуются комитеты деревенской бедноты.

---

²⁴² Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937. Саратов, 1957. С. 103–104.

²⁴³ Красный архив // № 4–5. 1938. С.118, Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937. Саратов, 1957. С. 104, ГАНИСО. Ф.27. Оп.1. Д.54. Л. 4.

²⁴⁴ Соколов С.А. Революция и хлеб (из истории советской продовольственной политики в 1917–1918 гг.). Саратов, 1967. С.16,17.

²⁴⁵ Там же. С. 23.

Весной и летом 1918 г. во многих селах губернии были созданы комитеты бедноты. В августе в Саратовской губернии насчитывалось около 200 комбедов. Однако это были лишь первые шаги. Массовое создание комитетов бедноты в губернии начинается с сентября 1918 г. Они помогали продотрядам отнимать хлеб у зажиточных крестьян, а также осуществили новый передел земель, изъяв у кулачества земли больше, чем у помещиков после Октябрьского переворота.²⁴⁶

Продовольственная диктатура и деятельность комитетов бедноты усугубили раскол в обществе. В классовую борьбу втягивалось крестьянство. Большевики искали союзников в деревне, но действовали такими средствами и методами, что нашли противников в лице зажиточных крестьян и середняков, превращавшихся в массовую опору антибольшевистских сил.

Вместе с тем создание комитетов бедноты сталкивалось с многочисленными препятствиями субъективного характера. На местах было не ясно, кого отнести к категории бедняков. Так, организатор комбедов И. Гейжутис, присланный губкомом в села Екатериновка и Орловка Аткарского уезда, не обнаружил здесь бедняков. В своем отчете он писал, что «вновь образованные комитеты бедноты состоят из деловых представителей трудового крестьянства, избегая не нарочно беднейшего, ибо почти все в данное время принадлежат за редким исключением к так называемому среднему крестьянству»²⁴⁷.

Значительная часть сельского населения губернии, наряду с непониманием политического смысла декрета ВЦИК от 11 июня, выражала осознанное его неприятие по причине продовольственных затруднений, многочисленных поборов и мобилизаций. Один из создателей комитетов бедноты в Елшанской и Ключевской волостях Саратовского уезда рабочий И. Васильев утверждал, что в комбеды попадала несознательная деревенская беднота, которая незаконно присваивала себе чужое имущество крестьянина-

---

²⁴⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 137.

²⁴⁷ ГАНИСО. Ф. 27, Оп. 1, Д. 18, Л. 52.

средняка. По его словам, факты притеснения были и со стороны агитаторов, «проповедовавших свободу с приставкой дула револьвера к уху, а светлая будущность прописывалась нагайкой милиционера по спине»²⁴⁸.

Сопrotивление крестьянства продовольственной диктатуре заставило правящую партию внести коррективы в аграрную политику. Рядом декретов, принятых осенью 1918 г., правительство попыталось облегчить налогообложение крестьянства, в частности, был отменен «чрезвычайный революционный налог». Согласно решениям VI Всероссийского съезда Советов (ноябрь 1918 г.) упразднились комбеды через слияние их с Советами. Тем самым было реализовано одно из главных требований крестьян – положить конец политике раскола деревни.

С началом политики «военного коммунизма» протестные настроения растут и в пролетариате. Прогрессивные меры, принятые Советским правительством в первые месяцы революции в области труда (декреты о 8-часовом рабочем дне, отпусках, социальном обеспечении, охране труда женщин, подростков), не соблюдались. На рабочих обрушились невероятные бедствия: голод, эпидемии, невозможность приобрести самое необходимое из одежды, физическое истощение. «Как живет рабочий» – под таким названием в 1920 г. было опубликовано открытое письмо рабочего Филиппова крестьянам. Автор писал: «Вскочишь со светом, – и идешь в очередь... Много на это идет времени, часа по два и по три... Сменит жена, а тут гудок – иди на работу. Часто работаем сверхурочные часы по два и больше, на помощь фронту или для иной какой срочной работы, как недавно в Неделю крестьянина. Смотришь – поздний вечер настал, а дела такого же нужного, как работа на фабрике, дома не переделаешь. Не говорю, что постоянно бегаешь с заботами о семье: купить, достать чего – душа пить, есть просит, пайком не насытишься, три рта у детей, да жена»²⁴⁹. Следует добавить, что фактический прожиточный минимум фабрично-заводского

---

²⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 27, Оп. 1, Д. 210, л. 11, 11 об.

²⁴⁹ Известия Народного комиссариата по продовольствию. 1920. № 6. С. 15, 16.

рабочего в 1919–1920 гг. составлял примерно 38–39 % от уровня 1913 г., хотя в довоенное время он был одним из самых низких в Европе²⁵⁰.

Саратовский рабочий вначале 1919 г. получал до полуфунта хлебного пайка в день²⁵¹, ровно столько, сколько получал петроградский рабочий «горячего цеха». Для сравнения, советские и партийные работники, а в ряде случаев и члены их семей, получали красноармейские пайки, которые в несколько раз превышали продовольственную норму и пролетария, и крестьянина. Например, паек на месяц так называемого «ответработника» в г. Петровске состоял из: 22,5 фунта муки размольной сеянки; 5,5 фунта крупы; 7,5 фунта мяса; 2,5 фунта соли; 1,5 фунта овощей сушеных; 1,5 фунта масла коровьего; 1,5 фунта муки подболточной; 1/4 фунта чая; 1,5 фунта сахара и 1 фунта мыла²⁵².

Два элемента военного коммунизма, по словам С.В. Ярова, стали объектом бурной реакции в рабочей среде – это получения рабочими ряда отраслей военной промышленности статуса мобилизованного и прикрепление рабочих к предприятиям²⁵³. В поисках лучшей жизни рабочие, несмотря на запреты покидать предприятия (самовольный уход с работы оценивался как дезертирство, что влекло за собой применение административных мер)²⁵⁴, переезжали в деревню. По сведениям, приведенным Е.Г. Гимпельсоном, к осени 1918 г. промышленность потеряла 1,1 млн. рабочих, в 1919–1920 гг. – еще 1 млн., всего свыше 2 млн. Таким образом, к концу гражданской войны на предприятиях осталось примерно 1,5 млн. промышленных рабочих, что составляло 50 % их численности в 1913 г. и 40,5 % – в 1917 г.²⁵⁵.

²⁵⁰ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы 1917–1923. М., 1995. С.135.

²⁵¹ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 139.

²⁵² Соколов С.А. Революция и хлеб (из истории советской продовольственной политики в 1917–1918 гг.). Саратов, 1967. С.16,17

²⁵³ Яров С.В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999. С. 67.

²⁵⁴ Там же. С. 67.

²⁵⁵ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс, 1918–1920 гг. М., 1974. С. 80.

Падение общего уровня жизни крестьян и рабочих находило отражение в усиливающихся протестных настроениях. Если крестьяне, в силу своего менталитета, относились к любым обещаниям и инициативам новой власти с осторожностью, то реакция рабочих сменилась с политической активности на политическую апатию.

Действующие на заводах информаторы сообщали об интересе рабочих исключительно к хозяйственно-бытовым вопросам: «Серьезных оппозиционных выступлений не встречалось, ... и только везде красной нитью доминирует продовольственный вопрос – свидетельствует автор отчета агитационного отдела Саратовского РКП (б) за март – май 1918 г.²⁵⁶.

Апатия рабочих выражалась не в том, что они не интересовались политикой вообще, а в том, что их массовые политические отклики касались изменений, волновавших и относящихся к их быту или уровню жизни.

Политическая апатия рабочих едва не привела к свержению большевиков в Саратове. 16 мая 1918 г. совершенно неожиданно для саратовских властей вспыхнуло вооруженное восстание частей саратовского гарнизона.

Долгое время саратовскими историками, как советскими, так и российскими, это событие преподносилось как инспирированное правыми эсерами и меньшевиками контрреволюционное выступление²⁵⁷. Роль оппозиции несомненна. Они выступили политическим авангардом восстания. Однако реальными его участниками стали части местного гарнизона, юнкера, офицерство, а также «Союз фронтовиков». Рабочие, хоть и не были вовлечены в мятеж, были вынуждены в последующие недели после его подавления участвовать в митингах в поддержку власти.²⁵⁸

События восстания, начавшиеся с отказа 3-й батареи саратовского гарнизона отправиться на Уральский фронт, приняли стремительный

---

²⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 278. Л.97.

²⁵⁷ Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972. с. 218–219.

²⁵⁸ Там же.

характер. В считанные дни восставшим частям удалось взять под контроль государственные учреждения. Под постоянным обстрелом их артиллерии находилось здание городского совета.

Практически сразу восстание приобрело и политический характер. Петроградская социал-демократическая газета «Новая жизнь», внимательно следившая за событиями восстания в Саратове, писала, что между мятежными формированиями и правыми эсерами было достигнуто соглашение, выдвинул ряд политических требований: восстановление политических прав демократических организаций, пере выборы совета, сосредоточение всей полноты власти в руках Временного исполнительного комитета, составленного из представителей всех социалистических партий²⁵⁹.

Большое влияние на развитие ситуации оказывали настроения обывателей. «Известия» сообщали о царивших тогда провокациях, что Антонов (В.П. Антонов-Саратовский, – А.С.) украл деньги, что заговорщики выступают не против совета вообще, а только против его состава²⁶⁰. По словам историка Старикова С.В., население города оказывало сочувствие борющимся с произволом местного совета²⁶¹.

В ответ большевистская пресса не стеснялась в использовании категорических оценок, сравнивая мятежников с гайдамаками и дутовцами. Доходит до того, что «Известия» помещают якобы прямую речь руководителя восстания: «Я разоружу весь город, мне [Викторову] наплевать, но уничтожу совет». Авторы публикации обращают внимание читателей на то, что этому заявлению «аплодировали обыватели, меньшевики и правые эсеры, сумевшие похоронить в своих листовках Советскую власть»²⁶².

---

²⁵⁹ Газета «Новая жизнь». 1918. 29 мая.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ Стариков С.В. Саратовский блок большевиков и левых эсеров в мае-июле 1918 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 2 (42). С. 50.

²⁶² Выписка из газеты «Известия» Саратовского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, и Районного Исполнительного Комитета. 1918. 20 мая. № 95.

Несмотря на активную пропагандистскую кампанию против восставших, власть Саратовского совета находилась в крайне шатком положении – во многом из-за собственных просчётов. Как сообщал в докладной записке представитель городского отдела в соседнем Покровске Кулик, к 17 мая ситуация в Саратове стала критической, а контрреволюционные выступления серьёзно повлияли на настроения местного населения. Рабочие Покровска – мельники и члены биржевой артели – уже утром 17 мая подготовили вооружённый отряд для отправки в Саратов. Однако перед самым выступлением, по словам Кулика, из Саратова поступил телефонный звонок: неизвестный, представившись от имени исполкома, заявил, что мятеж подавлен и помощь из Покровска не требуется. Вооружённые рабочие были распущены. Но всего через несколько часов после этого обнадеживающего сообщения в Саратове вновь загрохотала артиллерийская канонада. Получить точных сведений о том, что творится в Саратове, не было возможности, заключает автор²⁶³.

Ожесточенные боевые действия продолжались с 16 по 19 мая 1918 г. Лишь после прибытия регулярных частей Красной армии совету удалось взять ситуацию под контроль. Помогла и проявленная командованием уловка. Согласно публикации «Новой жизни», части Красной армии выдали себя за союзников повстанцев, что дало им возможность беспрепятственно проникнуть в лагерь. Окружив группировку, красноармейцы захватили её артиллерийские орудия и пулеметы. В результате мятежники капитулировали²⁶⁴.

Только после успешного подавления восстания власти сподобились на объяснения его причин. Выбор пал на опытного большевика, члена исполкома М.И. Васильева-Южина, который написал пространную статью о ходе майского мятежа. По его словам, одной из причин стала алчность некоторых солдат 3-й батареи. Пытаясь разделить между собой 50 тыс. руб.,

---

²⁶³ Архив УФСБ России по Саратовской области. Дело арх. № 1123 Ф.1. Оп. 1. Д. 1.

²⁶⁴ Новая жизнь. 1918. 29 мая.

они наткнулись на сопротивление военного отдела батареи, который был обвинён красноармейцами в контрреволюционности и подвергнут аресту. Однако даже это преступное нарушение субординации не привело к началу восстания. По словам М.И. Васильева-Южина, подстрекателями выступили правые эсеры, оказавшие политическое влияние на солдат.²⁶⁵

Публикация в «Известиях» стала официальной позицией власти. Большевики стремились возложить ответственность за мятеж не только на Союз фронтовиков, но и на своих политических оппонентов – правых эсеров и меньшевиков. Газета призвала читателей исключить меньшевиков, правых эсеров и поддерживающих их беспартийных из состава совета, «заменяя их теми, кто твердо держит в руках знамя интернационалистического социализма»²⁶⁶.

29 мая 1918 г. прошло заседание Саратовского исполкома, посвящённое рассмотрению контрреволюционного восстания. Член Чрезвычайной следственной комиссии Шварцман, выступая с докладом, заявил, что дезертирство 3-й батареи было вызвано нарушением командованием ранее согласованных условий – солдатам не выдали положенное новое обмундирование и не выплатили удвоенное жалование за перевод на Уральский фронт. Солдат разозлило, что «инструкторам» довольствие было выплачено, и, как утверждает Шварцман, «этот факт способствовал брожению среди гарнизона»²⁶⁷.

Согласно докладчику, военный отдел издал приказ в ответ на ультиматум: если 3-я батарея откажется отправиться на фронт, её предписывалось расформировать. Однако начальник дивизии, публикуя документ, заменил формулировку «расформирована» на «разоружена». Это и стало непосредственным поводом для восстания красноармейцев²⁶⁸.

---

²⁶⁵ Новая жизнь. 1918. 29 мая.

²⁶⁶ Выписка из газеты «Известия» Саратовского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, и Районного Исполнительного Комитета. 1918. 25 мая. № 99.

²⁶⁷ Архив УФСБ России по Саратовской области. Дело арх. № 1123 Ф.1. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

²⁶⁸ Там же.

Как мы видим, доклад Шварцмана о майском восстании существенно расходится с трактовкой событий в местной партийной прессе. Если в официальных публикациях истинные причины мятежа – экономические требования гарнизона и признанные ошибки командования – замалчивались, то с политической точки зрения такая позиция была вполне оправдана. Властям важно было представить выступление как контрреволюционное, а не как следствие невыполненных обязательств перед военнослужащими²⁶⁹. Большевики не желали дискредитировать себя, и потому использовали всю силу пропаганды против оппозиции. Расплатой стал отзыв из совета меньшевиков, правых эсеров и беспартийных делегатов. Оправдывая изгнание социалистической оппозиции из совета (причем даже раньше, чем это было сделано в Москве – А.С.), В.П. Антонов возложил на них ответственность за все трудности, переживаемые партией²⁷⁰.

Центральные власти, перебросившие силы на подавления восстания, желали провести собственное расследование. В отчете Чрезвычайной следственной комиссии подчеркивается спонтанность возникновения восстания, а также ограниченность и шаткость местной власти в Саратове. Выражено сожаление, что 40 тыс. рабочих оказалось недостаточно для обеспечения стабильной поддержки советской власти в «мещанском Саратове»²⁷¹. Последовавшее за этим «чрезмерное применение полицейских мер» против жителей сделало население города «враждебным к советской власти», которая «не пользуется сколько-нибудь значительной популярностью». Вердикт авторов отчета неутешительный – партии в Саратове не существует. «Дезорганизация, дилетантизм и потребность в дисциплине» – вот основные черты «дезинформированного» местного большевистского руководства²⁷².

---

²⁶⁹ Семенов А.В. «Майское восстание в Саратове в 1918 году в оценках и мнениях современников» // Современная научная мысль, № 1. 2024. С. 54.

²⁷⁰ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 45-46.

²⁷¹ ГАСО, Ф. 3586, Оп. 1, Д. 201. Л. 6.

²⁷² Там же.

Разногласия в интерпретации причин майского восстания выявили серьезный институциональный конфликт. Местные партийные деятели во главе с Антоновым и Васильевым возложили ответственность на правых эсеров и меньшевиков, тогда как центральное партийное руководство критиковало некомпетентные действия саратовского исполкома. По версии центра, именно непродуманные решения местных властей спровоцировали выступление гарнизонных солдат и поддержавших их горожан. Проведенная в начале января 1919 г. ревизия Советских учреждений Саратова представителями Народного комиссариата по внутренним делам, констатировала «острый раздор между отдельными Советскими работниками и партийной организацией...», имея в виду пару Антонова и Васильева, которые в ходе заседания съезда не вошли в состав нового Губисполкома и стали распространять «непозволительную, демагогическую агитацию»²⁷³ (Приложение №2). Местных лидеров заменили на «чужаков», которым предстояло удержать советскую власть в условиях военного времени.

Таким образом, констатируя итоги первых месяцев пребывания большевиков у власти в Саратовской губернии, стоит отметить, что точно так же, как и на других подконтрольных им территориях, они теряют поддержку населения. Причиной тому явились непопулярные меры политики военного коммунизма, вызванные чрезвычайной ситуацией. Если в сельской местности продразверстка и навязанная классовая борьба вызвала лишь отторжение и вооруженное сопротивление крестьянства, то в городе, нехватка продовольствия, снижение расценок труда, хозяйственная разруха доходила до открытого боевого столкновения. Население, находясь в подавленном состоянии, выражало надежду на скорый крах большевиков и возвращение к привычному для них стабильному существованию. По мере усложнения ситуации на фронтах Гражданской войны росли протестные настроения и эмоциональная напряжённость. Стали остро ощущаться

---

²⁷³ ГАРФ. Ф.1240. Оп.1, Д. 71. Л. 3.

социокультурные, включая ментальные, барьеры для радикальных преобразований России в духе большевистского проекта.

На протяжении с 1918 по 1921 гг. губерния трижды находилась на военном положении²⁷⁴. С севера ей угрожали войска Комуца, которые непродолжительное время удерживали уездные Вольск и Балаково. В ходе весенне-летней кампании 1919 г. Добровольческой армией Деникина был захвачен Царицын, а войска Врангеля находились в непосредственной близости от Саратова. Из города началась эвакуация советских учреждений. 3 августа 1919 г. всякая работа, не связанная с войной и продовольствием, была приостановлена²⁷⁵.

Агитационный отдел Саратовского совета выпускал тысячи листовок, показывал пропагандистские фильмы («агитки»), проигрывал звукозаписи ленинских выступлений. Отдел координировал работу пяти агитационных поездов и речного парохода, которые несли в уезды партийное слово. Каждый был оснащен киноустановкой, радиостанцией и печатным станком. В одном поезде служило до 200 технических специалистов²⁷⁶. Апогеем этой кампании стало проведение 7 сентября в Саратове «Дня Советской пропаганды», где ответственным работникам предстояло объяснить населению, что представляет собой советская власть, каковы ее цели и задачи, что сделано ей и что она предполагает сделать в ближайшем будущем для строительства Социалистического Отечества²⁷⁷.

Особое внимание уделялось агитационной деятельности в деревне, которая была далека от успеха. Согласно докладу о работе Саратовского Губисполкома за 1919 г., работа 200 агитаторов за два года с момента установления советской власти не принесла существенных результатов.

²⁷⁴ История Саратовского края с древнейших времен до наших дней. Саратов, 2008. С. 205-212

²⁷⁵ Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: Документы и материалы. 1918–1920. Саратов, 1958. С. 153.

²⁷⁶ Рейли Д. Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов // Отечественная история. № 4. 2001. С. 20–21.

²⁷⁷ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1., Д. 349. Л. 1.

Причиной такого исхода члены Губисполкома видят в «оторванности Советской организации от населения»²⁷⁸.

Агитация преследовала сразу несколько задач: во-первых, в тяжелейших условиях гражданской войны, власти пытались получить поддержку огромной социальной базы, в лице пролетариата и бедного крестьянства, во-вторых, антибуржуазная агитация большевиков позволяла настраивать бедняков против зажиточной части деревни. В бедняках рассматривали и потенциальных солдат, так как городские гарнизоны были малочисленны и плохо вооружены. Особенно тяжелым выглядело положение губернского центра. В записке Дзержинского, переданной Ленину, председатель ВЧК отмечает тяжелое положение Саратова из-за разложения армии, вызванного отсутствием обмундирования и хорошего вооружения²⁷⁹.

В связи с чрезвычайной ситуацией, угрожающей не только Саратову, но и всей Советской России власти проводят мобилизационные мероприятия, встречавшие повсеместно со стороны городского и сельского населения сопротивление. В ответ на проведение мобилизации железнодорожников, комиссар РУЖД И.П. Ерасов, телеграфируя В.И. Ленину, с возмущением отмечает, что призыв значительно ослабит работу железной дороги²⁸⁰. С июня по сентябрь 1919 г. было мобилизовано 1846 железнодорожников. Многие из них исполняли профессиональные обязанности в качестве машинистов, кочегаров, разнорабочих, участвовали в доставке военных грузов, личного состава.

Рабочие промышленных предприятий, в основном коммунисты, записывались в добровольцы. В Пугачеве из 700 рабочих и деревенской бедноты был сформирован полк «Красная звезда», большинство из которых были коммунисты²⁸¹. Число рабочих-добровольцев было несоизмеримо меньше, чем количество призванных на службу крестьян. Для того, чтобы

---

²⁷⁸ РГАСПИ ф. 17. оп. 65, ед. хр. 61, л. 141.

²⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 60. Л. 69

²⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 62. Л. 126.

²⁸¹ Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Куйбышев, 1974. С. 295.

сподвигнуть сельское население вступить в ряды Красной Армии, губернские власти вынуждены были начать активный поиск компромиссных вариантов крестьянской политики. В документах губкома РКП(б) и губисполкома заявлялось, что важнейшим условием мобилизации всех сил на борьбу с белогвардейщиной является устранение незаконных конфискаций и реквизиций, произвола и издевательства над крестьянством, которые раньше допускались «в некоторых селениях» как представителями советской власти, так и членами коммунистических организаций. Руководство губернии указывало на необходимость создания такой «политической атмосферы» в деревне, которая позволила бы среднему крестьянству видеть в большевиках друзей, а не врагов и угнетателей²⁸².

Несмотря на обещания смягчить продовольственную политику, крестьяне продолжали подвергаться неофициальным ревизиям и конфискациям со стороны отдельных командиров и трудармейцев. В ответ на это возникают отдельные очаги волнений и восстаний. В июне 1919 г. произошло восстание крестьян в селе Краишевка Аткарского уезда. В отчете губкому уполномоченные С. Загуменный и А. Смодовкер отмечали, что причиной восстания явилось недовольство крестьян продовольственной политикой Советской власти и мерами, какими производится выкачка хлеба, а также насильственными действиями в отношении крестьян.²⁸³

Сообщения об аналогичных волнениях регулярно поступали из Балашовского, Сердобского, Вольского, Ровенского уездов²⁸⁴. Согласно данным сводок Бюро жалоб, созданного в апреле 1919 г. при Народном комиссариате государственного контроля РСФСР, за июль, август, октябрь 1919 г. по Саратовской губернии из 264 полученных обращений более двух третей относилось к действиям продовольственных отрядов²⁸⁵.

---

²⁸² Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: Документы и материалы. 1918–1920. Саратов, 1958. С.100–102; Саратовская красная газета. 1919. 4 мая.

²⁸³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 196, Л. 11 об., 12.

²⁸⁴ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 54. Л. 53, 64, 77.

²⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 61. Л. 198, 199, 201.

Крестьяне прифронтовых уездов, ввиду надвигающихся с/х работ, «признавали мобилизацию недействительной»²⁸⁶. Показательно выступление крестьянина с. Жуковка Саратовского уезда П. Христофорова, который на сельском сходе заявил, что «в волости не найдется добровольцев, способных с оружием в руках защищать Советскую власть»²⁸⁷. Согласно докладу уполномоченного губкома РКП(б) о положении в Вольском уезде, крестьяне выражали пассивное отношение к мобилизации в связи с началом полевых работ и общей усталости от войн²⁸⁸.

Нежелание крестьян служить в Красной Армии проявлялось и в массовом дезертирстве из ее рядов. По данным Саратовской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, образованной во второй половине февраля 1919 г., в губернии насчитывалось 60 тыс. дезертиров. Добровольно явилось 3 498, путем облав 8 335, отправлено на фронт 6 900. Около тысячи из них находилось в тюрьмах. Часть дезертиров была расстреляна²⁸⁹. В Вольском уезде были проведены показательные расстрелы дезертиров в присутствии местных жителей с целью устрашения последних²⁹⁰.

Однако солидарность «своих» приводила к тому, что крестьяне продолжали прятать беглых красноармейцев, несмотря на жесткие меры властей. Известно об укрывательстве дезертиров в прифронтовом Хвалынском²⁹¹ и Балашовском уезде²⁹².

Рост числа дезертиров привел к тому, что они объединялись в вооружённые группы и нападали на главных виновников бед крестьян – продовольственные отряды. Ввиду огромной опасности Саратовский губком отправляет вооруженные отряды ВЧК на борьбу с бандами. Первый удар был нанесен 27 июня 1919 г. в деревне Малиновка Балашовского уезда отрядом

²⁸⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 142.

²⁸⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 63. Л. 110.

²⁸⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 202. Л. 15.

²⁸⁹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 51. Л. 76, Д. 214. Л. 1,2, 2 об.

²⁹⁰ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 574. Л. 4.

²⁹¹ Рейли Д. Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов // Отечественная история. № 4. 2001. С. 17–18.

²⁹² Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С.143.

Черемухина. В ответ на стрельбу дезертиров была сожжена деревня: сгорели 283 двора, много повстанцев-дезертиров, часть населения, скот погибли в огне²⁹³. В частном письме из Аркадака это событие описано так: «Красная гвардия идет на зеленую. Бьют коммунистов. Три дня тому назад в 5 верстах от нас зажгли Малиновку. Мужчин сажали на штыки, детей бросали в воду. Говорят, и нас это ожидает»²⁹⁴. Это находит подтверждения в сведениях, поступавших в Организационно-инструкторский отдел ЦК. Так, за подписью заведующего отделом направлена телефонограмма в Саратовский губком, где поручено «проинформировать о преступных действиях, грабежах и расстрелах, производимых в селе Качетовка карательным отрядом Черемухина»²⁹⁵.

Аналогичные методы борьбы с крестьянами, не желающими воевать за советскую власть, применяли командиры других отрядов. Так, в донесении, поступившем в Саратовский уездный исполком 6 июня 1919 г., уполномоченные для работы в уезде Г. Саар и Н. Трусов описывали подвиги карательного отряда, прибывшего в Рыбушки под командой Безбабного. По свидетельству очевидцев, после прибытия в село «красноармейцы начали бесцеремонно барабанить в окна и всех, у кого не оказалось документов, били плетьюми²⁹⁶». В соседней деревне Золотая Горка отряд Безбабного расстрелял одного дезертира, хотя его можно было поймать. Затем пьяный командир пытался «нагнать лошадь на слепого старика, отца убитого, и угрожал ему револьвером». После этих «церемоний» Безбабный «держал речь» перед крестьянами, в которой говорил: «Если вы в течение 3-х часов не выдадите всех дезертиров, то мы сожжем вашу деревню, затопчем ваши поля, вырубим ваши сады, потому что у нас есть на это разрешение»²⁹⁷.

²⁹³ Посадский А.В. Саратовский отряд Черемухина // Российский исторический журнал. 1999. №1(21). С. 40.

²⁹⁴ Там же

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 60. Л. 94.

²⁹⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С.143.

²⁹⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 63. Л. 15.

На усиление «чрезвычайщины» в государственной политике зажиточные слои деревни и близкие к ним круги среднего крестьянства все чаще участвовали в вооруженной борьбе против советской власти. И, несмотря на успех военных компаний 1919–1920 гг. – победу над А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем, а также ликвидацию угрозы со стороны Польши, территория Саратовской губернии стала ареной крестьянского повстанческого движения.

Основной причиной резкого роста активности крестьянского повстанческого движения во второй половине 1920 г. стала продолжающаяся кампания по изъятию продовольствия из деревни, которая уже не могла быть обоснована чрезвычайными условиями военного времени. Костяк повстанческих формирований составляли зажиточные крестьяне и середняки, которые более всего пострадали от проводимой государством продовольственной диктатуры. У повстанцев была собственная политическая программа, основанная на социалистических идеях с ярко выраженным антибольшевистским контекстом. Они выступали против узурпации власти большевиками, ратовали за отмену продразверстки, требовали свободу торговли. Наиболее влиятельными лидерами повстанческих групп являлись А. Сапожков, К. Вакулин, А. Попов, М. Пятаков и др. На западе Саратовской губернии в Сердобском и Балашовском уездах активно действовали отряды атамана А. Антонова – руководителя тамбовского крестьянского восстания. Характерно, что большинство командиров в недавнем прошлом были командирами в Красной Армии, руководили продотрядами, однако отказались от дальнейшего сотрудничества с большевиками в несогласия с политикой власти, кризиса традиционного крестьянского миропорядка²⁹⁸. Переход бывших советских функционеров на сторону восставших стал ярким показателем кризиса легитимности новой власти в глазах даже тех, кто изначально был её опорой.

---

²⁹⁸ Кузнецов М.В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 23.

Повстанческое движение достигло значительных масштабов, установив контроль над крупными районами Саратовского Поволжья. Были захвачены уездные города, такие как Камышин и Хвалынский. Практически вся Область немцев Поволжья оказалась под контролем восставших, за исключением Маркштада (ныне Маркс) и Бальцера (ныне Красноармейск). Эти города оказались в полной блокаде, но продолжали сопротивление. Наиболее крупные повстанческие группировки удалось уничтожить только силами регулярной армии, части которой пришлось передислоцировать с участков фронта. Успех был обеспечен также благодаря разобщённости и идейными противоречиям лидеров группировок.

Отдельно стоит отметить отношения крестьян к повстанцам. Поначалу им всесторонне оказывалась поддержка в виде продовольствия и фуража²⁹⁹. Так, согласно сводкам Саргубчека, в ряде уездов, охваченных повстанческим движением, «крестьяне без промедлений предоставляли «подводы» для банд»³⁰⁰. Однако по мере разрастания группировок, пропорционально увеличивался запрос в продовольствии и фураже, и повстанцы превращались в мародеров, угрожая местным жителям за неповиновение расправой. Негативную реакцию производили и казни, устроенные восставшими над коммунистами и членами их семей. Таким образом, поддержка быстро привела к отторжению.

Бандитизм наносил серьезный вред не только власти, но и населению. Фактически они пользовались аналогичными средствами, что и продотряды – реквизировали хлеб, скот, орудия труда. Однако в понимании населения, это расценивалось как преступный шаг, потому что бандиты не имели никакой политической идеологии. В преддверии приближения отрядов Вакулина к Покровску, председатель Саратовского Губчека, докладывал о настроениях в центр. Согласно его сообщению, крестьянство не видит облегчения в приходе отряда Вакулина, так как «будет он всех их [крестьян]

---

²⁹⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С.117.

³⁰⁰ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 11. Л. 19.

драть»...«пусть же будет Советская власть, которая может быть сумеет наладить государственный аппарат...»³⁰¹.

Ликвидация крупных повстанческих группировок к концу апреля 1921 г. ознаменовала окончание Гражданской войны на территории Саратовской губернии. За более чем три года промышленность и сельское хозяйство пришли в упадок. Естественная убыль населения Саратовской губернии с 1919 по 1921 гг. составила 27 869 чел. В сравнении с военными годами с 1914-го по 1916-й наблюдался естественный прирост, который составлял 96 670³⁰².

Таблица № 2

Естественное движение населения Саратовской губернии³⁰³

Годы	по городам			по уездам			по губернии		
	число родившихся	число умерших	прибыль/убыль +/-	число родившихся	число умерших	прибыль/убыль +/-	число родившихся	число умерших	прибыль/убыль +/-
1914	20692	14830	+5862	133860	82097	+51763	154552	96927	+57625
1915	17899	17275	+ 624	103536	79149	+24387	121435	96424	+25011
1916	14637	15183	-546	76306	64726	+11580	90943	79909	+11034
1917	9791	11896	-2105	52943	46467	+6476	62724	58363	+4361
1918	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1919	10622	21717	-11095	81148	75928	+5220	91770	97645	-5875
1920	12455	21677	-9222	79015	93029	-14014	91470	114706	-23236
1921	12260	23078	-10818	82505	73829	+8676	94765	96907	-2142

Высокая смертность и убыль населения (таблица 2) вызвана множеством причин. Важнейшая из них разорительная политика «военного коммунизма», ее аграрная программа. Продразверстка нанесла колоссальный вред крестьянству. В 1918 г. из губернии было вывезено, главным образом в Москву и Петроград, около 4,5 млн. пудов хлеба³⁰⁴. Когда белые армии отрезали от Советской республики основные хлебные районы,

³⁰¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 11. Л. 19.

³⁰² Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914 – 1925 гг. Отдельный оттиск из журнала «Саратовский вестник Здравоохранения» № 4, 5, 6, 7, 8 и 9 за 1926 г. Саратов, 1926. С. 12.

³⁰³ Составлено и подсчитано автором по: Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914–1925 гг. Отдельный оттиск из журнала «Саратовский вестник Здравоохранения» № 4, 5, 6, 7, 8 и 9 за 1926 г. Саратов 1926. С. 9.

³⁰⁴ ГАНИСО. Ф. 27. Он. 1. Д.18. Л. 53.

большевистское правительство перенесло центр заготовок хлеба в Саратовскую и Самарскую губернии. Уже в ходе второй хлебной кампании в 1919 г. губерния дала 16 млн. пудов. Несмотря на то, что в 1920 г. был взят контроль над плодородными областями Причерноморья, из-за катастрофического состояния инфраструктуры вывезти продовольствие не предоставлялось возможным. Советское правительство, как и прежде, стремилось собирать хлеб в производящих регионах, близких к центру. В ходе заготовительной кампании 1920–1921 гг. Саратовская губерния должна была поставить 14,5 млн. пудов хлебофуража, а вместе со всеми видами продовольствия – 25 млн. пудов³⁰⁵.

Крестьяне требовали переучета, ссылаясь на тяжесть разверстки, на недостаточное количество хлеба для их собственного пропитания³⁰⁶. В ответе на запрос из Саратова о «переучете разверстки» народный комиссар продовольствия Цурюпа «категорически воспретил» всякий пересмотр разверстки и указал, что расследование жалоб может быть допущено только в тех местах, население которых выполнило не менее 60 % разверстки. Он требовал приучить саратовских крестьян к мысли, что, «распродавая мешочникам свои излишки, скрывая их, гноя в ямах, они обманывают только себя, ибо разверстка продорганов должна быть выполнена безусловно и растраченный хлеб будет пополнен из их собственных запасов... Всякий сознательный недосев не сократит разверстку, сделает исполнение ее более тяжелой для производителей, поэтому для крестьян прямой интерес сеять больше, ибо им тогда больше и останется»³⁰⁷.

Весной 1921 г. из-за нехватки зерна был сорван весенний сев, засуха уничтожила озимые. В связи с «перебоями» поставок хлеба из Саратовской губернии пленум РКП (б) объявляет проведение военно-продовольственного месячника. При участии работников губкомов и продотрядов, с начала

---

³⁰⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 542. Л. 2.

³⁰⁶ Там же. Д. 543. Л. 33.

³⁰⁷ Там же. Д. 543. Л. 34.

хлебной кампании 1921 г., количество заготовленного хлеба превысило 10 150 000 пудов зерновых культур³⁰⁸.

Недовольство продразверсткой, в условиях неурожая, находило отклики в письменных обращениях. Крестьяне губернии писали во все инстанции: уездным и губернским властям, в наркомзем. Доходило до обращений вождю. В письме «крестьян Саратовской губернии», адресованному В.И. Ленину, отмечено, что после реквизиции всего хлеба «под метелку», ничем засеять поля и «даже самому крестьянину кушать нечего». Селяне сетует вождю об отсутствии добровольной сдачи продовольствия, о которой сообщают газеты, так как власти с оружием в руках отнимают последний хлеб³⁰⁹. Письмо трудармейца Гаврилы Свинаярева В.И. Ленину также содержит недовольство из-за проводимой властями продразверстки. Автор сообщает о жесткости продотрядов, о чинимых ими пытках в селе Валуевка Старо-Полтавской волости Покровского уезда. В письме идет речь о запугивании оружием, пытками холодом, применении физического насилия. Оставшись без продовольствия, жители искали поддержку у представителей местной власти. В ответ на их просьбы, согласно сообщению Свинаярева, из сельсовета выходили люди с плетью и «били беззащитных женщин, приговаривая – «вот вам хлеб»³¹⁰.

Отношение самого В.И. Ленина к продразвёрстке весьма точно было выражено в письме секретарю Бакуровской волостной организации РКП (б) Сердобского уезда Саратовской губернии тов. Турунелю. Соглашаясь с доводами волостного деятеля по поводу продразверстки, председатель СНК отмечает, что Советская власть должна опереться на крестьянство «как на костыль», чтобы выйти из хозяйственной разрухи³¹¹.

Из-за неконтролируемой выкачки продовольствия регион все больше погружался в состояние острейшего сельскохозяйственного кризиса,

³⁰⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 543. Л. 34.

³⁰⁹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 669. Л. 1.

³¹⁰ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 670. Л. 1.

³¹¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы. в 55 т. Т. 52. С. 89

получившего развитие не только в деревне, но и в городе. Был нанесён значительный урон одной из развитых отраслей местной обрабатывающей промышленности – мукомольному производству. К началу 1920 г. функционировало лишь 40 % мукомольных предприятий губернии, находившихся под управлением Губмуки³¹². Уже в начале 1921 г. мукомольная промышленность практически приостанавливает свою работу. Аналогичная ситуация складывается в маслобойной и винокуренной промышленности. Из 12 технически оборудованных маслобойных предприятий в начале 1921 г. функционировало только 1, а из 7 винзаводов – только 3. Остальные предприятия пришлось законсервировать³¹³. Отмеченные тенденции имели тотальный характер. Реорганизации и закрытию из-за отсутствия сырья, привозимого из сельской местности, подверглись предприятия суконной промышленности, маслобойных и мыловаренных заводов. Все это, в конечном счете, приводило к безработице и миграции рабочих в другие губернии. Так, занимающиеся промыслом рабочие, связанные с изготовлением знаменитых оренбургских пуховых платков, переселялись в урожайные губернии почти полностью³¹⁴.

В условиях кризиса ключевым триггером недовольства рабочих явилось сокращение продовольственного пайка. В декабре 1920 г. в Саратове прошли волнения среди металлистов и железнодорожников. Участие в них приняло более 1000 чел.³¹⁵. По приказу губисполкома был введён запрет на проведение митингов и собраний на промышленных предприятиях. В губернском центре был установлен комендантский час, а наиболее разгневанных рабочих арестовывали. Согласно данным исследования И.Н. Камардина, Губчека активно использовал систему заложничества. По его подсчётам, в начале 1921 г. с промышленных предприятий Саратова было

---

³¹² Экономическая жизнь Поволжья. 1920. №1–2. С. 16.

³¹³ Отчет Саратовского губернского экономического совещания. Саратов, 1922. С. 30.

³¹⁴ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 195.

³¹⁵ Камардин И.Н. Рабочий протест в Поволжье в 1919–1920 гг. // *Via in tempore*. История. Политология. 2013. № 22 (165). Вып. 28. С. 139.

взято более 300 заложников³¹⁶. Однако данный шаг не напугал рабочих. В сводке Губчека, рабочие скандировали лозунги: «Дайте хлеба! Нам нужен хлеб, а не революция!». На ряде предприятий велась открытая агитация против РКП(б): «Не можете дать хлеба, уходите от власти!»³¹⁷. 3 марта 1921 г. из-за сокращения пайка на 100 граммов в губернском центре начались волнения. Особо остро отреагировали рабочие железнодорожных мастерских, обсуждавшие на собрании резолюцию, принятую московским пролетариями. В этом документе выдвигались требования создать коалиционное правительство и независимый рабочий профсоюз. Как отмечается в сводках ЧК, собрание носило «крайне бурный и возбуждательный характер»³¹⁸. В ответ на эти действия было созвано расширенное заседание Горсовета с пленумом Губпрофсоюза, на котором повторно утвердили резолюцию о сокращении пайка и осудили различные попытки сорвать работу советской власти. Из солидарности к саратовским железнодорожным рабочим волнения вспыхнули в соседнем Покровске, где некоторые большевики вышли из партии и присоединились к протестующим железнодорожникам, речникам и советским служащим³¹⁹.

Таким образом, политический кризис, перед которым стояли большевики, был чреват серьезными последствиями. Изменение военно-политической обстановки к марту 1921 г., а также катастрофическая ситуация в сельском хозяйстве и промышленности вынудила советы свернуть политику «военного коммунизма» и перейти к нэпу.

Несмотря на чрезвычайный характер мер политического, экономического и военно-мобилизационного воздействия, большевики получили опыт хозяйствования и выживания в экстремальных условиях военного времени и революции. Во многом благодаря концентрации всех

³¹⁶ Камардин И.Н. Рабочий протест в Поволжье в 1919–1920 гг. ... С. 139.

³¹⁷ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 718. Л. 32.

³¹⁸ Камардин И.Н. Рабочий протест и кризис политики Военного коммунизма (на материалах Поволжья)// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 4. С. 47.

³¹⁹ Рейли Д.Дж. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны // Вестник самарского государственного университета: Гуманитарный выпуск. 2001. № 1 (19). С. 17–18.

сил, превращением Красной армии в реальную военную силу, целенаправленным использованием всех экономических ресурсов, оставшихся в их руках, им удалось победить превосходящие суммарно силы противника. Большую роль сыграла и агитационно-пропагандистская работа. Большевики смогли привлечь значительные массы колеблющегося бедного крестьянства. По словам историка О.Б. Мозохина, обещание реставрации старых порядков оттолкнуло крестьян от белых армий³²⁰. Однако удушающие условия продразверстки, нехватка продовольствия в городах привела к смене настроений с положительных на негативные.

Недальновидная политика центральной власти способствовала развитию продовольственного кризиса в Саратовской губернии. «Великий голод» 1921–1923 гг. стал непосильным испытанием для населения региона, исчерпавшим последние резервы человеческого терпения.

---

³²⁰ Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ-НКВД. На защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2018. С. 49

2.3 Голод 1921–1923 гг. в Саратовской губернии: общественные настроения населения и реакции власти

Советский голод начала 1920-х гг. остается одной из самых масштабных и до конца не осмысленных демографических катастроф в отечественной истории. Согласно официальному подсчету, совершенному по горячим следам, к концу 1921 г. насчитывалось 22 млн. голодающих³²¹. Позднее, в 1950–1970-е гг. оценки варьировались от 22 до 33 млн.³²². По данным «Большой советской энциклопедии», бедствие охватило территорию 35 губерний с общим населением около 90 млн., причем в разной степени от недоедания страдало до 40 млн., а число жертв оценивалось приблизительно в 5 млн. чел.³²³. Наиболее чудовищные масштабы трагедия приобрела в Поволжье. От голода страдало от 70 % до 90 % местного населения³²⁴.

Пиком голода считается временной период с июня 1921 г. по осень 1922 г. Данные официальных источников о количестве голодающих в Саратовской губернии разнятся. Согласно отчету губисполкома на январь 1921 г. в губернии голодало 338 900 человек – 11 % от общего числа населения³²⁵, к июню 1921 г. 2 070 500 – 67 %³²⁶. В февральском выпуске газеты «Правда» за 1922 г. опубликована информация о 1 446 000 голодающих (56 %)³²⁷. Спустя три десятилетия, в «Очерках истории Саратовской организации КПСС», на 1 ноября 1921 г. количество голодающих насчитывалось 893 325, а весной 1922 г. количество достигло

³²¹ Известия ВЦИК. 1921. 27 декабря. № 291.

³²² Мичев Д. Межрабпом – организация пролетарской солидарности 1921-1935. М., 1975. С. 40, Поляков Ю.А. 1921-й: победа над голодом. М., 1975. С. 19, Агриков П.А., Башкиров А.С., Лычев И.А. Война с голодом // История СССР. 1963. № 1. С. 157, Рубинштейн Н.Л. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921-1922). М., 1948. С. 92.

³²³ Мстиславский С. Голод // Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1930. С. 463.

³²⁴ Кристалл А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: М., 1997. С. 17, Мейер М. Другой Интернационал. 1921–1991: 70-летие начала великого голода // Век XX и мир. 1991. № 2. С. 35.

³²⁵ Цит. по Численность населения Саратовской губернии по данным демографическо-профессиональной переписи 28 августа 1920 года. Саратов, 1921. С. 10.

Согласно данным демографическо-профессиональной переписи от 28 августа 1920 г. количество жителей губернии составляло 3 070 199 чел.

³²⁶ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 755. Л. 1., л. 9.

³²⁷ Правда. 1922. 9 февраля. № 31.

2 570 000 человек.³²⁸ Если проводить сравнение, ссылаясь на конкретные временные периоды, показатели либо занижены, либо завышены. Это осложняет задачу привести точные цифры о количестве голодающих в губернии, поэтому многие исследователи приводят диапазон показателей. Современный исследователь голода в Саратовском Поволжье Т.С. Бондаренко, используя данные официальной статистики и иностранных общественных организаций, приводит следующие цифры: с осени 1921 г. по лето 1922 г. в губернии голодало от 900 тыс. до 1,9 млн. человек, не считая Автономии Немцев Поволжья³²⁹. Этот показатель, на наш взгляд, выглядит весьма заниженным. Сопоставив вышеперечисленные данные, количество голодающих губернии с июня 1921 г. по осень 1922 г. составляло от 1 млн. до 2,7 млн. чел., таким образом, наивысшая точка голода охватила около 90 % всего населения региона.

Наиболее критическое положение сложилось в степных уездах региона. Комбинация таких факторов, как неурожай, активность повстанческих отрядов и вспышки холеры с тифом, привела к гуманитарной катастрофе. Секретные донесения Саратовского губкома в ЦК РКП(б), датированные периодом с декабря 1921 по май 1922 г., содержат свидетельства случаев трупоедства и каннибализма³³⁰. Эти данные подтверждаются в обзоре инструктора организационного отдела ЦК за 1922 г., который констатировал, что «в голодающих уездах людоедство приняло обычное явление»³³¹.

Известный ученый-социолог Питирим Сорокин, отправившийся зимой 1921 г. в районы бедствия Самарской и Саратовской губернии для научного изучения массового голода, проводил опросы местного населения. Согласно свидетельствам, в деревнях милиция охраняет кладбища, амбары, в которых

---

³²⁸ Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937. Саратов, 1957. С. 153.

³²⁹ Бондаренко Т.Ю. Вклад Миссии Фритьофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов. 2016. С. 33.

³³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л.120-124, 126.

³³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 121. Л. 52.

находились трупы, запирались замками. Со слов жителя неназванной деревни «...мать убила ребенка, отрезала ему ноги, сварила и съела...».³³²

Власти в Москве изначально не признавали катастрофических масштабов голода, разразившегося в Саратовской губернии. Несмотря на настойчивые обращения местного руководства, советское правительство отказалось пересматривать объемы продналога и игнорировало требования о сокращении изъятия зерна из региона, что усугубило и без того критическую ситуацию³³³. Правда, какие-то излишки удалось оставить в пределах губернии. За счет местного продналога 1921 г., который дал 1 175 000 пудов, была оказана помощь 121 000 жителям наиболее голодных уездов³³⁴. По словам исследовательницы О.И. Помогаловой, со ссылкой на архивные источники, в качестве заготовок использовались суррогаты в виде дубовых листьев, коры деревьев, желудей³³⁵.

Центральная периодическая печать, пользовавшаяся доверием, в отличие от местной, поначалу избегала и замалчивала масштабы катастрофы. Первые полосы газет занимает международная обстановка: революционная ситуация в Германии, Австрии, Италии, забастовки рабочих в Англии. О голоде пишут, как о проблеме, следствием которой стала миграция населения из Поволжья в наиболее благополучные регионы России. Содержание публикаций было направлено на возникновение чувства тревоги у читателей. Примером такой подачи служит опубликованная наркомом здравоохранения РСФСР Н. Семашко заметка в газете «Известия». В номере от 5 июля 1921 г. нарком предупреждает, что «голодающее население Поволжья лавиной двинулось на юг, сея на пути заразу и смерть»³³⁶. Спустя девять дней после публикации в «Известиях» на первой полосе в «Правде» появляется иного содержания публикация Н. Семашко – «На помощь

³³² Сорокин, П. Долгий путь. Сыктывкар. С. 155.

³³³ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 755. Л. 1., л. 17.

³³⁴ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 755. Л. 1., л. 9.

³³⁵ Помогалова О. И. Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921-1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья) // Вопросы исторической науки (II). Челябинск, 2013. С. 22.

³³⁶ Известия ВЦИК, 5 июля 1921 г.

голодающим!». Нарком взывает «все население и без исключения, прийти на помощь голодающим жителям...», образовать «...при каждом Исполкоме группы товарищей для проведения агитации, сбора пожертвований в пользу голодающих...». ³³⁷ В главной партийной газете появляются письма неравнодушных читателей. Так студент С. Борисов, отмечает, что помощь центральных губерний недостаточна: «...Там, среди несчастных, должно быть место для сознательного человека. И я просил бы редакцию указать мне, куда обратиться, чтобы получить работу по оказанию помощи голодающим там, на местах, в Поволжье» ³³⁸.

Причиной столь резкой смены риторики стало признание советским правительством чудовищных масштабов голода. Однако решить проблему самостоятельно не было возможности. Средства, имевшиеся в распоряжении советско-партийных структур, были ограничены. Не имея возможности оказать помощь голодающим в необходимой степени, главные усилия были направлены на то, чтобы ослабить неизбежное ухудшение общественно-политической ситуации. Власть привлекает широкие круги общественности и общественного мнения к оказанию помощи.

Представители научной и творческой интеллигенции при посредничестве М. Горького предложили председателю Совнаркома В.И. Ленину объединить государственные и общественные силы для помощи голодающим. По просьбе известной общественной деятельницы Е.Д. Кусковой М. Горький, знакомый с ней по Нижнему Новгороду, 29 июля 1921 г. внёс предложение о создании Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ или ВК Помгол). 12 июля 1921 г. ВЦИК утвердил статус этого комитета, поставив во главе председателя Моссовета Л.Б. Каменева, а его заместителем А.И. Рыкова. Почётным председателем был избран писатель и общественный деятель В.Г. Короленко.

---

³³⁷ Правда, 1921, № 152.

³³⁸ Правда, 1922, № 31.

В результате кратковременного компромисса советского правительства с культурной и научной общественностью на почве помощи голодающим в составе комитета оказалась ячейка коммунистов из 12 человек (М.М. Литвинов, А.В. Луначарский и др.), «лояльных» социал-демократов (С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова и др.), кадетов (Ф.А. Головин, Н.М. Кишкин и др.). Из известных деятелей литературы и искусства в комитет вошли М. Горький, К.С. Станиславский, академики А.П. Карпинский, В.А. Стеклов, С.Ф. Ольденбург, ученые-аграрники А.Г. Дояренко, Н.Д. Кондратьев, П.А. Садырин, А.В. Чаянов. Представители Саратовской губернии – кооператор М.И. Куховаренко и агроном А.А. Рыбников, выступившие на VII Всероссийском съезде «по сельскохозяйственному опытному делу», на котором, собственно, и был решен вопрос образования общественного комитета, вошли в состав ВКПГ.

ВКПГ был наделен правом создания своих отделений на местах в России и за рубежом с целью приобретения продовольствия и медикаментов для голодающих Поволжья. Большевики не доверяли ВКПГ и тормозили развитие его зарубежной активности, так как лидерами комитета являлись бывший министр продовольствия во Временном правительстве профессор экономики С.Н. Прокопович и его жена Е.Д. Кускова. 18 августа 1921 г. Президиум ВЦИК своим постановлением отказал в выезде за границу делегации ВКПГ и указал руководству комитета на необходимость сосредоточить свою энергию на работе в голодных районах. В постановлении предлагалось ВКПГ: «...немедленно выделить из своего состава максимальное количество членов для работы на местах по распределению продовольствия, организации питательных пунктов и т.п.»³³⁹.

ГПУ докладывало В.И. Ленину, что некоторые члены комитета критиковали нерешительность советской власти в деле помощи голодающим и обвиняли её в усилении и распространении голода в стране. 26 августа 1921 г. В.И. Ленин направил письмо И.В. Сталину и всем членам Политбюро

---

³³⁹ Декреты Советской власти. Т. XVIII. Август 1921. М., 2009. С. 444–445.

ЦК РКП(б), в котором предложил распустить Комитет. «Поведение этих «Кукишей» (по выражению Ленина – «Кукиш», саркастическое словообразование от фамилий Кусковой и Кишкина – А.С.) показывает, что мы ошиблись... Прокопович держал противоправительственные речи... Прокоповича сегодня же арестовать... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор... Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей»... Изю всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев...»³⁴⁰. В результате разногласий с властями 23 августа 1921 г. была прекращена деятельность сначала Петроградского отделения, а 27 августа того же года и сам комитет был ликвидирован большевиками. Наиболее активная часть комитета, за исключением коммунистов, была арестована и вскоре выслана из России³⁴¹.

Решение о ликвидации ВКПГ было принято властями по нескольким причинам: во-первых, неблагонадежный состав комитета угрожал политической стабильности большевиков. В эмигрантской среде звучали предложения наделить верховной властью ВКПГ взамен Советов. Во-вторых, большевики, не без помощи членов комитета, уже успели заручиться поддержкой западных организаций. Опубликованное М. Горьким воззвание – «Ко всем честным людям» (ориг. на англ. «To All Honest People») вызвало отклик международного общественного мнения на проблему голода. В обращении Горький подчеркивал, что неурожай, вызванный засухой, угрожает жизням миллионов россиян. Он сослался на общее культурное наследие с европейцами и американцами. Просил граждан иностранных государств, «забыть на время имена Ленина и Троцкого» и оказать «всем

³⁴⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Государственное издательство политической литературы. в 55 т. Т. 53. С. 140–141.

³⁴¹ Зима В.Ф. Голод 1921–1922 в Советской России: власть и церковь. Саратов, 2022. С. 177.

честным европейским и американским людям немедленную помощь русскому народу»³⁴².

Как выяснилось позднее, ВКПГ отводилась роль своеобразного посредника между большевиками и потенциальными благотворителями. Контроль и принятие таких решений, как определение масштабов голода, признание голодающими отдельных губерний и уездов, рассмотрение ходатайств, предложений и жалоб брала на себя аналогичная структура – ЦК Помгол в составе деятелей советского государства. Первый диалог советской власти с гражданским обществом вышел издевательски кратким. Общественность стала «разменной монетой». Используя ее влияние на западное общественное мнение, большевики сумели подготовить почву для установления диалога между зарубежными организациями и структурами советского правительства, тем самым легитимизируя свою власть на территории бывшей Российской империи. Недаром В.И. Ленин, в уже процитированном выше письме, упомянул о скором начале работы зарубежных организаций: «...Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей» и прекратить их игру (с огнем)...»³⁴³.

Роспуск ВКПГ произвел тяжелое впечатление на одного из инициаторов его создания – М. Горького. Однако именно через Горького произошел первый контакт с крупнейшей организацией – Американской администрацией помощи (далее – АРА), руководителем которой являлся будущий президент США Г. Гувер. 23 июля 1921 г. в ответ на письмо М. Горького он заявил, что АРА готова оказать помощь одному миллиону детей России³⁴⁴. Помимо АРА на призыв советской общественности откликнулся ряд иностранных благотворительных организаций. В их числе: Международный Союз Помощи Детям (далее – МСПД), Международный

---

³⁴² Patenaude Bertrand M. Give Bread+Medicine Maxim Gorky's Appeals // URL: <https://histories.hoover.org/bread-medicine/maxim-gorky/> (дата обращения 01.02.2025)

³⁴³ Ленин В.И. ПСС. Т. 53. С. 142.

³⁴⁴ Цит. по: Зима В.Ф. Голод 1921–1922 в Советской России: власть и церковь. Саратов, 2022. С. 179.

Комитет Помощи Голодающим (далее – МКПГ), возглавляемый норвежским полярником и общественным деятелем Ф. Нансеном и др.

Рижское соглашение от 20 августа 1921 г., заключенное между РСФСР и АРА возлагало на советское правительство всю транспортную и логистическую нагрузку, включая охрану и перемещение продовольственных грузов (продгрузов). Что касается найма персонала, то здесь стороны нашли компромисс: Советы могли рекомендовать своих кандидатов, однако окончательное решение оставалось за АРА³⁴⁵. После пяти дней острых дискуссий высшее советское руководство осознало неизбежность соглашения и было вынуждено срочно принять условия, продиктованные Г. Гувером.

Вслед за соглашением с АРА, 27 августа того же года в Риге было заключено ещё одно ключевое соглашение — между наркомом Георгием Чичериным и Фритьофом Нансеном. Этот договор детально регламентировал условия работы МКПГ в России. Бремя логистики и обеспечения полностью ложилось на советское правительство: от транспортировки и хранения грузов до предоставления всего необходимого – от помещений до посуды и топлива.

Важным условием была деполитизация миссии: её персоналу вменялось в обязанность заниматься исключительно помощью голодающим, без права вмешательства в политические или коммерческие дела. В то же время зарубежные представители получали широкую автономию: свободу выбора географий работы, построения систем дистрибуции и контроля, а также формирования штата из местных граждан³⁴⁶.

Непростые экономические условия договоров заставили советское руководство согласиться с ними, ведь на кону стояла жизнь многомиллионного населения страны. Из числа первых регионов, куда прибывает зарубежная помощь, стала Саратовская губерния. В сентябре 1921 г. АРА и другие организации открывают первые детские столовые.

---

³⁴⁵ Сайт «Исторические материалы». URL <https://istmat.org/node/56070> Дата обращения: 10.02.2025.

³⁴⁶ Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. 1921. №1–2. С.39–42.

Оказывать содействие иностранным миссиям был обязан местный Помгол в лице его полпреда С.А. Бирмана.

Масштабы помощи, деятельность организаций освещались в печати широко и регулярно, но не без влияния классового подхода³⁴⁷. Откровенные симпатии проявлялись в адрес международной пролетарской организации помощи, и подчеркнуто объективно и беспристрастно освещалась работа АРА. Хотя большинство помощи голодающим приходилось на долю АРА (вклад Нансеновской миссии составил 5–7 % от американского), мало кому из иностранцев удалось завоевать такую любовь советского правительства и народа. В советской периодической печати тех лет он предстает благородным борцом с европейским капитализмом, его воззвания публикуются в главных газетах страны – «Известиях» и «Правде». В журнале «Черная година», издаваемым в годы голода в Саратове, Нансену посвящают статьи, и даже стихи:

*Мир!
И ты,
Запад,
Жонглирующий петлею долгов!
Скажи,
Скоро-ль наглости дерзкой твоей конец?
Смотри,
Даже Нансен суровый,
Прошедший сквозь холод полярных снегов,
Дрогнул
И отступил
Перед холодом—твоих сердец³⁴⁸.*

Отчасти это связано с тем, что Нансен и возглавляемый им Комитет не проводил возрастную дифференциацию помощи, в отличие от АРА и ряда других организаций, обеспечивавших питанием исключительно детей. Такая ситуация вызывала опасение советского государства, так как только

³⁴⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 256.

³⁴⁸ Черная година. 1922. № 1. С. 8.

половина голодающего населения получала необходимую продовольственную помощь³⁴⁹. В общественных настроениях населения возникали недоумения. Из-за архаичных представлений, в основном крестьянской психологии, взрослые не понимали, зачем давать еду детям, если с голода пухнут мужчины, которым нужно пахать в поле. Нередки были случаи, когда обезумевшие родители отбирали еду или продуктовые карточки у собственных детей³⁵⁰. Американцам приходилось лично отслеживать, чтобы помощь доставалась, прежде всего, детям. Для этого АРА были выработаны правила, согласно которым, горячий обед выдавался в строго определенное время, и должен быть съеден в столовой.

Реализация помощи на местах обнажила всю глубину трагедии. Первоначальных мер не хватало, это вынудило советское руководство пойти на беспрецедентный шаг: лично обратиться к Г. Гуверу с просьбой об увеличении поставок, апеллируя к перепроизводству продовольствия в США. Ответом стало выступление главы АРА в Конгрессе, где он призвал направить американское продовольствие на спасение миллионов жизней в России³⁵¹. Авторитет Г. Гувера был столь значительным, что ему удалось относительно без труда добиться принятия законопроекта о дополнительной финансовой помощи в Конгрессе США.³⁵² 30 декабря 1921 г. в Лондоне нарком внешней торговли Л.Б. Красин от имени правительства РСФСР подписал соглашение с АРА о питании взрослого населения. В рамках этого соглашения Советская Россия обязалась передать АРА 10 миллионов долларов. На эти средства требовалось приобрести на внутреннем рынке

---

³⁴⁹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 14. Л. 21.

³⁵⁰ Цит. по: Перевезенцев А.Л. Герберт Гувер и Россия: реализованные и упущенные возможности сотрудничества //Материалы межрегионального научно-практического семинара, посвященного 200-летию установления дипломатических отношений России и США. Вып. 9. Волгоградский государственный университет, Центр американских исследований «Американа». 2008. С. 82.

³⁵¹ В.Ф. Зима. Голод 1921–1922 в Советской России: власть и церковь. Саратов, 2022. С. 179.

³⁵² Цит. по: Перевезенцев А.Л. Герберт Гувер и Россия: реализованные и упущенные возможности сотрудничества //Материалы межрегионального научно-практического семинара, посвященного 200-летию установления дипломатических отношений России и США. Вып. 9. Волгоградский государственный университет, Центр американских исследований «Американа». 2008. С. 83.

США семена и продовольственные припасы, а затем доставить их в указанные пункты³⁵³.

Оказание продовольственной поддержки населению со стороны организаций способствовало популярности иностранцев³⁵⁴. Например, сотрудники АРА считали, что они не только спасают людей от неминуемой голодной смерти, но и «окультуривают» Россию по западному образцу. Калька с американского образа жизни затронула преимущественно образованное население городов, считает исследователь Ю.Ю. Хмелевская. Она полагает, что «американизация» обошла стороной сельский мир. Однако крестьяне, пусть и не разделяли технологичную и культурную составляющую иностранной помощи, выражали благодарность и симпатию благотворителям³⁵⁵. На то были веские основания. На фоне недостаточной помощи советской власти, иностранцы воспринимались легитимным политическим актором³⁵⁶. В сельской местности распространялись сведения о скорой замене большевиков на внешнее управления из США и европейских государств. Так, ответственный секретарь Саратовского губкома Блинов в докладах о политическом состоянии губернии сообщал в ЦК «о роспуске неорганизованных слухов по отдельным уездам, что в России скоро будет руководить Америка, и страна будет поделена между странами Антанты...»³⁵⁷. В Новоузенском уезде в декабре 1921 г., по сообщению докладчика, было созвано «самочинное собрание», на котором делегаты собирали с граждан подписки с просьбой о помощи Америки. Вступивших в полемику представителей властей быстро прерывали криками: крестьянская масса вместо речей просила хлеба и готова была «отдать себя в кабалу

³⁵³ Латыпов Р. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Научно-культурологический журнал RELGA.RU. № 1. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=864&level1=main&level2=articles> (дата обращения 25.02.2025)

³⁵⁴ Семенов А.В. Иностранцы в борьбе с первым советским голодом 1921–1923 гг.: отношение населения и реакции власти (на материалах Саратовской губернии) // Современная научная мысль, № 2. 2025. С. 100.

³⁵⁵ Хмелевская Ю.Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности Американской администрации помощи на Урале, 1921–1923 гг.) // Вестник Пермского университета. История. № 3. 2011. С. 71.

³⁵⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 799. Л. 26.

³⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 126.

американцам»³⁵⁸. Спустя месяц в Куриловской волости того же уезда «толпа производила обыски совработников, отбирали хлеб, били утварь». Звучали лозунги – «продать себя американцам, чтобы не умереть с голоду; надо делить хлеб между всеми поровну»³⁵⁹. В Правобережье (Сердобском и Петровском уездах) в связи с Генуэзской конференцией³⁶⁰, согласно докладу о политическом состоянии губернии за май 1922 г., распространялись «провокационные слухи о предстоящей войне и передаче власти иностранцам и белогвардейцам...»³⁶¹.

Советское руководство не могло оставаться безучастным к подобным сигналам. Опасаясь деструктивного воздействия на изможденное народонаселение, власти развернули широкую кампанию по наблюдению за членами зарубежных миссий. Ещё до их массового приезда, 23 августа 1921 г., Владимир Ленин направляет Вячеславу Молотову секретную записку. В документе, предваряющем прибытие сотрудников Американской администрации помощи, содержится категоричное указание: «Ввиду договора с американцем Гувером предстоит приезд массы американцев. Надо позаботиться о надзоре и осведомлении»³⁶². В.И. Ленин инициирует решение Политбюро о создании специальной комиссии, в задачи которой входила разработка и проведение через аппарат ВЧК комплекса мер по усилению контроля. Особый акцент делался на то, чтобы выявить и задействовать всех лиц, владеющих английским языком, для последующего внедрения в структуры миссии Г. Гувера и организации тотальной слежки.

Сотрудники ВЧК-ГПУ были нацелены на выявление малейших свидетельств того, что деятельность иностранных миссий выходит за

³⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 121.

³⁵⁹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 832. Л. 15.

³⁶⁰ Международная встреча по экономическим и финансовым вопросам, состоявшаяся в итальянском Генуя 10 апреля – 19 мая 1922 г., была посвящена экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы. Но главным вопросом, стоявшим на конференции, был, по существу, вопрос об отношениях между РСФСР и капиталистическим миром после провала попыток свержения советской власти путем военной интервенции. Конференция имела большое значение для правительства РСФСР, которое не имело тогда международного признания.

³⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 123.

³⁶² Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. С. 26–27.

гуманитарные рамки и служит прикрытием для шпионажа или подрывной работы против советского строя. Эти подозрения подпитывались сохранявшейся международной изоляцией и враждебностью ряда западных государств. Американская, английская и французская разведки и их агенты из белоэмигрантской среды активно черпали информацию не только из секретных каналов, но и в открытых источниках, например, использовали периодическую печать. Согласно исследованию О.Б. Мозохина, на основании статей, посвященных военно-промышленному комплексу, которые публиковались в газетах «Правда» и «Коммуна», агенты информировали свои центры о состоянии Красной армии, ее боевой мощи и потенциала; составляли сводки об общественно-политическом и экономическом положении Советской республики³⁶³.

Данные выводы находят прямое подтверждение в рассекреченных материалах из архива ЦА ФСБ. Согласно оперативным документам, представители зарубежных миссий (в первую очередь, Американской администрации помощи) действительно занимались сбором разведанных о внутривнутриполитической и экономической ситуации в стране. Наибольший интерес для иностранных государств, в частности США и стран Европы, представляла военная информация, которая ложилась в основу их внешнеполитических и стратегических решений в отношении СССР³⁶⁴.

Руководство органов советской госбезопасности, в свою очередь, обладало подробными сведениями о сотрудниках АРА, большинство из которых являлось американскими разведчиками, бывшими военными советниками в армиях А.В. Колчака, А.И. Деникина и Н.Н. Юденича. В приказе ВЧК, изданным в конце октября 1921 г. «О чекобслуживании иностранцев», отмечалось, что американцы из организации АРА проводят разведывательную деятельность на территории России. В этих целях они

---

³⁶³ Мозохин О. Б. ВЧК-ОГПУ-НКВД. На защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2018. С. 466.

³⁶⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 22. Л. 166, 187.

привлекали «враждебные антисоветские элементы, собирали шпионскую информацию о России, скупали ценности»³⁶⁵.

Действуя в соответствии с договоренностью, которая предоставляла АРА право самостоятельного подбора кадров для своих структур, администрация привлекала к работе лиц, считавшихся в Советской России «неблагонадёжными» – в частности, представителей интеллигенции и бывших офицеров белой армии. Яркой иллюстрацией этой кадровой политики служит пример Саратовского отделения, где на должности переводчика был принят университетский преподаватель Алексей (Алекс) Бабин. В своих детальных дневниковых записях, которые он вёл на протяжении 1917–1922 гг. на английском языке, А. Бабин оставил ценные наблюдения о работе иностранных миссий в губернии. В частности, он описывает трудности в совместной работе большевистских властей с иностранцами по доставке продовольствия в отдаленные уезды губернии, но при этом фиксирует, насколько вызывающе в окружении местных советских руководителях вели себя представители благотворительных организаций.

Параллельно в дневнике содержатся и другие любопытные детали, характеризующие деятельность иностранцев положительно. Со слов А. Бабина, американцы не ограничивались сугубо продовольственной помощью, но и пытались косвенно влиять на стабилизацию обстановки в регионе, порой игнорируя идеологические табу. Так, на протестантское Рождество 1922 г. они организовали для детей Покровска праздничное мероприятие с традиционной ёлкой, что являлось смелым жестом в условиях начинающейся борьбы с религиозными «пережитками»³⁶⁶.

Постепенно в общественном сознании усилился контраст между иностранными благотворителями и неумелым советским руководством. Власти понимали свою неспособность ликвидировать последствия голода в одиночку и потому помощь иностранных организаций не сворачивали, а

---

³⁶⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 256.

³⁶⁶ Там же.

сделали ставку на пропагандистскую работу, задачей которого стало переформатирование общественного мнения.

Как отмечают исследователи А.Ю. Федотова и Н.А. Федорова в своей монографии, посвященной роли агитации в период голода, большевики задействовали весь арсенал средств влияния – как вербальный, так и визуальный³⁶⁷. Ключевым инструментом вербального воздействия стали масштабные социальные кампании, облеченные в форматы «недель», «двухнедельников» и «месячников» помощи. На практике такие инициативы воплощались в организацию тематических лекций, проведение благотворительных вечеров и лотерей, главной задачей которых был сбор материальных ресурсов.

Широкая информационная поддержка в периодической печати обеспечивала публичность кампаниям «Недели помощи голодающим», «Недели Красного Креста» или «Двухнедельника борьбы с детской беспризорностью», которые были призваны не только мобилизовать население, но и продемонстрировать активность властей в преодолении катастрофы.

Вербальная агитация большевиков была построена вокруг строго выверенной трактовки причин катастрофы. В качестве ключевых факторов голода официальная пропаганда указывала на тяжелое наследие царского режима, последствия первой мировой и Гражданской войн, а также на экономическую блокаду со стороны враждебных капиталистических государств. Постоянная апелляция к «голодным годам» дореволюционного периода служила важной задаче – представить массовый голод как данность неумелой и неэффективной политики прежней монархической системы.

Параллельно в центральной и местной периодической печати, доминировало мнение о ведущей и организующей роли советского правительства в преодолении продовольственного кризиса. Такие рубрики,

---

³⁶⁷ Федотова А.Ю. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг. Казань: ИИЦ УДП РТ, 2013. С. 172.

как «На борьбу с голодом», «На голодном фронте» или «На помощь голодающим», повсеместно занимавшие первые полосы газет, были призваны сформировать у населения устойчивое представление о том, что именно большевиков и никого других заботить судьба обездоленного населения. И лишь только они способны справиться с бедствием.

Эффект от такой работы был минимальным, сведенным на нет. Даже официальные материалы, отправляемые саратовской губернской организации в центр, констатировали отсутствие положительной динамики на фоне недостатка продовольствия. Согласно декабрьскому докладу за 1921 г. – «...настроение крестьян подавленное, отношение же к советской власти безразличное...»³⁶⁸. Аналогичная смена настроений наблюдалась и в городах. Ответственный секретарь губкома Блинов пишет, что «...в связи с сокращением штата саратовские рабочие совместно с царицынскими пытались провести забастовку...»³⁶⁹. В январском докладе за 1922 г. отмечается, что ситуация в пролетариате накаляется: «...среди рабочих бондарной фабрики, трамвайного депо, водопроводчиков существуют антисоветские настроения...», «...настроение служащих учреждений зависит от их продовольственного положения...»³⁷⁰.

Среди всех агитационных мероприятий лишь одна кампания демонстрировала реальную эффективность — изъятие церковных ценностей. В отличие от других пропагандистских инициатив, она приносила конкретные материальные результаты. По всей территории Советской России, включая Саратовскую губернию, власти организовали массовый выпуск и распространение агитационных плакатов («Один фунт церковного серебра, 25 пудов хлеба – 5 человек голодных спасены и прокормлены до августа»³⁷¹ (Приложение № 8), «Голод – паук душит крестьянство России.

³⁶⁸ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же. Л. 121.

³⁷¹ Саратовский областной музей краеведения. СОМК № 9564.

Золото церкви должно пойти на спасение голодающих от смерти») ³⁷² (Приложение № 9). Их ключевой посыл сводился к оправданию конфискации церковного имущества – эти действия представлялись населению как вынужденная и необходимая мера для получения хлеба и борьбы с голодом.

В начале 1922 г. советское руководство инициировало процесс изъятия церковных ценностей. 2 января Президиум ВЦИК принял постановление о передаче церковного имущества в государственную собственность. Согласно этому документу, все ценности подлежали конфискации и распределению: изделия из драгоценных металлов и камни надлежало передать в Гохран, а предметы, обладающие историко-художественной значимостью, – в распоряжение Главмузея. Примечательно, что в тексте постановления отсутствовали какие-либо упоминания о свирепствовавшем в стране голоде, что позволило руководству Русской православной церкви расценивать эти действия исключительно как продолжение государственной антирелигиозной борьбы.

Обоснование кампании необходимостью помощи голодающим появилось значительно позже – уже на этапе практической реализации изъятий, что являлось тактическим ходом для легитимизации действий властей в глазах общества. Как отмечают историки, дальнейшая судьба конфискованного имущества сложилась неоднозначно: лишь часть средств была направлена на закупку продовольствия, тогда как остальные ценности пополнили государственный фонд драгоценностей или были распределены по музейным коллекциям ³⁷³.

28 февраля 1922 г. Патриарх Тихон, в обход официальных запретов, обратился к духовенству и пастве с воззванием, в котором осудил насильственное изъятие ценностей из действующих храмов, что стало актом открытого сопротивления церкви действиям советской власти. Копия

---

³⁷² Саратовский областной музей краеведения. СОМК № 574.

³⁷³ Зима В.Ф. Голод 1921–1922 в Советской России: власть и церковь. Саратов, 2022. С. 195 – 196; Иванов С.Н. Финансы и политика в реализации изъятых в 1922 г. церковных ценностей // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2015. № 5 (66). С. 38 – 39.

воззвания вскоре попала в руки В.И. Ленина, который был крайне возмущен «контрреволюционным» поступком Патриарха³⁷⁴.

Отношение населения к изъятию церковных ценностей складывалось по-разному. По словам авторов сборника «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», проанализировавших значительное количество сводок органов госбезопасности, отношение зависело от экономического состояния регионов: в голодающих губерниях и духовенство, и крестьяне относились благожелательно или лояльно, в благополучных губерниях в большинстве своем и духовенство, и верующие протестовали против изъятия, а комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ) нередко прогоняли³⁷⁵. Согласно сводке ВЧК-ГПУ по Саратовской губернии от 25 марта 1922 г. в Петровском уезде недовольства населения по изъятию церковных ценностей не наблюдается, «духовенство же к изъятию относится враждебно»³⁷⁶. В Новоузенском и Кузнецком уезде, по сводке от 19 мая 1922 г. «изъятие происходит спокойно... несмотря на несочувственное отношение духовенства, верующие сдают ценности...»³⁷⁷. Эта информация находит подтверждение в докладах о политическом состоянии губернии за аналогичный период. Со слов секретаря губкома, изъятие церковных ценностей происходит «без значительных эксцессов и недоразумений... наблюдаются случаи добровольной сдачи...»³⁷⁸. Согласно документам деятельности Саратовской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей, известен только один случай, когда прихожане встали на защиту святынь. В 1922 г. у Ильинского храма собралось около 100 чел. Был вызван наряд охраны, после прибытия которого люди были вынуждены разойтись. Что касается лютеранских и католических приходов, распространённых преимущественно на территории Автономной области немцев Поволжья, то

³⁷⁴ Цит. по: Зима В.Ф. Голод 1921–1922 в Советской России: власть и церковь. Саратов, 2022. С. 197.

³⁷⁵ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 – 1939 гг. В 4-х т. / Т. 1. 1918 – 1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 50–51.

³⁷⁶ Там же. С. 593.

³⁷⁷ Там же. С. 631.

³⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 123.

согласно переписке по секретной линии с ЦК, существенных конфликтов на почве конфискации не случилось, так как «ценностей в церквях [Автономной] области [немцев Поволжья] почти не имелось»³⁷⁹.

Единичные случаи противостояния кампании по изъятию церковных ценностей и несколько примеров ее поддержки демонстрируют, скорее безразличие населения, в основном крестьянства, к данным мероприятиям. Сельского жителя волновала забота о пропитании и поиски лучшей жизни. По сообщению властей, «крестьянство искало спасение в паническом бегстве, а сдержать волну беженцев не было никакой возможности»³⁸⁰. Преимущественно они переселялись в уездные города и губернский центр, где значительно лучше были организованы общественные пункты питания. Согласно официальным данным, количество беженцев в Саратове с ноября 1921 г. по июль 1922 г. составляло 6 318 чел.³⁸¹. В Саратове основной лагерь для беженцев располагался в приволжской временной казарме, где царили антисанитарные условия. Совместное размещение здоровых и больных приводило к массовому распространению инфекций, что вызывало катастрофически высокую смертность – ежедневно умирало до 20 человек³⁸².

Антисанитария была вызвана, в том числе разрухой хозяйственной жизни города. С перебоями работал водопровод, в запущенном состоянии находились общественные колодцы. Остро стоял вопрос обеспечения граждан жильем. Из-за крупного пожара 1920 г., уничтожившего 1819 домовладений, на одного жителя Саратова приходилось $\frac{1}{4}$ сажени (чуть больше 0,5 метра), что в 8 раз меньше, чем в 1916 г., когда проходила последняя перепись Саратова³⁸³.

³⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 44. Л. 209.

³⁸⁰ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 755. Л. 9.; РГАСПИ. Ф. Оп. 33. Д. 103. Л. 5.

³⁸¹ Мальков А.А. Беженское движение в связи с голодом в Саратовской губернии // Саратовский вестник здравоохранения. 1922. № 10. С. 31, 35, 36.

³⁸² Бондаренко Т.Ю. Вклад Миссии Фритьофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: Тамбов. 2016. С. 40.

³⁸³ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 901. Л. 24.

Добавилась к этому высокая безработица, задержки заработной платы и неконтролируемый рост цен. Свидетель тех событий, М.Н. Чернышевский, заведующий музеем памяти своего отца, писателя Н.Г. Чернышевского, отмечал каждодневный рост цен на продукты, вызванных гиперинфляцией³⁸⁴. Что до положения работников саратовских вузов, оно было сложным, но в условиях всеобщего голода, не критичным. Ежемесячный профессорский паёк состоял, согласно дневниковой записи А. Бабина от 18 ноября 1921 г. из 36 фунтов ржаной муки, 7 фунтов мяса, 1 фунта деревенского масла, 1 фунта ячменного кофе, 20 фунтов пшена, 10 фунтов непровеянной фасоли, 110 г. мыла и 2 коробок спичек. Как отмечает Бабин, это лучшая порция, которую он когда-либо получал³⁸⁵.

Организации, созданные Фритьофом Нансеном – «Европейская помощь студентам» и «Нансеновская помощь работникам интеллектуального труда» – оказывали всестороннюю поддержку вузовским сотрудникам³⁸⁶. Их деятельность включала: поставки продовольствия, одежды, учебных материалов, лабораторного оборудования. В письме от 18 июня 1922 г. своему брату Ю.М. Соколову известный фольклорист, этнограф, руководитель уникального музея голода в Саратове Б.М. Соколов сообщал, что «из 12 тыс. студентов имеется возможность кормить всего 2 тыс.»³⁸⁷. Спустя несколько месяцев, ученый отмечает, что количество студентов, обеспеченных питанием, остается прежним. В письме брату он сетует на то, что помощь преимущественно получают студенты-коммунисты, а беспартийные такой возможности лишены. Собственное материальное положение Б.М. Соколов оценивает положительно: «академический паёк даёт семейный, хороший... из Москвы привезли английский паёк, да еще

³⁸⁴ МНГЧ ОФ 529/5. л. 124 об. Дневник М.Н. Чернышевского за 1922 г.

³⁸⁵ Бондаренко Т.Ю. Вклад Миссии Фритьофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е годы... С. 80.

³⁸⁶ Там же. С. 50.

³⁸⁷ Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых). М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 614.

музейный и институтский... Огороды кое-что дали натурой: картофель, капуста, лук, помидоры, огурцы, тыква...»³⁸⁸.

Получаемая от зарубежных организаций помощь значительно улучшала положение людей интеллектуального труда в сравнении с рабочими или красноармейцами, считавшимися опорными социальными слоями для большевиков. На почве недовольства, красноармейцы-коммунисты, в связи с отсутствием пайка для членов их семей, выходили из партии³⁸⁹. Рабочие из-за перебоев в выдаче жалования и пайка устраивали стачки³⁹⁰. Для предотвращения забастовок на предприятиях в Саратове был арестован забастовочный комитет, а вина за угрозу беспорядков была возложена на антисоветские партии³⁹¹.

Все же власти понимали, что такое положение дел может со временем привести к серьезным антигосударственным выступлениям. Городское население, в отличие от сельского, худо-бедно в минимальных количествах получало продовольствие и имело возможность выражать свой протест силовыми методами. Центральный Помгол телеграфировал местной Саратовской комиссии помощи голодающим о необходимости в кратчайшие сроки начать погашать задолженность перед рабочими³⁹². В ответной телеграмме уполномоченный председатель губкома помощи голодающим С.А. Бирман сообщает о невозможности выплатить задолженность рабочим, в связи с тем, что значительные денежные ресурсы идут на организационные и транспортные нужды иностранных организаций. Бирман предупреждает центральный Помгол, что, если произойдет задержка с выплатами, это может «грозить срывом питания и инцидентами с рабочими». В заключение телеграммы он просит выслать денежные средства на покрытие задолженности³⁹³.

³⁸⁸ Из далеких двадцатых годов двадцатого века... С. 623.

³⁸⁹ Там же. Л. 123.

³⁹⁰ Там же. Л. 124.

³⁹¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 804. Л. 97, Д. 795, Л. 61, Д. 815, Л. 58.

³⁹² ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 5. Д. 79. Л. 207-208.

³⁹³ Там же.

В ходе начатой в 1922 г. денежной реформы темпы гиперинфляции удалось снизить. Саратовский исполком по итогам года отчитывался о значительном улучшении положения рабочих и общем повышении заработной платы по промышленности, за исключением транспорта, текстильщиков, где повышение имеется незначительное и уровень зарплаты отстает от промышленности³⁹⁴. Советским служащим и работникам интеллектуального труда так же было увеличено жалование. В августе 1922 г. заведующий домом-музеем Н.Г. Чернышевского, Михаил Николаевич с радостью сообщает в своем дневнике, что помимо жалования получил ботинки, мануфактуру и запасы дров³⁹⁵.

Установление скорого курса на нормализацию жизни дало советскому руководству иллюзорное представление, что голод побежден. Уже 15 октября 1922 г. решением ВЦИК были упразднены центральные и местные комиссии Помгола. На замену пришла Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода (Последгол). Несмотря на смену названия, положение с продовольственным обеспечением населения было плачевным. Наиболее тяжелая ситуация сложилась в Новоузенском, Дергачевском, Вольском, Камышинском, Еланском, Кузнецком и Хвалынском уездах³⁹⁶. По состоянию на 1 января 1923 г., согласно докладу уполномоченного Саратовского Последгола С.А. Бирманом, в губернии голодало 741 250 душ, или 30 % от всего населения. Продовольственные ресурсы губпоследгола – информировал он своё вышестоящее руководство – весьма ограничены и состоят исключительно из остатков, переданных по ликвидации губкомпомголом³⁹⁷.

К февралю 1923 г. ситуация с голодом в Саратовской губернии достигла катастрофических масштабов. По официальным данным, процент голодающего населения составлял: по Дергачёвскому уезду 70 по

---

³⁹⁴ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 901. Л. 26 об.

³⁹⁵ МНГЧ ОФ 529/5. л. 124 об. Дневник М.Н. Чернышевского за 1922 г.

³⁹⁶ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 901. Л. 13–13 об.

³⁹⁷ ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1 Л 24.

Хвалынскому 65 Новоузенскому – 45 в Вольском приближалась к 40. В докладе ЦК Последгола особо подчёркивалось, что по мере роста численности голодающих усиливается и острота бедствия. В наиболее пострадавших Дергачёвском, Хвалынском и Новоузенском уездах население более года питалось суррогатами, переживая все ужасы голода, за исключением фактов каннибализма³⁹⁸.

Эти данные свидетельствовали о продолжающейся гуманитарной катастрофе. Согласно вышеупомянутому докладу, широкое использование суррогатов привело к значительному увеличению числа заболеваний с высоким процентом летального исхода.³⁹⁹

Между тем поступающие сведения о продовольственной ситуации становились всё более тревожными. Согласно февральскому отчету Саратовской губернской комиссии Последгола за 1923 г. во всех уездах губернии зафиксирована нехватка продовольствия, а «питание суррогатами приняло всеобщие массовые размеры»⁴⁰⁰.

Таблица № 3

Сведения о численности голодающего населения и количестве столовых в Саратовской губернии на 1 марта 1923 г.⁴⁰¹

Название уездов	Количество голодающего населения			Число столовых	
	взрослых	детей	всего	советских	Заграничных
Аткарский	47 007	44 080	91 087	-	62
Балашовский	22 296	14 000	36 296	-	26
Вольский	48 000	54 000	102 000	-	138
Дергачёвский	23 702	20 504	44 206	-	125
Еланский	18 319	14 447	32 766	-	105
Камышинский	22 000	23 926	45 926	-	100
Кузнецкий	27 390	29 292	56 682	-	149
Новоузенский	23 850	34 000	57 850	1	77
Петровский	26 310	25 203	51 513	1	75
Саратовский	28140	34 000	62 140	-	110
г. Саратов	32 000	19 000	51 00	1	82
Сердобский	7 849	6 130	13 979	1	24
Хвалынский	44 575	44 947	89 522	-	107
По губернии:	381 498	363 529	734 967	4	1 180

³⁹⁸ Там же, Д. 18. Л. 1.

³⁹⁹ Там же. Л. 7–7 об.

⁴⁰⁰ Отчет Саратовской губернской комиссии Последгола за 1923 г. Февраль.

⁴⁰¹ Составлено и подсчитано автором по: ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.

Важным дополнением к представленным в таблице сведениям является процентная доля голодавших, которая была наименьшей по Сердобскому уезду, составляя 5 % от всего населения, а наибольшей достигала в трёх следующих: Хвалынском – 58 %, Новоузенском – 66 % и Дергачёвском – 70,5 %. При этом по губернии голодали 25,9 % всех жителей, и их число продолжало расти, составив на конец апреля уже 834 758 человек.⁴⁰²

Обращает внимание в таблице количество действующих столовых. После реорганизации Помгола число советских пунктов стало значительно меньше, а вот количество иностранных столовых, наоборот, увеличилось. Так, число пунктов питания, финансируемых зарубежными организациями, выросло с 1 180 в марте до 1 252 в апреле 1923 г., тогда как советских столовых вместо 4 в марте, в апреле осталось всего 2⁴⁰³.

Несмотря на рост поддержки, к лету 1923 г. иностранные гуманитарные миссии начинают сворачивать свою деятельность в Советской России. АРА официально уведомила советское правительство о прекращении работы, мотивируя это решение стабилизацией продовольственной ситуации в СССР. Формально соглашение не было расторгнуто в одностороннем порядке. Историк Н.В. Усманов, специализирующийся на изучении деятельности АРА, отмечает, что закрытие миссии представлялось как взаимное решение, обусловленное преодолением острой фазы голода⁴⁰⁴. Однако данные из оперативных источников, в частности ГПУ, свидетельствуют об обратном. В обзоре, подготовленном 16 июля 1923 г., критическая ситуация с продовольствием сохранялась в 32 регионах СССР. Тяжелое положение наблюдалось в Башкирской республике, где число голодающих достигло 800 тыс. чел., и в Саратовской губернии – 900 тыс. официально голодающих людей. Сопоставление этих фактов ставит под

⁴⁰² ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1. Л. 38; Поляков В.А Русская Православная Церковь и международная помощь во время первого советского голода в 1920-е годы // Мир Православия: Сб. науч. статей. Вып. 3. Волгоград, 2000. С. 188.

⁴⁰³ ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

⁴⁰⁴ Усманов Н.В. О поддержке деятельности организации АРА властями Советской России (1921-1923 гг.) // Власть. № 3. 2009. С. 129.

сомнение официальную версию о прекращении помощи вследствие ликвидации голода. Реальные масштабы бедствия, фиксируемые органами госбезопасности, указывают на то, что решение о сворачивании иностранной помощи было продиктовано не достигнутой целью, а иными – вероятно, политическими – мотивами, связанными со стремлением советского руководства восстановить контроль над ситуацией и ограничить влияние иностранных субъектов внутри страны.

Что касается иностранных организаций, то у них были собственные резоны приостановить работу миссий. К числу причин следует отнести несоблюдение советской стороной положений заключенных договоров с АРА, МСПД и МКПГ. Так, были перебои с доставкой продгрузов, ответственность за которые несло Советской правительство. Из-за катастрофического состояния транспортной инфраструктуры доставка шла с большим опозданием. Согласно исследованиям О.И. Помагаловой, доставленные еще в ноябре 1921 г. в Советскую Россию продовольствие и медикаменты, дошли до голодающих Саратовского Поволжья лишь в декабре 1921 – феврале 1922 гг.⁴⁰⁵.

Длительные остановки железнодорожных эшелонов приводили к разграблению вагонов с грузами. Примером служит ситуация, случившаяся в марте 1922 г. на железнодорожной станции в Балашове. Из-за трехнедельного простоя поездов с помощью от АРА, грабители смогли не только тщательно спланировать ограбление, но заручиться поддержкой работников станции. Как следует из докладной записки сотрудника ВЧК, назначенного для охраны одного из таких поездов, основную угрозу представляли железнодорожники. Они вскрывали вагоны, остававшиеся без надлежащего присмотра, и расхищали продовольствие⁴⁰⁶.

---

⁴⁰⁵ Помагалова О.И. Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921–1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья) // Вопросы исторической науки. Челябинск, 2013. С. 22–23.

⁴⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп.7. Д.12. Л.65-65об.

Советской стороне также вменяли в вину недостаточную организацию доставок грузов в те населенные пункты, где отсутствовало железнодорожное сообщение. Первоначальный план, предполагавший транспортировку грузов в сельскую местность на подводах, предоставленных местными крестьянами, оказался невыполним в условиях острого дефицита лошадей и фуража. Ситуацию усугубляли случаи нецелевого использования продовольствия. Крестьяне, обеспечивавшие перевозку, нередко получали продукты в качестве компенсации, а сотрудники столовых списывали муку как переданную на выпечку, хотя фактически она могла быть распределена иначе. Особенно показательными в этом отношении стали инциденты в Хвалынском уезде, где подобные практики привели как минимум к двум серьёзным конфликтам: между Международным союзом помощи детям (МСПД) и местными властями, а также С.А. Бирманом. Уполпред в своей докладной записке в ЦК Последгол подчеркивал, что «...был вынужден объективно учитывать положение мест с вытекающими из него незаконными явлениями и поэтому его усилия были направлены к прекращению незаконных оплат хлебом...»⁴⁰⁷. Оплата продовольствием нарушала 4 и 5 параграф договора с МСПД. Согласно содержанию письма руководителя организации Лоуренса Вебстера, адресованного С.А. Бирману «...отчисление продуктов для уплаты за провоз настолько уменьшает калорийность детского пайка, что питание совершенно не достигает цели...». Л. Вебстер, под угрозой закрытия складов и прекращения питания, потребовал от С.А. Бирмана устранить недостатки. Конфликт был разрешён после того, как уполномоченный представитель издал распоряжение о проведении расследования и привлечении виновных к ответственности: «Других способов воздействия и расследования на местах тех или иных

---

⁴⁰⁷ Аншакова Ю.Ю. Из простого человеколюбия: о работе международного союза помощи детям в Поволжье во время голода начала 1920-х годов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. № 3. С. 79.

нарушений законов и договоров я, к сожалению, в своем распоряжении не имею»⁴⁰⁸, – заключал он.

Советские власти из разных каналов получали множество сообщений, свидетельствующих о правонарушениях со стороны ответственных за доставку и отпуск продгрузов. В объемной докладной записке уполномоченных ЦК Помгол Гвоздых и Уткина представлены факты присвоения иностранной продовольственной помощи. Во время пребывания в Хвалынском уезде уполномоченные представители зафиксировали спекулятивные действия некоего Селиванова, который, по данным авторов сообщения, отгрузил 160 тонн «собственной» пшеницы. На вопрос, на каком основании делается отгрузка, Селиванов ответил: «...я отгрузил свой личный груз, а так как я ответственный уполномоченный за весь груз, а потому прошу в мои дела не вмешиваться, я знаю, что делаю...»⁴⁰⁹. В дальнейшем содержании записки рассказывается о многочисленных противоправных действиях, совершённых Селивановым и его сообщниками. Например, они организовали подряд с целью сбыта продуктов, но как только была отгружена половина груза, Селиванов и его сотрудники, как будто «провалились сквозь землю».

Рассмотренный выше случай, был типичен не только для Саратовской губернии, но и для всей Советской России. Из-за спекулятивных действий коллективного «Селиванова» страдали государственные бюджетные учреждения. Так, например, авторы докладной записки сообщают своему начальству об отсутствии в детских домах и приютах муки, которая заменялась суррогатами. Пользуясь своим положением, они распорядились о скорейшей выдачи продуктов для воспитанников из украденного группой Селиванова продовольствия⁴¹⁰.

---

⁴⁰⁸ ГАРФ. 1058. Оп.1. Д.70. Л.86–86об., 136, 137.

⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 32. Л. 49

⁴¹⁰ Семенов А.В. Письма во власть как исторический источник 1920-х гг. (на примере Саратовской губернии) // Россия–СССР–РФ в условиях войн и революций. К 100-летию образования СССР. Саратов, 2023. С. 118.

Аналогичная жалоба о незаконном присвоении продуктов содержится в рапорте безымянного военнослужащего Красной Армии. Со слов красноармейца Шаровский сельский исполком Хвалынского уезда при раздаче английского пайка для детей, присвоил часть хлеба себе и поделил между собой – «...и было предупреждено, что это несправедливо, что Сельисполком не обращает внимания на это...»⁴¹¹.

В ходе работы иностранных благотворительных миссий в Саратовской губернии фиксировались случаи злоупотреблений со стороны местного персонала, включая хищения и использование продуктов питания в качестве платы за услуги⁴¹². Эти инциденты, происходившие на протяжении всего периода оказания помощи, вызвали критику со стороны международных организаций, что получило отражение в зарубежных СМИ. Советские официальные источники квалифицировали такие публикации как «провокационные», направленные на подрыв авторитета советской власти. В отечественных средствах массовой информации утверждалось, что зарубежные организации требовали возмещения стоимости утраченных продуктов по рыночным ценам и в золотом эквиваленте⁴¹³.

Таким образом, взаимодействия иностранных организаций с властями и населением в период голода 1921–1923 гг. представляет собой сложное переплетение политических и экономических сторон. Советские власти подозревали иностранные организации в нерациональном распределении питания, в осуществлении шпионской и подрывной деятельности на территориях регионов, охваченных голодом. В свою очередь, западные миссии вменяли в вину властям излишний бюрократизм, неисполнение пунктов договора, связанных с доставкой грузов, а также предвзятое к заграничным организациям отношение. Пользователи помощи – различные слои городского и сельского населения, на фоне недостаточных усилий советских органов, выражали откровенные симпатии иностранцам, которые

---

⁴¹¹ ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 182. Л. 54.

⁴¹² ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 79. Л. 8, 14.

⁴¹³ Там же.

помимо организации пунктов питания, оказывали медицинские услуги, проводили закупку сельхозинвентаря для крестьян. По истечении нескольких лет, Советское руководство во главе со И.В. Сталиным будет проводить широкую пропагандистскую кампанию, направленную на дискредитацию западной помощи в борьбе с голодом. Целью этой кампании являлось установление единственно возможного варианта – голод был побежден советской властью и его опорными классами – рабочими и крестьянами.

После сворачивания иностранной помощи Центральная комиссия при ВЦИК по борьбе с последствиями голода продолжила свою работу. 1 августа 1923 г. она была ликвидирована решением Президиума ВЦИК от 20 июня 1923 г. Имущество и дела ЦК последгол были переданы по принадлежности в Особую секцию по восстановлению сельского хозяйства Комитета содействия сельскому хозяйству при ВЦИК, а также во Всероссийский Комитет помощи инвалидам войны, больным, раненым, демобилизованным красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне, при ВЦИК (Всерокомпом) и в Детскую комиссию при ВЦИК. Фактически это означало конец двухлетней кампании борьбы советского государства с голодом, но не конец голодных мук для людей. У населения складывалось негативное отношение к власти и соответствующая реакция на её мероприятия.

Для преодоления острого экономического и нарастающего общественно-политического кризиса антирыночники и эгалитаристы – большевики пойдут в разрез своим взглядам и введут элементы рыночной экономики с командным методом управления. Новая экономическая политика (нэп) даст государству шанс реабилитироваться перед населением, укрепить свой авторитет и власть.

ГЛАВА III

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И НАСТРОЕНИЙ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1929 ГГ.)

3.1 Общественные настроения саратовского крестьянства в период утверждения и свертывания нэп (1921–1929 гг.)

Новая экономическая политика (нэп), принятая в 1921 г. X съездом РКП (б) стала важнейшим этапом в становлении и развитии советской экономики. Сущность нэпа заключалась в восстановлении в ограниченных рамках рыночных механизмов координации при сохранении командных высот народного хозяйства в руках партийно-государственного аппарата. Тактической целью нэпа был выход из общенационального кризиса. Стратегической целью являлось построение социализма через относительно длительное сосуществование социалистического и несоциалистического укладов при постепенном вытеснении чуждых хозяйственных форм. При этом создание экономической базы социализма, по мысли В.И. Ленина, представлялось возможным только при опоре на диктатуру пролетариата⁴¹⁴.

Основными элементами начатых реформ стали: замена продразверстки на продовольственный налог; внедрение рыночных механизмов и различных форм собственности; привлечение иностранного капитала; проведение денежной реформы в период с 1922 по 1924 гг. и другие меры.

Создание экономической основы социализма путём ускоренной индустриализации за счёт сельского хозяйства стало ключевым направлением внутренней экономической политики большевиков. Вместе с проведением либеральных реформ в экономике продолжалось укрепление партийно-государственной бюрократии. По словам одного из ведущих

---

⁴¹⁴ Цит. по: История государственного управления и социально-экономического развития России/ под ред. В.А. Шамахова, Д.Г. Родионова. СПб., 2020. С. 266.

исследователей советской политической системы периода нэпа Е.Г. Гимпельсона, коммунистическая партия, несмотря на демократизацию экономической модели, по-прежнему властвовала методами командования, продолжая курс на осуществление ее доктринальных идей⁴¹⁵. Именно поэтому одной из важнейших составных частей истории советской политической системы в годы нэпа стала проблема взаимодействия общества и власти. Власть продолжала использовать рычаги военно-командной модели, добиваясь осуществление своей «сверхзадачи» – поставить под свой контроль все сферы общественной жизни. Общество, помня об ошибках государственного вмешательства в экономические процессы, старалось оказать сопротивление.

Наиболее пострадавшее в ходе первых лет советской власти крестьянство склонно было не доверять экономическим преобразованиям. Удушающие условия продразверстки, мобилизация в Красную армию, приводила к брожению и волнениями. С усилением голода, согласно сведениям отчетов губернской партийной организации и закрытым письмам секретарей в ЦК РКП (б), среди населения стали распространяться подавленность и безразличное отношение к вопросам общественного и государственного строительства⁴¹⁶.

Нэповский продналог был меньше продовольственного налога периода военного коммунизма, и все же был практически обременителен для большинства слоев крестьянского населения, особенно для бедняков, не имевших зачастую тяглогового скота для обработки земли. Авторы отчета Саратовского губернского экономического совещания также отмечали, что для бедняцкой прослойки налог был не выполним еще и потому, что беднякам необходимо было сдавать все продовольственные запасы. Статистические данные свидетельствуют о том, что в среднем по региону продналог оказался непосильным для 30 % от общей доли крестьянских

---

⁴¹⁵ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. М., 2000. С. 4.

⁴¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120, 122, 126.

хозяйств⁴¹⁷. Таким образом, быстрый переход к нэпу при всех сопутствующих условиях в Саратовской губернии совершить было невозможно.

Региональные власти инициировали решение проблемы через своеобразный мониторинг общественного мнения. Результаты показали, что крестьяне неоднозначно и противоречиво воспринимали сущность нэпа. Сельский мир видел в реформе полный разворот к «Николаевщине» и ропщут на это»⁴¹⁸. Крестьянство полагало, что инициирование нэпа исходит от иностранных организаций. По их мнению, коммунисты не способны установить порядок и на «выручку им пришли американцы, который с нового года постараются вернуть старый капиталистический строй»⁴¹⁹.

Крестьяне в описываемое время высказывали множество разноречивых мнений относительно декретов о продовольственном налоге и свободной торговле. Первоначально замена продразвёрстки налогом была воспринята ими как желательная мера, что породило стремление «засеять под озимое поля до максимума»⁴²⁰. Однако такая склонность сопровождалось определённым недоверием к издаваемым советским государством законодательным актам. Так, например, сердобские крестьяне выражали уверенность в том, что реализация указанных декретов ограничится лишь разговорами и не приведёт к изменению продовольственной политики государства.⁴²¹

Подобная реакция крестьянства на новые декреты была обусловлена двумя ключевыми факторами. Во-первых, негативный опыт, связанный со злоупотреблениями в период проведения продразверстки, оставил глубокий след в коллективной памяти. Во-вторых, и это была главная причина, имело

⁴¹⁷ Гуменюк А.А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии: социально-экономические и политические процессы: 1921 - 1923 гг.: дис ... канд. ист. наук: Саратов, 2002. С. 82–83.

⁴¹⁸ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 643. Л. 14.

⁴¹⁹ Гуменюк А.А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии... С. 128.

⁴²⁰ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. С. 36, 52, Отчет Саратовского губернского исполнительного комитета. С. 276, 302, Отчет экономического совещания при Балашовском уисполкоме за июль-сентябрь 1921 г. С. 19.

⁴²¹ Гуменюк А.А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии... С. 128.

место тотальное непонимание самой сути и предназначения вводимой налоговой системы. Крестьяне осознавали свою обязанность передать государству часть произведённой продукции, однако размер этой доли оставался для них неопределённым и непредсказуемым.

Крестьянство того времени было буквально охвачено страхом сохранения насильственных методов сбора налога. В отчете Саратовского губернского экономического совещания за октябрь 1921 г. – по апрель 1922 г. настроения крестьянства по поводу налоговых сборов, охарактеризованы как – панические: «...большинство боялось, что придет отряд и заберет все, – констатировали власти.⁴²²

Стоит отметить, что подобные настроения крестьянства широко были представлены на территории всего Саратовского Поволжья. Так, в соседней Автономной области Немцев Поволжья (или «Трудовая коммуна немцев Поволжья» – А.С.), согласно сведениям «закрытого письма» от июля 1922 г., переданного в ЦК ответственным секретарем местной партийной организации Г.Г. Кёнигом, бытовало мнение о том, что «Соввласть давала продовольствие и семена, чтобы все отобрать»⁴²³, и потому многие крестьяне скрывали хлеб, закапывая его в землю⁴²⁴.

Переубедить крестьянство являлось основной задачей местных властей. В принятом саратовской партийной организации постановлении объявлялась агитационная кампания. Начиная с середины мая 1921 г. в ячейки на местах были отправлены письма, содержащие рекомендации о проведении разъяснительной работы вокруг нового экономического курса. Все партийные ячейки, включая уездные и волостные, были обязаны всячески поддерживать эту кампанию. В связи с этим организовывались справочно-агитационные столы, агитационно-пропагандистские тройки, издавались агитплакаты. В 1922 г. местное руководство опубликовало

---

⁴²² Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. С. 48.

⁴²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 44. Л. 209.

⁴²⁴ Там же. Д. 103. Л. 29.

«Обращение Губисполкома ко всему крестьянству Саратовской губернии» – документ, цель которого убедить и заверить крестьян в том, что продналог не будет заменен разверсткой⁴²⁵.

Согласно исследованиям А.А. Гуменюка, ссылающегося на материалы Центра документации новейшей истории Саратовской области, доклады о продналоге, свободе товарооборота и кооперации выслушивались крестьянами охотно и внимательно. Многие крестьяне при получении отрицательного ответа на самый важный для них вопрос, «не будет ли вновь восстановлена продразверстка, оставались весьма удовлетворёнными»⁴²⁶.

Таким образом, изменения в политике саратовских партийных органов по отношению к нуждам крестьянства привели к тому, что во второй половине 1922 г. случаи массового недовольства среди населения стали встречаться значительно реже.

Еще одним из факторов, замедлявшим реализацию новой экономической политики в сельской местности, являлась активность вооруженных повстанческих формирований, которые к концу 1921 г. превратились в обычные преступные группировки.

По сведениям секретаря саргубкома П.А. Галанина, отраженным в закрытом письме в ЦК РКП (б), в уездах и волостях Саратовской губернии возросло число уголовных преступлений (111 случаев вооруженных ограблений и разбойных преступлений, 86 из которых приходится на уезды, 5 случаев нападения на представителей власти)⁴²⁷ (Приложение №5).

На X губернской партийной конференции (июнь 1921 г.) была поднята проблема преступных группировок, которые сохраняли свою боеспособность и слаженность вследствие тотальной разрухи в деревне. Обессиленные селяне были неспособны оказывать сопротивления вооруженным бандам. К тому же многих крестьян, в основном молодых юношей, подкупала разбойничья жизнь и потому они откликались на призывы пополнить ряды

⁴²⁵ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 785. Л. 1.

⁴²⁶ Гуменюк А.А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии... С. 130.

⁴²⁷ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 67. Д. 151. Л. 6.

повстанцев. В качестве выхода из сложившейся ситуации делегаты конференции предложили «искоренить бандитизм путем ликвидации экономической разрухи».

Прогноз делегатов конференции полностью подтвердился на практике. Уже весной 1922 г. предоставление семенных ссуд во время посевной кампании существенно повлияло на настроения крестьян. Произошла трансформация экономического поведения – переориентация от воинственности к земледелию.

Подобные тенденции к расширению посевов были распространены и в Автономной области Немцев Поволжья. Согласно обзору, подготовленного инструктором информационного отдела ЦК А. Курбатовым, посевная кампания проводилась с большим «подъемом»: «пахали коровами, на себе таскали плуги, копали лопатами и т.п.»⁴²⁸.

Государственная поддержка в виде выделения семян и продовольствия способствовала качественному изменению настроений среди населения. Крестьяне стали в большей степени воспринимать действия советской власти как направленные на восстановление сельского хозяйства⁴²⁹. Многие повстанческие формирования попросту распались в результате стихийного отхода от них крестьян к весенним полевым работам, считает А.А. Гуменюк⁴³⁰. В августе 1922 г. «Саратовские Известия» сообщали, что получение семян, реальная все увеличивавшаяся помощь голодающим, а также близость возможности получения нового урожая окончательно лишили успеха все антиправительственные выступления крестьян⁴³¹.

Еще одним тормозом, препятствующим запуску нэпа, стало неведанных масштабов распространение кустарного алкоголя. Результатам борьбы с самогонварением уделялось значительное внимание в отчетных материалах местного губкома, отправляемых в ЦК РКП (б). Так, согласно

---

⁴²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 103. Л. 22.

⁴²⁹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1424. Л. 5.

⁴³⁰ Гуменюк А.А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии... С. 122.

⁴³¹ Саратовские Известия, 1922, 23 августа.

закрытому письму секретаря саратовского губкома, направленному в ЦК, с января по декабрь 1923 г. зафиксировано 5 472 дел против «самогонщиков» и еще 1 897 дел против «винокуров»⁴³².

Обеспокоенность центральной власти вызвало не только социальное состояние людей, но и экономические убытки. Как известно, продажа самогона не облагалась налогом, и потому государство недополучало значительные средства в казну. Власти проводили регулярные облавы на самогонщиков, однако наказание, предусмотренное УК СССР, было незначительным: согласно ст. 139 – сбыт спиртных напитков без надлежащего разрешения, карался принудительными работами на срок до одного года с конфискацией части имущества. Аналогичное наказание было предусмотрено для преступников «распространяющих самовольные издания литературных и музыкальных произведений»⁴³³.

Ещё одной и, пожалуй, самой главной целью искоренения самогонварения для власти являлось преодоление низкой работоспособности. Тогда крестьянским хозяйствам, переживающих трудные времена, необходимо было расширять площадь посевов и увеличивать урожайность сельскохозяйственных культур. Мотивацией к действию служила организация досуговой общественно-политической деятельности.

В письме ЦК, отправленного во все губернские комитеты в январе 1923 г., высказывалось пожелание сосредоточить внимание на состоянии и работе парторганизацией... на работе партии среди беспартийных масс, больше внимание уделять процессам социального и политического характера, происходящим в деревне⁴³⁴. С этой целью по всей Советской России прошлитак называемые крестьянские беспартийные конференции. Они не только занимали досуг населения, но и стали площадкой для выражения мнения различных слоев населения деревни.

---

⁴³² РГАСПИ Ф. 17. Оп. 67. О. 151. Л.6.

⁴³³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.

⁴³⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.84. Д.291. Л.22, 74, 78.

Об их популярности говорили многие факты – тщательная подготовка их, активное участие крестьянства, многолюдность собраний, подведение итогов конференций, анализ вопросов и выступлений крестьянства⁴³⁵. Из всех слоев активными слушателями беспартийных конференций выступали бедняки. Они достаточно откровенно высказывались по интересовавшим их вопросам, выражали недовольство теми или иными сторонами политики в деревне. Как отмечалось в «закрытом письме» за январь 1924 г. «в настроении крестьян еще не бывала политическая активность... в некоторых селах для проведения своих кандидатов в Сельсовет беднота действовала организовано и сплоченно, проводила своих кандидатов, вопреки агитации кулаков...»⁴³⁶.

Из материалов источников известно, что преобладавшие количественно на конференции середняки политической активности не проявляли.⁴³⁷ Наибольший интерес у них вызывали вопросы практического плана: о налогах, о порядке предоставления кредитов. Очень остро ими ставились вопросы по землеустроительной политике, самые болезненные в деревне.

Одной из популярных тем, затрачивающихся на конференциях, были взаимоотношения города и деревни, разница в положении и оплате труда рабочих, «ножницы цен». Много нелестного говорилось в адрес советского аппарата: о командных методах работы, злоупотреблениях, некомпетентности советских работников. Осуждалась практика назначенчества в советской и партийной работе. В то же время крестьяне видели ограниченные возможности советов из-за слабости их бюджетных прав⁴³⁸.

Работа конференции позволяла увидеть расстановку сил в деревне, характер требований различных слоев крестьянства. Довольно сложную задачу представляло, например, поведение самой грамотной и инициативной

⁴³⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 272.

⁴³⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67. Д. 151. Л.2.

⁴³⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. С. 273.

⁴³⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 923. Л. 98,107,111, Вестник Саратовского губкома РКП(б). 1923. № 3. С. 67,69, Коммунистический путь. 1924. № 13–14. С. 92–94, 1926. С. 147–148.

части из числа зажиточных крестьян – кулаков. Избегая конфронтации с властями, кулаки, тем не менее, ставили очень «неудобные» вопросы о возможности создания крестьянских союзов, о предоставлении льгот группе крестьянства, интенсивно ведущей хозяйство. Критически, со скептицизмом воспринимали они обещания со стороны власти. Последние, в свою очередь, не без опасения отмечали отчетливое стремление этой части крестьянства к политическому равноправию. Согласно сводке информационного отдела ГПУ за 9, 10, 11 июня 1923 г. в Саратовской губернии, при проведении мероприятий, кулаки «остро дают себя чувствовать»⁴³⁹.

Кулачество, несмотря на враждебную позицию со стороны властей, во многом являлось выгодоприобретателем первых мероприятий нэпа. В связи с принятием и реализацией Земельного кодекса от 30 октября 1922 г. бедное крестьянство получало больше земли, но из-за отсутствия сельскохозяйственного инвентаря, вынуждено было обращаться «за действием к кулачеству», попадая тем самым в экономическую зависимость от них. Говоря о настроениях бедного крестьянства, ответственный инструктор ЦК РКП (б) Гамбаров, находясь с аудиторским визитом в Саратовской губернии в 1923 г., приводит в своем докладе слова безымянного жителя села Сластущинской волости, Аткарского уезда – «Зачем я пойду к тебе [коммунист], что дашь мне? Кулак, хоть тот и возьмёт с меня, да даст мне возможность обернуться»⁴⁴⁰.

«Успехи» кулачества, их адаптация к условиям новой экономической политики отражены в ряд докладных записок как инструкторов Организационно-инструкторского отдела, так и секретарей губкомов. Так, например, в докладной записке от 15 декабря 1924 г., имеющий заголовок – «по вопросу ограждения сельскохозяйств: кооперация кулачества», секретарь саратовской партийной организации К.И. Плаксин отмечал, что крестьянский рынок находится в руках кулачества. Выходом из

---

⁴³⁹ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 112

⁴⁴⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67. Д. 149. Л. 96.

сложившейся ситуации, по мнению местного руководителя, является проведение чисток действующих кооперативов по социальному признаку и в дальнейшем регистрацией новых кооперативов с обсуждением социальной природы учредителей⁴⁴¹. По сути власти рассматривали возрождение традиций комбедовской политики, хоть и в несколько видоизмененных формах. Однако крестьянство, особенно его бедняцкая прослойка, была введена в вопросы ведения хозяйства и зависела от кулаков.

В сложившейся ситуации руководство страны оказалось перед непростым выбором: прислушаться к требованиям крестьянства либо прибегнуть к административным мерам регулирования. Пассивность грозила серьезными последствиями, поскольку предшествующая активность крестьян существенно влияла на политический и экономический климат государства. К тому же велико было стремление к формированию так называемых «крестьянских союзов» – антикоммунистических организаций, которые начали стихийно возникать с весны 1921 г. и были запрещены 31 марта того же года Оргбюро ЦК РКП(б).

Чтобы избежать формирования зародыша самостоятельной крестьянской политической организации власть ищет возможность солидаризации бедняцко-средняцкой прослойки крестьянства с пролетариатом. В связи с этим был взят курс «Лицом к деревне». Одним из первых направлений было шефство города над деревней, вошедшее в практику общественно-политической жизни с 1923 г. Начиналось оно как шефство отдельных первичных организации РКП(б) Саратова над несколькими волостями Аткарского и Саратовского уездов. К июлю 1923 г. в шефстве участвовали 24 ячейки, осенью – 41, установивших связи с 13 волостями⁴⁴².

Выезды в деревни, переписка, приглашение подшефных в город – таков был набор средств шефской работы. Содержание ее оказалось шире

---

⁴⁴¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67. Д. 149. Л. 41.

⁴⁴² Вестник Саратовского губкома РКП(б). 1923. № 1. С. 28–29.

первоначально поставленных целей, которые были дополнены укреплением советских и партийных органов в деревне, а также сельских ячеек. Шефы проводили и разъяснительную работу, отвечая на многочисленные вопросы крестьянства, смогли оказать им помощь в разрешении некоторых практических вопросов, например, дать нужную консультацию в спорах по проблемам землеустройства. Очень нужной оказалась помощь школе⁴⁴³.

Какой же предстает эта «смычка» в сознании различных слоев регионального советского общества 1920-х гг.? В письме М.И. Калинину 19-ти летний комсомолец Р.М. Семкин, житель села с. Терса, Балашовского уезда, помимо экономического положения крестьянства, вызванного голодом 1921 г. и неурожаем 1924 г., просит всесоюзного старосту о социальной справедливости: «белая кость (торговцы, кулаки, владельцы предприятий) живут в неге и роскоши... на их белом лице никогда не был пот от трудовых мозолей... они всю свою жизнь устраивают за счет мозолистых рук. Где же правда на земле? Я как комсомолец хочу правды. Разве бедняк на такое право имеет на жизнь? Научите юную рать», – заканчивает абзац юноша. Говоря о кампании «Лицом к деревне», Семкин пишет, что «деревенские коммунисты далеко отстали от настоящего периода времени и тянутся в хвосте». Причиной тому, по мнению комсомольца, является «темнота» местных партийцев, которые не читают газет и ведут себя «командирами» в селе. Это привело к тому, что крестьянство не критикует коммунистов, так как боится «попасть в контрреволюционную доску»⁴⁴⁴ (Приложение № 6). Письмо, согласно резолюции М.И. Калинина, с пометкой «об улучшении жизни крестьянина», было направлено секретарю ЦК РКП (б) А.А. Андрееву, который так же был членом Оргбюро ЦК.

По мнению С.П. Погадаева курс «Лицом к деревне» включал комплекс мер по «оживлению советов» и укреплению позиций деревенских ячеек партии, проводя экономические и идеологические меры поддержки, властям

⁴⁴³ Вестник Саратовского губкома РКП(б). 1923. № 5. С. 51–53, № 7. С. 36–38; Коммунистический путь. 1923. № 10. С. 121–125.

⁴⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 38. Д. 375. Л. 80.

удалось стимулировать рыночные отношения, восстановить (пусть и ненадолго) доверие к советской власти после массовых крестьянских восстаний⁴⁴⁵.

Еще одним результатом курса «Лицом к деревне» стало укрепление законности и правопорядка, а также отказ от пережитков «военного коммунизма». К середине 1920-х гг. прямое командование, характерное для прежних лет (включая первые годы нэпа), перестало быть эффективным. Единственным выходом была смена тактики – переход к правовым методам взаимодействия с крестьянством. Как отмечал Н.И. Бухарин в своей речи осенью 1924 г., крестьяне стали более рационально подходить к хозяйственным вопросам, и любые проявления административного произвола – будь то волокита, нелепые распоряжения или бюрократические перегибы – вызывали у них всё большее недовольство. Он подчеркивал, что крестьянин должен видеть перед собой «советский закон, а не советский произвол». Бухарин предупреждал: методы, оправданные в эпоху военного коммунизма, теперь лишь вредят. «Держать деревню администрированием уже нельзя... Политика голого насилия не работает», – заявлял он. Любые необдуманные административные решения, по его словам, вели к хозяйственным катастрофам на местах. Таким образом, курс на законность был не просто уступкой, а необходимым условием для стабилизации отношений с крестьянством⁴⁴⁶.

Позиция Н.И. Бухарина в отношении деревни резко контрастировала с мнением М.И. Калинина и Л.В. Каменева. На прошедшем в мае 1924 г. XIII съезде РКП (б), выступая с программным докладом, М.И. Калинин отметил, что «сельское хозяйство пока что идет по старым мелкобуржуазным тропам». Назвав нэп проявлением буржуазных отношений, он акцентирует внимание на следующей тенденции, что

---

⁴⁴⁵ Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010. С. 114.

⁴⁴⁶ Бухарин Н.И. Некоторые вопросы экономической политики. М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР. 1925. С 12.

увеличение производительности сельского хозяйства происходит за счет «средняцкого и зажиточного крестьянства»: У нас, сообщил всесоюзный староста на съезде, не количество бедноты увеличилось в крестьянстве, у нас увеличилась разница между беднотой и между середняком и кулаком»⁴⁴⁷.

Идеи М.И. Калинина развил Л.Б. Каменев: «...Корни нэпа – в деревне, корни новой буржуазии – в свободе обращения продуктов сельского хозяйства, корни новой растущей буржуазии – в кулацких элементах деревни»⁴⁴⁸.

Активное проведение политики «Лицом к деревне» в конце 1924 г. помогло советской власти предотвратить острый политический кризис в крестьянской среде. Благодаря этому курсу недовольство сельского населения удалось направить в более управляемое русло. Широкая информационная кампания – публикации в прессе, выступления партийных руководителей – на время сняла напряженность, вселив в крестьян надежду на улучшение жизни. Поскольку главной причиной недовольства были нерешенные экономические проблемы, власти, стремясь сохранить контроль, пошли на значительные уступки. Это выразилось в смягчении условий ведения хозяйства для крестьян, расширении возможностей для товарно-рыночных отношений в деревне. Таким образом, руководство страны, хотя и вынужденно, но пошло на экономическую либерализацию, чтобы стабилизировать ситуацию и укрепить свою власть.

17 апреля 1925 г. Н.И. Бухарин на собрании актива Московской партийной организации выдвинул своё знаменитое «Обогащайтесь». По его идее, экономика должна развиваться на основе смычки рабочих и крестьян, обеспечения крестьянам возможности поднимать хозяйство, в том числе путем рыночного обмена. В работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925 г.) государственный деятель писал, что этот путь лежит через рыночные отношения, которые «будут уничтожены в результате своего собственного развития», ибо все заменится государственно-

---

⁴⁴⁷ Россия Нэповская. М., 2002. С. 211.

⁴⁴⁸ Там же. С. 212.

кооперативным распределением производимых продуктов... Необходимо дальнейшее развязывание товарооборота в нашей стране, а для этого, в свою очередь, необходима некоторая большая хозяйственная свобода и для сельскохозяйственной буржуазии, т.е. перенесение новой экономической политики на деревню»⁴⁴⁹.

Лозунг Н.И. Бухарина в июне 1925 г. осудил И.В. Сталин. Вместе с В.М. Молотовым и А.А. Андреевым, он пишет статью для «Комсомольской правды», где выражает свое несогласие с своего оппонента, считая лозунг неправильным, вызывающим целый ряд сомнений и недоразумений.⁴⁵⁰ По словам Е.Г. Гимпельсона, противоречия нэпа и связанные с ними трудности, поиски путей, методов их преодоления обостряли разногласия между политическими кругами⁴⁵¹.

Расширение нэпа в деревне путем развитие товарно-денежных, рыночных отношений, действительно, привели к серьезным проблемам для партии. Зажиточная часть населения и середняки, стремившиеся к обогащению, надеялись на фермерскую форму хозяйствования, основанную на частной собственности. Они все активнее выступали за расширение рыночных отношений, за свободу хлебной торговли, за отмену государственной монополии на внешнюю торговлю⁴⁵². «Удельный вес кулачества все более и более растет», отмечалось на вышеупомянутом XIII съезде РКП(б)⁴⁵³, а уже в 1927 г. кулацко-зажиточная верхушка деревни владела почти третьей частью стоимости всех сельскохозяйственных средств производства, тогда как бедняки, составлявшие примерно треть крестьянских хозяйств, располагали всего 5–7 %, что вызывала озабоченность у большевистского руководства⁴⁵⁴.

⁴⁴⁹ Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М, Л., 1927. С. 64.

⁴⁵⁰ Сталин И.В. Сочинения. В 18 т. Т. 7. М., 1947. С. 153

⁴⁵¹ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. М., 2000. С. 82.

⁴⁵² На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М: Красная новь, 1923. С. 24; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 539. Л. 13 об.

⁴⁵³ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Ч. 2. Л., 1969. С. 66.

⁴⁵⁴ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 56.

В этот же период отмечалось усиление расслоения населения деревни: зажиточные крестьяне постепенно сосредотачивали в своих руках основные средства производства: землю, скот и инвентарь. Они активно занимались ростовщичеством, навязывая беднякам и маломощным хозяйствам кабальные условия при аренде скота и сельхозорудий.

Подобное экономическое неравенство дало повод государству инициировать начало классовой борьбы в деревне. Однако, что называется, натравить значительные массы бедняков на кулаков было бы неразумно. Осознавая это, власти старались всячески поощрять союз беднейшего крестьянства с середняками. В «закрытых письмах» и информационных сводках саратовского губкома появляются разделы «Союз бедноты с середняками»⁴⁵⁵. Местные власти рапортуют в центр о «заметном сдвиге в укреплении политического взаимодействия середняка с бедняком и отрыв от богатеев» (Балашовский уезд); о «единодушном выступлении середняцких и бедняцких слоев на выборах в волкомы» (Саратовский уезд); «середняк большей своей массой объединился с беднотой» (Аткарский уезд). Ряд партийных руководителей неоднократно указывал на существование настроений среди определённых групп населения, включая некоторых партийных работников, в пользу возобновления политики ликвидации кулачества как класса⁴⁵⁶.

Советские органы, в частности ГПУ, активно способствовали формированию образа «политического кулака», трактуя любое проявление недовольства или критики в адрес власти как «кулацкую контрреволюцию». В своих регулярных отчетах ГПУ представляло частную торговлю и рыночную активность как дезорганизующий фактор, мешающий построению плановой экономики. Действия зажиточных крестьян и торговцев – такие как

---

⁴⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 38. Д. 375. Л. 102, Д. 376. Л. 70.

⁴⁵⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 142. Л. 21, Д. 171. Л.1, Д. 536. Л. 41.

нелегальный товарооборот или создание искусственного дефицита – объявлялись вредительством и экономической диверсией⁴⁵⁷.

Чувствуя экономическую мощь кулаков, власти всячески ограничивали их политическую волю. Согласно Конституции РСФСР от 1925 г. ст. 69. п. «а», «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли», не избирают и не могут быть избранными⁴⁵⁸. Эмигрантский публицист с сочувствием отмечал бесправие кулаков и других представителей нэпмана: «Они не являются гражданами Союза и не могут участвовать в выборах каких-либо государственных, профессиональных или общественных организаций, включая сельские общества и кооперации... Нэпман – это своего рода общественный изгой»⁴⁵⁹. Таким образом, на территории Саратовской губернии в 1926 г. избирательных прав были лишены 3 526 человек, а в 1927 г. уже 12 958, то есть в 3,7 раза больше⁴⁶⁰.

Помимо поражения в политических правах для зажиточных крестьян действовала прогрессивная шкала налогообложения. В результате перестройки системы сельскохозяйственного налога 1924–1925 гг. было снижено обложение середняцких хозяйств и усилено обложение кулацких. Согласно «закрытому письму» за декабрь 1925 г., отправленного ответственным секретарем саргубкомом К.И. Плаксиным в ЦК «...кулачество ведет агитацию против единого с/х налога, ... пытаюсь провести своих кандидатов в кресткомы»⁴⁶¹ (Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи – А.С.). С введением прогрессивного налогообложения государство рассчитывало на подъем бедняцких и середняцких хозяйств за счет сдерживания благосостояния зажиточных элементов. «Политика сдерживания кулаков и помощи малоимущим объективно вела к осереднячиванию крестьянства», — считают авторы

⁴⁵⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 65. Л. 17.

⁴⁵⁸ Конституции РСФСР. С. 28.

⁴⁵⁹ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Ч. 2. Л., 1969. С. 76.

⁴⁶⁰ Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 156.

⁴⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 38. Д. 376. Л. 70.

сборника «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан...»⁴⁶².

Множество писем, направленных в ведущую на тот момент «Крестьянскую газету», были посвящены «несправедливым налогам». У жалобщиков возникали недоумения, по какому признаку их семью отнесли к числу зажиточных и обязали их платить повышенную ставку сельскохозяйственного налога.

С просьбой разобраться в ситуации пишет в редакцию газеты отец многодетного семейства, житель села Бобылевка Романовской волости Балашовского уезда Саратовской губернии, М.С. Щербаков. В своем обращении крестьянин, которого власти посчитали зажиточным, отмечает, что он имеет семейство из 15 душ. На каждую из душ приходится 1,5 десятины посевной и луговой земли. «Имущество мое, пишет крестьянин, состоит из дома, надворной постройки, сарая; скотины у меня имеется одна лошадь, одна корова, больше ничего нету». Дальнейшее содержание письма, раскрывает детали, по которым семейство Щербакова отнесли к числу зажиточных. Несмотря на призывы местной партийной организации участвовать в коллективном хозяйстве, Щербаков вместе с тремя своими братьями предпочитает вести единоличное хозяйство. «Плачевное положение смотреть на это семейство..., с горечью отмечает автор, мы думали разделить, тогда и вовсе будем в нищенском положении»⁴⁶³.

Между тем, начиная с 1926 г., происходит резкое повышение налогов на все виды хозяйственной деятельности, приносящий доход. Это коснулось, в основном середняцкие и зажиточные слои крестьянского населения. Если в 1924–1925 гг. бедняки платили 76 коп. с каждого члена семьи, середняки 3,09 р., а кулаки – 11,03 рубля, то в 1926–1927 гг. сумма налога с бедноты снизилась до 22 к., середняков почти не изменилась

---

⁴⁶² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 109.

⁴⁶³ Там же. С. 111.

(3,13 р.), а с кулаков возросла до 15,42 рублей. В результате кулаки выплатили 25,9 % сельхозналога, середняки – 72,8 %, а бедняки – 1,3 %.⁴⁶⁴

Аналогичной была картина и в Саратовской губернии. По данным губкома и материалам Саратовского губернского земельного управления на 1925 г. в регионе насчитывалось 156 556 бедняцких хозяйств, что составляло 32 % от числа всех хозяйств. По закону о едином сельхозналоге свыше 20 % крестьянских хозяйств освобождались по необлагаемому минимуму. В абсолютных цифрах размер льгот по единому сельскохозяйственному налогу по Саратовской губернии за 1925–1926 гг. составил: из бедняцкого фонда 300 тыс. руб. и по необлагаемому минимуму до 150 тыс. рублей⁴⁶⁵.

Советское руководство открыто декларировало в официальной печати курс на «максимальные льготы государственной торговле и кооперации при одновременном ограничении частного торговца»⁴⁶⁶. Помимо этого, на законодательном уровне было одобрено активное использование административного ресурса в ходе проведения налоговой кампании. Соответствующие полномочия волостным исполнительным комитетам были делегированы постановлением Центрального исполнительного комитета, которое регламентировало применение принудительных мер для взыскания задолженностей по налогам. В августе 1926 г. власти Саратовской губернии приняли жёсткие меры по принудительному сбору задолженностей с крестьян. Саргубисполком издал распоряжение о полном и безусловном взыскании всех накопившихся недоимок, включая сельскохозяйственный налог, платежи за землеустройство, страховые и банковские взносы, возврат семенных ссуд. Для ускорения процесса судебным органам предписывалось рассматривать такие дела вне очереди, без задержек⁴⁶⁷.

Известно, что в качестве показательной меры в селе Вязовка (Саратовский уезд) власти провели массовую опись и конфискацию

⁴⁶⁴ Тяжесть обложения в СССР: Социальный состав, доходы и налоговые платежи Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг. М., 1929. С. 14, 44, 89, 103, 114, 115.

⁴⁶⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 445. Л. 12, Д. 572. Л. 42 об., 51–51 об.

⁴⁶⁶ Правда, 1926, 21 февраля. № 43.

⁴⁶⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 461. Л. 10.

имущества неплательщиков. Как докладывало позднее ОГПУ, этот подход дал быстрые результаты: за короткий срок удалось взыскать до 50% всех недоимок по селу. Подобные методы демонстрировали усиление административного давления на крестьянство и переход к жёсткой фискальной политике, характерной для конца 1920-х гг.

Однако даже такие суровые и, по сути, чрезвычайные меры оказались недостаточно эффективными в ходе новой налоговой кампании. Так, 22 сентября 1927 г. Саратовский губисполком был вынужден признать, что, несмотря на все усилия, 17,67 % от общей суммы Единого сельскохозяйственного налога (ЕДСХН) по губернии оставались неуплаченными. При этом до окончания налоговой кампании оставалась всего одна неделя. Таким образом, было понятно, что выполнение плана практически не представляется возможным⁴⁶⁸.

Данная кампания вызвала волну недовольства крестьян в регионе. В селе Тепловка Ново-Бурасской волости Саратовского уезда жители сообщали, что «если всю задолженность покрыть, то многим нечем будет содержать семью». В селе Усть-Курдюм Саратовской волости крестьянину Молчанову для уплаты налога пришлось продать последнюю корову. В селе Мало-Воскресенском Аткарского уезда середняк Кашеваров заявил: «Эта власть хуже Николая разорила крестьян». В селе Нижняя Дмитриевка Радищевской волости Вольского уезда среди крестьян велись разговоры о том, что «при Советской власти лучше стало жить только рабочим города»⁴⁶⁹. О взрывоопасных настроениях крестьянства, вызванных поборами, предупреждает в докладной записке инструктор информотдела ЦК С. Бергавинов. По его словам, губернские власти, с целью выполнить показатели по ЕДСХН, прибегают к самообложению. Инструктор считает, что «за такие штуки надо взгреть, ибо нельзя их допускать... эти поборы

---

⁴⁶⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 668. Л.52–52 об

⁴⁶⁹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 40. Л. 8, Д. 41. Л. 10, Д. 42. Л. 18, 4.

создают плохие политические настроения среди крестьян, особенно середников»⁴⁷⁰.

Увеличение налогов для зажиточных крестьян, ограничение количественного и качественного роста деревни, протекционизм в отношении обобществлённых форм хозяйствования, поддержка батрачества и бедноты как социальной опоры режима стали предпосылками для смены курса.

Прелюдией к свертыванию нэпа в деревне стала хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. Причиной его стали низкие государственные закупочные цены на зерно. Крестьянские хозяйства, недовольные стоимостью, сокращали посевы, что привело к сокращению снабжению городов. Обеспокоенные этим демаршем советские власти сочло возможным в виде исключения применить административный нажим в отношении наиболее зажиточных крестьян. В январе 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) и лично генеральный секретарь И.В. Сталин настояли на применения административных мер против всех, кто отказывался продавать государству хлеб. Это означало, что у крестьянина отбиралось гарантированное ему право распоряжаться по своему усмотрению излишками сельскохозяйственной продукции, оставшимися после уплаты налогов. Теперь он был обязан сдавать эти излишки по низким государственным ценам. Если крестьянин отказывался это делать, то его объявляли кулаком и привлекали к суду по обвинению в спекуляции, а хлеб конфисковывали⁴⁷¹.

План Политбюро по выкачиванию хлеба без согласия крестьянина начал работать практически сразу. С прибытием особоуполномоченного СНК СССР, кандидата в члены Политбюро Н.А. Угланова в Саратовскую губернию, пришло применению чрезвычайных репрессивных мер. О масштабах судебных репрессий в связи с хлебозаготовками свидетельствуют данные органов юстиции по губернии. С 1 января по

---

⁴⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 152. Л. 73.

⁴⁷¹ Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ-НКВД. На защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2018. С. 62.

1 апреля 1928 г. в народных судах было рассмотрено 1 316 дел, осуждены 1 289 человек. Весьма показателен их социальный статус: 70 кулаков, 152 – зажиточных, 593 – середняка, 170 – бедняков. При этом по 284 осужденным суды затруднились дать социальную квалификацию. Общая стоимость конфискованного у осужденных по 107 ст. УК имущества составила 704 465 рублей⁴⁷².

К тому же времени относится нарастание крестьянского сопротивления политике хлебозаготовок, особенно — в связи с сохраняющимся дисбалансом между промышленными и сельскохозяйственными товарами («ножницы цен»). Наиболее показательные случаи такого протеста были зафиксированы в Усть-Медведицком округе. На хуторе Разуваевском крестьяне спрашивали: «Почему нет равенства жизни крестьян с рабочими и из каких соображений все цены на сельхозпродукты устанавливает правительство, и почему не реагируют на такие низкие цены местные органы власти?». На хуторе Лог звучали еще более радикальные оценки: «Затея по выкачиванию хлеба – дело рук рабочих и города, они живут, а крестьянство страдает»⁴⁷³.

Негативное отношение деревни к городу отмечено в письме ответственного секретаря губкома М. Харитонова, отправленного по секретному каналу в ЦК РКП (б): «... в деревне все крепче формируется настроение против города по линии дороговизны товаров. Крестьяне все больше ставят в упор вопрос, почему так дорога мануфактура, обувь, соль и т.д.»⁴⁷⁴. Также отмечалось множество следующих высказываний: «По установленной властью цене на пшеницу 1 р. 25 коп. сдавать не будем, мы ее смелем у себя на размол и здесь продадим»⁴⁷⁵.

Как следует из закрытой сводки редакции газеты «Советская деревня» для Саратовского крайкома ВКП(б), основным источником недовольства

⁴⁷² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 874. Л. 144, 145 об., Д. 876. Л. 20, Д. 896, Л. 46.

⁴⁷³ Цит. по: Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 156.

⁴⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 38. Д. 376. Л. 203.

⁴⁷⁵ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 157.

крестьянства были завышенные планы хлебозаготовок, которые фактически превращались в скрытую продразверстку, поскольку нормы сдачи зерна часто превышали реальные возможности хозяйств⁴⁷⁶. Советская историография оценивала такие настроения однобоко. Якобы таких мнений придерживалась лишь зажиточная верхушка крестьянства.

Однако партийные документы и сводки свидетельствуют о том, что недовольство носило массовый характер и охватывало все слои деревни, а не только кулачество⁴⁷⁷. В селе Малая Федоровка Хвалынской волости на собрании бедноты заявлялось, что «самообложение тяжёлое, но его придётся принимать», однако подчёркивалось: «Кого считать кулаком, а кого бедняком? В нашей советской деревне кулаков нет». В результате собрание отклонило смету самообложения, а по вопросу создания семенного фонда приняло решение: «Вопрос о создании семфонда отклонить, так как в семенах мы нуждаемся от государства, а искать их у себя во избежание недоразумений не согласны»⁴⁷⁸.

Липовский волком так характеризовал типичные настроения крестьянства: «В наших условиях проведение классовой линии является лишь грызней между крестьянами, у нас кулаков нет». В то же время Барановский волком сообщал, что «кулаки ведут агитацию такую, что данная кампания вызвана признанием взглядов оппозиции, деревня богатеет, они и проводят раскулачивание и нажимают на крестьян»

В ходе кампании 1928 г. крестьянство использовало две формы пассивного сопротивления, чтобы обратить внимание властей на свое тяжелое положение. Одной из них, легальной и исторически характерной для российского крестьянства, было подача жалоб – своего рода «челобитные». Согласно данным Нижне-Волжской краевой прокуратуры⁴⁷⁹, количество жалоб от крестьян в регионе (включавшем Саратовскую, Сталинградскую и

⁴⁷⁶ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45. Л. 6, 12.

⁴⁷⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 159.

⁴⁷⁸ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 875. Л. 35.

⁴⁷⁹ 21 мая 1928 г. при районировании Советского Союза Саратовская губерния вместе со Сталинградской и Астраханской вошли в состав Нижне-Волжской области с центром в Саратове.

Астраханскую губернии) неуклонно росло: в первом полугодии 1927 г. – 15 619 жалоб, во втором полугодии 1927 г. – 16 126, в первом полугодии 1928 г. – 20 669. Примечательно, что прокуратура признала более 60% этих обращений обоснованными, что свидетельствует о реальных проблемах, с которыми сталкивалось крестьянство⁴⁸⁰.

Вторая – листовки критической направленности по поводу проводившихся хозяйственных кампаний. Такое отношение к объемам хлебазаготовок и налогообложению отразилось в народной песне с весьма характерным названием «Оброк берут», распространившейся в Саратовской губернии на мотив не менее широко известной «Еремушки».

И, наконец, третья группа – прокламации ярко выраженного антиправительственного содержания, зачастую призывавшие к открытому сопротивлению властям. Так, ОГПУ сообщал, что в Питерской волости Новоузенского уезда распространились следующие объявления: «Гнет крестьянства невыносим. Во всем виновато злое правительство и коммунисты. Долой Правительство! Долой Коммунизм! Да здравствует Свободное крестьянство!»

Стоит подчеркнуть, что политическая агитация, публицистика и народное творчество выражали протестные настроения всего крестьянства, а не были, как утверждали центральные и местные власти, результатом подрывной деятельности кулаков. Напротив, в настроениях и мнениях крестьянства наблюдается классовая солидаризация, направленная против властей и его социальной опоры – пролетариата. Таким образом, стоит констатировать, что к концу политики нэпа властям не удалось создать мощного эгалитаристского возмущения в деревне, коего им удалось достичь в городе. Крестьянство, помимо экономической свободы, требует политической воли. Весьма примечательно, что во второй половине 20-х гг. среди широких крестьянских масс была популярна идея

---

⁴⁸⁰ ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 127. Л. 12 об.

«Крестьянского союза» – организации, независимой от Коммунистической партии (партии только рабочего класса).

В апреле 1926 г. на заседание волостных исполкомов Петровского уезда звучали прямые заявления о том, что «крестьяне не нуждаются в руководстве со стороны рабочего класса. Им следует предоставить свободу – пусть сами решают, как организовать свою жизнь». Такие настроения, как отмечалось в политсводке Саратовского губкома ВКП(б) в середине 1926 г., были широко распространены во всех районах⁴⁸¹. Более того, в Сердобском уезде среди крестьян, участвовавших в аграрном движении 1905 г., наблюдались попытки создания собственного союза. В деревнях высказывались идеи, что подобная организация могла бы регулировать цены как на сельскохозяйственную продукцию, так и на промышленные товары⁴⁸². Таким образом, крестьянство не только выражало недовольство политикой государства, но и предпринимало попытки самоорганизации, стремясь к экономической самостоятельности и справедливому товарообмену между деревней и городом.

Саратовская губерния, согласно сводкам ОГПУ за 1924–1928 гг., занимала одно из первых мест в Поволжье по распространению агитации за создание крестьянских союзов⁴⁸³. Подобные настроения усиливались пропорционально росту административного давления на деревню.

В апреле 1928 г. секретарь Аткарского укома ВКП(б) в своём письме в губком (позже включённом в отчёт для ЦК) констатировал: «Лозунг «Крестьянского союза» воспринимается как универсальное решение всех проблем. Любое недовольство действиями власти неизменно заканчивается требованиями его создания»⁴⁸⁴. Реакция официальных властей была в духе господствующей идеологии. Все подобные выступления объяснялись

---

⁴⁸¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 157. Л. 17.

⁴⁸² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 42. Л. 37.

⁴⁸³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939 гг. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М., 2000. С. 631.

⁴⁸⁴ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 981. Л. 29–30.

«происками антисоветских элементов»: от кулаков и бывших эсеров до духовенства. Такая трактовка позволяла игнорировать глубинные причины недовольства крестьян и уже традиционно сводить их к «контрреволюционной агитации»⁴⁸⁵.

Обобщенным итогом наступления на кулачество в период 1927–1929 гг. явилось абсолютное сокращение численности «мелкокапиталистических» (товарных) хозяйств в деревне. Согласно сравнительным данным сельскохозяйственных переписей за 1927 и 1929 гг. по Нижне-Волжскому краю батрачество несколько увеличилось (на 0,3 %), беднота – сократилась с 22,1 до 20,3 %. Значительно выросла середняцкая прослойка – с 61,8 до 65,2 % при одновременном уменьшении кулацких хозяйств с 4,4 до 2,5 %⁴⁸⁶.

Несмотря на массивное наступление властей индивидуальное, трудовое крестьянское хозяйство продолжало преобладать в деревне. Лишь 2,9 % крестьянских хозяйств в Саратовской губернии имели форму коллективного⁴⁸⁷. В целом же по СССР в 1927 г. насчитывалось 20 тыс. различных коллективных объединений⁴⁸⁸.

Не сумев создать достаточного уровня объективных предпосылок для сплошной коллективизации и ликвидации зажиточно-предпринимательской верхушки деревни, властью был объявлен курс на форсирование как коллективизации, так и индустриализации. Несмотря на решение XV съезда ВКП (б) сохранить индивидуальное хозяйство в ходе первой пятилетки, уже к 1930 г. с легальным частным производством и торговлей в деревне было покончено.

Таким образом, для сельского населения Саратовской губернии отказ от новой экономической политики обернулся глубоким кризисом ожиданий. Крестьяне столкнулись с крахом своих основных чаяний: возможности

---

⁴⁸⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 257. Л. 68, 68 об.

⁴⁸⁶ Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. С. 71–72.

⁴⁸⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 14. Л. 58.

⁴⁸⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 68. Д. 348. Л. 3, 5.

свободного ведения хозяйства, внимание власти к их нуждам, ожиданий снижения налогового бремени и прекращения репрессивной политики. Они так и не добились признания своей социальной группы как полноценного субъекта государственной жизни, оставаясь на второстепенных ролях, не смогли реализовать свои представления о нормальной крестьянской жизни.

Первоначальные обещания нэпа, которые сельские жители воспринимали как возможность прогрессивного преобразования аграрного сектора губернии и страны в целом, к середине 1920-х гг. стали утрачивать свою силу. Уже в 1925–1926 гг. наметилось заметное замедление в реализации нэповских принципов, а к 1927–1929 гг. произошёл их полный демонтаж. Причины указанного выше явления крылись не в экономическом факторе, а были обусловлены исключительно политической волей. Партийное руководство демонстративно отказывалось рассматривать крестьянство в качестве союзника в строительстве социалистического общества, предпочитая видеть в нём исключительно враждебный элемент⁴⁸⁹. Даже поддерживаемая властью беднейшая часть сельского населения сохраняла к ней недоверие, что уж говорить о середняках и зажиточных хозяевах. Итогом проводимой с середины 1920-х гг. политики в отношении крестьянства стало не только сохранение политической напряжённости в деревне, но и прогрессирующее снижение её способности обеспечивать продовольственные потребности государства. Выходом из сложившейся ситуации стал шаг в сторону грядущей сплошной коллективизации и насильственного раскулачивания.

---

⁴⁸⁹ Савельев С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов, 1994. С. 60.

3.2 Преобразования нэп в городе.

Общественные настроения населения и реакции власти (1921–1929 гг.)

Новая экономическая политика по своему внутреннему содержанию была рассчитана на активное развитие сельского хозяйства. Принятые меры позволили нормализовать ситуацию с посевом и сбором урожая. Так, по средним показателям, валовые сборы зерна за вторую половину 1920-гг. составили 733,3 млн. ц. против 652 млн. ц. довоенных (с 1909 по 1913 гг.)⁴⁹⁰. Несмотря на имеющуюся неравномерность и неустойчивость сборов (например, в сравнении с показателем 1913 г. фиксируется незначительный рост в 1925 г. – 3,3 млн. ц. и уменьшением более чем на 40 млн. ц. в 1927 г.), ситуация в сельском хозяйстве была намного лучше, чем в промышленности. По отношению к довоенному показателю 1913 г. доля промышленного производства в 1921 г. составила по разным оценкам от 18 до 25 %⁴⁹¹. Добыча природных ресурсов – нефти, угля и других – сократилась в десятки раз. Ситуация в транспортной сфере также была тяжелой: оказались разрушены 70 тыс. км. железных дорог, объемы перевозок снизились до показателей 1890-х гг., а 58 % паровозов пришли в негодность⁴⁹². К тому же ощущалась острая нехватка предметов широкого потребления. Из-за резкого спада промышленного производства государственная система распределения товаров по фиксированным ценам рухнула, что привело к росту нелегальной торговли по спекулятивным ценам. Согласно выводам британского историка Э. Карра, крах экономической модели Советской республики к началу 1920-х гг. привел к

---

⁴⁹⁰ Шалькова В.А. Зерновая проблема в 1920-е гг.: По материалам европейских районов России: автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1997. С. 19.

⁴⁹¹ Миронов Б.Н. Динамика российской промышленности и транспорта в 1913–1920 гг. // Экономическая история. 2017. № 3 (38). С. 11.

⁴⁹² Очерки истории Саратовской организации КПСС. Саратов, 1965. С. 153, Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Ч. 1. Л., 1964. С. 26–28.

том, что люди стали массово покидать промышленные центры, таким образом, производство все ближе подходило к полной остановке⁴⁹³.

Для того чтобы ускорить восстановление промышленности, советским правительством была осуществлена значительная децентрализация управления отраслями. Согласно декрету от 9 августа 1921 г. – «О проведении в жизнь начал новой экономической политики», – наиболее крупные и важные государственные предприятия переводились на начала «точного хозяйственного расчета» и переходили в ведение Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и его местных органов⁴⁹⁴. Прочие предприятия, в основном относящиеся к легкой промышленности, подлежали передаче в аренду кооперативам, товариществам или частным лицам в соответствии с декретом. Если же предприятия не арендовались и не переходили под государственный контроль, их предписывалось закрывать⁴⁹⁵.

В условиях мирной жизни от предприятий требовалась хозяйственная самостоятельность, инициатива, гибкость, умение коммерчески грамотно вести хозяйство, чтобы использовать условия рынка в интересах социалистической промышленности⁴⁹⁶. Первым шагом в этом направлении стала организация трестов в промышленности. Они должны были стать основным звеном в управлении производством. Трестирование означало создание крупных производственных объединений. Оно предотвращало распыление средств и сил по отдельным предприятиям. Объединяя последнее, трест способствовал концентрации производства и оснащению его более совершенным оборудованием.

Концентрация производства, отбор и передача в непосредственное ведение государства наиболее крупных, технически лучше оборудованных предприятий и перевод их на хозяйственный расчет позволили обеспечить

---

⁴⁹³ Карр Э. История Советской России. Кн. 1, т. 2. М., 1990. С. 612.

⁴⁹⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 1. 1917–1928 гг. М., 1967. С. 244–248.

⁴⁹⁵ См.: Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958). М., 1966. С. 184–185.

⁴⁹⁶ Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. М., 1960. С. 1

ведущие фабрики и заводы квалифицированными кадрами, сырьем и оборотными средствами. Сокращение штатов, уменьшение числа отделов, привело к ликвидации лишних инстанций. В конечном итоге реорганизация управления промышленностью способствовала более успешному ее восстановлению. «При всех тягестях, которые приходилось переживать промышленности Саратовской губернии», – говорилось в отчете 12-му губернскому съезду советов, – «наша промышленность не только не упала, а, наоборот, поднималась и крепла»⁴⁹⁷. Такую же оценку давала 2-я сессия Саратовского губисполкома XII созыва (5–9 мая 1923 г.), отметившая относительную прочность и хозяйственную устойчивость промышленности, улучшение ее технического и коммерческого состояния, наличие условий, предоставляющих возможность дальнейшего укрепления производства.

Нэповские преобразования, по задумке властей, должны были значительно улучшить положение рабочих саратовской промышленности, повысить уровень жизни всех городских слоев населения и снять напряженность между обществом и властями губернии, накопившуюся в предшествующие годы. Однако реакция на изменения среди рабочих, интеллигенции и служащих оказалась неоднозначной. Пролетариат, измученный подавленными забастовками и острой нехваткой продовольствия, встретил нэп в состоянии разочарования. Рабочие скептически относились к возможности скорых позитивных перемен – их мечты за новый мир, оказались иллюзиями.

Основными раздражителями, влиявшими на настроения саратовского пролетариата, являлись безработица, продовольственное и коммунальное обеспечение. В докладах о политическом состоянии саратовского губкома за 1922 г. рабочие выражают недовольство из-за несвоевременной выдачи заработной платы и продовольственного пайка. Однако основным

---

⁴⁹⁷ 12-й Саратовский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (15–18 декабря 1922 г.). Саратов, 1923. С.22.

источником раздражения являлась массовая безработица ⁴⁹⁸ (Приложение № 3). Ее рост был связан с остановкой и закрытием предприятий из-за последствий войны и начавшейся в первые годы нэпа реорганизации промышленности. Примечательно, что если в Ленинграде власти старались сохранить кадры даже при закрытии фабрик, то в Саратовской губернии в 1921–1923 гг. проводилось активное сокращение рабочих, что еще больше усугубляло социальную напряженность.

В исследуемый период безработица проявлялась в различных формах, однако преобладала ее временная разновидность, обусловленная процессами реорганизации промышленных предприятий ⁴⁹⁹. В отчетных материалах губернской партийной организации, отмечалось, что, несмотря на проводимую оптимизацию производства настроения рабочих – удовлетворительные ⁵⁰⁰. Власти рапортовали об открытии для безработных столовых и ночлежек. Вопреки декларируемым мерам социально-экономической поддержки, материальное положение значительной части безработных оставалось неутешительным. Как свидетельствуют архивные данные, многие граждане были вынуждены проживать в непригодных для жилья помещениях (подвалы, полуразрушенные здания), лишенных элементарных бытовых условий, включая отопление. Острая нехватка предметов первой необходимости (одежда, обувь) и продовольствия создавала предпосылки для роста социального недовольства ⁵⁰¹.

Анализ источников позволяет выявить характерную особенность общественных настроений данного периода – усиливающуюся критику в адрес советской власти и коммунистической партии со стороны безработных, которые рассматривали проводимую экономическую политику как основную причину своего тяжелого положения. Особое негодование вызывала, по мнению безработных, пассивность профсоюзных организаций. В их

---

⁴⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120.

⁴⁹⁹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 509. Л. 41.

⁵⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120., РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 121. Л. 28.

⁵⁰¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 509. Л. 32.

высказываниях, зафиксированных в документах эпохи, прослеживается устойчивый мотив: «Власть нуждалась в нас только в период Гражданской войны, а теперь оставила без поддержки»⁵⁰².

В контексте сложной социально-экономической ситуации начала 1920-х гг. динамика настроений рабочего класса приобретала особое стратегическое значение. Как свидетельствуют архивные материалы, именно рабочий класс, являвшийся социальной опорой советской власти, демонстрировал наибольшую политическую активность и выраженность протестных настроений.

Так, в связи с отчаянным положением рабочих цементных заводов Вольска, находившихся в ведении ВСНХ, в конце мая 1922 г. было направлено 22 млрд. денежных знаков, 5 вагонов кукурузы в счет уплаты долгов за апрель. Кроме того, в секретной телеграмме, адресованной в ЦК РКП (б), сообщается, что властями ведется поиск средств на выплату возникшего долга за май⁵⁰³. В то же время, жалование государственным служащим не выплачивали несколько месяцев.

Именно работники госаппарата, из числа низовых служащих проходили по первой категории сокращения. Местные партийные власти, говоря о негативной реакции уволенных, старались подчеркнуть их непролетарское происхождение. В январском докладе о политическом состоянии губернии за 1922 г. ответственный секретарь партийной организации К.П. Плаксин отмечал, что служащие, преимущественно — интеллигенция, не скрывали своего враждебного отношения на фоне происходящей ситуации, а в действиях некоторых из них «замечается открытая меньшевистско-эсеровская агитация»⁵⁰⁴.

Нужно заметить, что взаимоотношения власти и интеллигенции, начиная с октября 1917 г. складывались непросто. Октябрьская революция и гражданская война сформировали у неё устойчивый негативный образ

---

⁵⁰² ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 509. Л. 32.

⁵⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 121. Л. 17.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 122.

большевистского управления государством. Служащие губернской канцелярии, учреждений исполнительной и законодательной власти не раз бойкотировали производственный процесс, так как понимали, что заменить их новыми людьми сразу не удастся.

По мере реализации мероприятий новой экономической политики наблюдалась определенная эволюция общественных настроений в сторону большей лояльности к власти. Однако, по свидетельствам источников, положительная динамика отмечалась преимущественно в восприятии экономических аспектов реформ. Это осознавали в высших эшелонах власти. Так член Политбюро Г.Е. Зиновьев писал, что «...значительная часть интеллигенции искренне заявляет, что она приняла Октябрьскую революцию..., на самом деле она из этой революции приняла только нэп..., которая ей кажется более разумной..., более соответствующей историческому моменту»⁵⁰⁵.

Стоит отметить, что в среде интеллигенции сформировалось два принципиально различных подхода к проводимым экономическим преобразованиям, отражавшим глубокий раскол в общественном сознании. Первая группа интерпретировала нэп как свидетельство институциональной пластичности большевистского строя. Они видели в новых экономических механизмах возможность для полноценной легализации частного предпринимательства, демонополизации внешней торговли. Вторая группа интеллектуальной элиты видела в нэпе временную уступку, прогнозируя восстановление «чрезвычайщины».

Критическая рефлексия интеллигенции относительно социально-политических трансформаций периода нэпа обусловила формирование специфического отношения властных структур к данной социальной группе. Несмотря на проводимую экономическую либерализацию и частичное

---

⁵⁰⁵ Зиновьев Г.Е. Интеллигенция и революция/ Доклад на Всероссийском съезде научных работников 23-го ноября 1923 г. М., 1924. С. 12.

смягчение политического режима, советское руководство осуществляло последовательную политику дискредитации интеллектуальной элиты.

Как сообщает С.П. Погодаев, с ссылкой на источники, в среде комсомольцев термин «интеллигентщина» имел отрицательную коннотацию⁵⁰⁶. Отношение многих большевиков к интеллигенции можно отразить во фразе: «Отвратительный тип отживающего класса, подхалим». В целом стоит подчеркнуть, что в результате идеологической работы и агитационно-пропагандистских мероприятий у масс сложился устойчивый негативный стереотип интеллигенции⁵⁰⁷.

Большевики, стремившиеся к повсеместному обновлению общественно-политической жизни, направили значительные преобразовательные усилия на создание собственной интеллигенции из числа пролетарской молодежи, путем создания для них особых преференций в высшей школе. В ходе реформирования системы высшего образования особый акцент был сделан на три основополагающих аспекта: придание учебному процессу последовательно революционной направленности; осуществление всестороннего политического воспитания обучающихся; максимальное увеличение выпуска квалифицированных специалистов пролетарского происхождения⁵⁰⁸.

С целью, упомянутой трансформации образа «советской интеллигенции» 17 сентября 1920 г. за подписью В.И. Ленина был издан декрет Совета Народных Комиссаров «О Рабочих факультетах», который законодательно закрепил существование рабфаков⁵⁰⁹. Рабочие факультеты, в состав которых могли входить только студенты и преподаватели нового, советского формата. Они полностью изменили облик высших учебных заведений.

---

⁵⁰⁶ Погодаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010. С. 100.

⁵⁰⁷ Третья Московская областная и Вторая городская конференция ВКП (б), январь 1932. М., 1932. С. 11.

⁵⁰⁸ Изменения социальной структуры советского общества 1921 – середина 30-х годов. М., 1976. С. 159.

⁵⁰⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 576.

Часть преподавателей, сетуя на малограмотность пролетарской молодежи и низкий уровень требований, которых придерживался рабфак в отношении своих студентов, негативно восприняла данный эксперимент. Другие, мирились с тем, что преобразования в высшей школе в связи с политическим переворотом неизбежны.

В докладе о состоянии губернской партийной организации за 1923 г. ответственным инструктором ЦК Гамбаровым подчеркиваются первые достижения рабфака. По его словам, Саратов насыщен квалифицированными работниками и лекторскими силами... 80 %, т.е. 2 275 чел. (студенты-коммунисты) вовлечены в политпросветительскую работу⁵¹⁰ (Приложение № 7). В то время уезды губернии испытывали дефицит и остро нуждались в политработниках, поэтому губернские власти видели в выпускниках рабфака спасение ситуации.

Студенты-рабфаковцы и другие учащиеся вузов, по задумке властей, наравне с профессорско-преподавательским составом должны были стать полноправным звеном в коллегиальном управлении вуза. Коренная реструктуризация правления, начатая еще в 1918 г., затронула, в числе прочих и Саратовский университет. Саратовское губернское отделение народного образования поддержало инициативу коммунистических активистов СГУ по реорганизации университетского правления, аргументируя это необходимостью обеспечения прав «ранее бесправных» студентов, т.е. выходцев из рабочих и крестьян⁵¹¹. Такой шаг вызвал сопротивление ректора университета В.Д. Зернова. Телеграфируя в Москву, он докладывал о – «самочинных» действиях коммунистов-студентов, и требовал официального осуждения подобных методов вмешательства в правления учебным заведением⁵¹².

---

⁵¹⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 67. Д. 240. Л. 3.

⁵¹¹ ГАСО Ф.332. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

⁵¹² Хабибрахманова О.А. Вузовская интеллигенция Среднего Поволжья в условиях социально-культурной трансформации советского общества 1918 –конца 1930-х гг.: дис. ... д-ра ист. наук: Саратов. 2022. С. 109.

Негативные настроения, связанные с попыткой включить студенчество в состав органов управления вузами, наблюдаются и в профессорско-преподавательской среде. Так, профессор Саратовского университета Н.К. Пиксанов в то время писал: «Постоянно ищущую мыслью, куда бы деться, и, право, Петроградское или Московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове... я постоянно думаю об эмиграции»⁵¹³. Вследствие значительного административного давления, жилищных проблем и голода, численность профессоров в 1921–1922 гг. в Саратовском университете снизилась на 50 %⁵¹⁴. Уехавший из Саратова в Москву в 1921 г. знаменитый философ С.Л. Франк сетовал: «Живем мы, конечно, очень плохо, во власти какой-то озлобленной толпы. Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству, к самой жизни»⁵¹⁵.

Для советской власти борьба с интеллектуалами-интеллигентами станет впоследствии равнозначной противостоянию инакомыслию. Вместе с тем, деконструкция вузовской корпорации станет шагом навстречу молодежи, в которой лидеры большевиков видели эффективный инструмент своих преобразований. Однако, считалось, что и среди студенческой молодежи существовали потенциальные враги режиму.

В рамках обеспечения идеологической однородности студенческого контингента советская власть реализовывала комплекс мер, включавший не только позитивную дискриминацию в пользу пролетарских слоев населения при приеме в высшие учебные заведения, но и систематические чистки существующего контингента обучающихся⁵¹⁶. Так, с 1922 г. стала проводиться регулярная «перерегистрация»⁵¹⁷.

Официально мероприятия по контролю учебного процесса декларировались как проверка академической успеваемости. Однако

⁵¹³ Абубикерова Э.Ф. Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг. (на примере вузов Саратова): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2013. С. 67.

⁵¹⁴ Там же. С. 56.

⁵¹⁵ Аврус, А. И. История Саратовского университета 1909–2009: в 2 т. Т. 1: 1909–1945. Саратов, 2009. С.54.

⁵¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 221. Л. 73.

⁵¹⁷ Постановление СНК СССР от 16.05.1924 «К проверке вузов» // Еженедельник народного комиссариата просвещения. 1924. №. 11. С. 4–5.

фактически они вылились в кампанию по систематическому отчислению учащихся, чье социальное происхождение не соответствовало классовым критериям. Нормативные документы прямо регламентировали дифференцированный подход, декларируя, что в случаях академического отставания студентов рабочего происхождения следует предоставлять дополнительные сроки для ликвидации задолженностей и оказывать всестороннюю поддержку. При этом к представителям буржуазных слоев и интеллигенции надлежит применять максимально строгие требования по успеваемости⁵¹⁸.

Итогом упомянутых политических «нововведений» оказался неутешительным: к началу весны 1923 г. вузы покинули 4 тысячи студентов, что составляло 11 % от общего числа обучающихся. Согласно данным Наркомпроса, в 1924 году количество исключенных «социально чуждых элементов» достигло уже 18 тысяч человек. Еще более масштабные чистки произошли в 1925 г., когда было отчислено 40 тысяч студентов. Заметим, для организации такой работы формировались специальные комиссии, в чьи функции входил сбор персональных данных учащихся и принятие решений об их исключении⁵¹⁹.

В 1924–1925 учебном году на четвертом курсе медицинского факультета Саратовского университета было зафиксировано 85 заявлений (из 380 студентов) о «непролетарском происхождении» и политической неблагонадежности обучающихся. Как отмечает исследователь Н.В. Стребкова, проводимые чистки привели к расколу студенческой среды: одна часть поддерживала политику изменения социального состава учащихся, другая воспринимала эти меры как проявление дискриминации⁵²⁰.

В прессе «чистки» встречали поддержку и одобрение, якобы общественного мнения. Так, один из рабфаковцев отмечал, что в вузах при

---

⁵¹⁸ Стребкова Н.В. Саратовское студенчество: повседневность в условиях становления и развития советского образования в провинции: 1917-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: Саратов. 2015. С. 53.

⁵¹⁹ ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 22.

⁵²⁰ Стребкова Н.В. Саратовское студенчество. С. 54.

проверке выявляется значительное количество товарищей, которые имеют «весьма смутное представление о нашей Гражданской войне, несмотря на то, что состоят в партии уже несколько лет»⁵²¹. Не устраивает общественное мнение и критерии отбора в высшие учебные заведения: «Среди хлынувшей в высшую школу молодежи, – отмечает студент, проникли в наши вузы в большом количестве элементы нам чуждые, с пролетариатом и крестьянством не связанные и имеющие совсем мало общего с нашей советской общественностью»⁵²².

Происхождение студента коррелировалось размером стоимости обучения. В годы нэпа декретом СНК «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата просвещения»⁵²³ губернским исполнительным комитетам было временно разрешено вводить плату за обучение в учебных заведениях (школы I и II ступени, техникумы, практические институты и вузы) в городах и поселениях городского типа.

Так, в 1924–1927 гг. для студентов из крестьян размер годовой платы составлял от 15 до 25 руб.; для выходцев из рабочих, имеющих доход от 50 до 75 руб. в месяц, плата за год составляла 25 руб.; если доход достигал свыше 300 руб., то годовая плата за обучение была 225 руб. Что же до лиц, живущих на нетрудовые доходы (предприниматели, нэпманы), оплата для их детей составляла от 225 до 400 руб.

Студенты из числа «новой буржуазии» оказались наименее защищенными. К ним чаще всего применились особо крайние меры – исключение из учебного заведения, невзирая на успеваемость. Принятые советской властью меры по «очищению» учебных заведений от лиц с непролетарским происхождением отразились на контингенте поступавших и обучавшихся. Например, парткомами саратовских вузов отмечалось, что за два года работы на основе нового положения («Положение о высших

⁵²¹ Ярославский Ем. К проверке коммунистического состава вузов // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 53.

⁵²² Ходоровский И. К проверке состава учащихся // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 112–113.

⁵²³ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 22.03.1923 «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного Комиссариата» // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 24. Ст. 279.

учебных заведениях» – А.С.), вузы перестали быть «обособленным и враждебным советской власти аппаратом»⁵²⁴.

Таким образом, за счет революционных мер, предпринятых в системе образования и в сфере государственного аппарата, властям удалось произвести «чистку» от враждебных элементов. Целью ее было решение весьма амбициозной экзистенциальной задачи – воспитать по четко обрисованным лекалам советских преобразователей «нового человека» из числа крестьян и рабочей массы.

В период нэпа к категории «социально чуждых элементов» относили уже не только представителей дореволюционной интеллигенции, но и новую буржуазию – так называемых нэпманов или совбуров. Согласно данным Всероссийской городской переписи 1923 г., в Саратовской губернии численность этого класса увеличилась на 2 774 чел. (13,6 %), с 20 425 в 1920 г. до 23 199 в 1923 г.⁵²⁵. Приведенный выше количественный рост наглядно демонстрировал, то обстоятельство, что городская экономика губернии постепенно адаптировалась к условиям новой экономической политики. Но вместе с тем, можно констатировать продолжающуюся крайнюю степень уязвимости социального статуса нэпманов. Они были лишены избирательного права, подвергались дискриминационному налогообложению, сталкивались с административными преследованиями⁵²⁶.

Следует особо подчеркнуть, что систематическая дискредитация частного предпринимательства в массовом сознании осуществлялась целенаправленно и методично через официальные каналы пропаганды. Властными структурами был разработан и последовательно реализован комплекс мер по формированию негативного стереотипа нэпмана. Среди прочих особое место занимала визуальная сатира (карикатуры): нелепая фигура малосимпатичного толстого человека во фраке и котелке

---

⁵²⁴ ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 3. Л. 69.

⁵²⁵ Население городов Саратовской губернии в 1923 г. Саратов, 1924. С. 6,28–29.

⁵²⁶ ГАНИСО. Ф. 27. Оп.2. Д. 312. Л. 16, Д. 324. Л. 16; Гуменюк А.А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии... С. 200.

сделалась неременным атрибутом многочисленных театрализованных шествий⁵²⁷.

Естественно, представление о нэпмане в народе было далеким от реальности. На самом деле эти предприниматели происходили преимущественно из крестьян или городских низов и никаких фраков с котелками не носили. По подсчетам А.Я. Лившина, частные торговцы первой категории на 31% состояла из крестьян⁵²⁸. Власть, однако, не могла отказаться от нэпманов, поскольку те обеспечивали рыночное снабжение населения, не занятого в государственном секторе.

Несмотря на зависимость от частного сектора, власти тем не менее целенаправленно ограничивали его, изымая доходы и сводя поддержку к минимуму. Нэпманы жили в условиях произвола: сегодня – льготы, завтра – тюрьма. И потому слова В.И. Ленина о том, что «нэп – это всерьез и надолго» воспринимались общественностью с известной долей скепсиса⁵²⁹.

Нэпманы осознавали свое положение в социалистическом обществе. Презируемые большевиками и пролетариатом, они старались придерживаться собственного курса. За счет развитой корпоративной культуры, им удавалось проводить своих кандидатов на выборы в местные советы. Однако сама власть их волновала в меньшей степени. С помощью своих кандидатов они добивались лоббирования собственных экономических интересов. Или, например, участия предпринимателей в совещательных органах при наркомате внутренней торговли⁵³⁰.

Все приведенные выше факты убедительно демонстрируют, что нэпманы всего за несколько лет, несмотря на крайне неблагоприятные для них условия, сумели достичь начальной стадии консолидации в полноценную корпоративную группу. Они проявляли уверенность в

---

⁵²⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. С. 274.

⁵²⁸ Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 284.

⁵²⁹ ГАНИСО. Ф. 27, Оп. 2. Д. 816. Л. 91.

⁵³⁰ Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система. М., 2000. С. 143.

завтрашнем дне и последовательно пытались выстроить конструктивный диалог с советской властью.

Особенно показательным в этом отношении письмо саратовского торговца Ш.М. Данькина, адресованное М.И. Калинину. Документ можно считать квинтэссенцией «нэповского» рыночного мышления. В тексте ярко проявились характерные черты нового предпринимательского сознания: апелляция к практической целесообразности, ссылки на мировой экономический опыт и стремление к рациональному обоснованию частной инициативы: «Советское правительство, как вся Европа, или сказать, весь мир совершенно правильно оценило полезность частной инициативы в государственном хозяйстве... без частного предпринимателя торгово-промышленное хозяйство не может быть развито, таким образом, хозяйственность страны не может быть установлена»⁵³¹. Ш.М. Данькин словно бы от лица всех нэпманов убеждает всесоюзного старосту в необходимости существования таких предпринимателей, как он, доказывая их полезность и приводя интересные метафорические сравнения с домашними животными. «Частный торгово-промышленник полезен в государственном хозяйстве, как полезна овца в хорошем хозяйстве, которым корму мало требуется..., а пользы много. Они, как пчелы летают по полям, лугам и лесам, собирают мёд, несут как будто бы свои улья, а фактически несут мед хозяину, который забирает, имеет эту пользу», – рассуждает автор. В своем письме Ш.М. Данькин выражает недовольство гражданским и политическим неравноправием частных предпринимателей, прося сделать так, «чтобы не было в советском государстве детей и пасынков, после чего будем работать все, как одна семья в пользу нашего государства, ибо это будет польза наша»⁵³².

Примечательно, что требования нэпманов отличались практичностью и умеренностью. Их ключевые запросы ограничивались двумя пунктами:

---

⁵³¹ РГАСПИ. Ф. 31. Оп. 7. Д. 172. Л. 69–69 об.

⁵³² Там же.

доступ к кредитованию и возможность беспрепятственно закупать товары у государственных предприятий. Однако даже эти экономически обоснованные предложения вступали в противоречие с официальным курсом: самостоятельность предпринимателей, их деловая культура и система ценностей не вписывались в существовавшую тогда государственную политическую систему⁵³³.

Данная позиция привела к полной социальной изоляции нэпманов. Они оказались чужды всем слоям общества: власти видели в них пережиток капитализма, рабочие и крестьяне – «новых эксплуататоров», интеллигенция – символ мещанства. Ответная реакция предпринимателей нашла отражение в архивных документах, где отмечается их прогрессирующая пассивность, а в отдельных случаях – открытое неприятие советской системы⁵³⁴.

Следуя партийной доктрине, советские власти сознательно создавали для нэпманов дискриминационные условия. В официальной риторике предпринимателей представляли как социально чуждый элемент: обвиняли в спекулятивных наклонностях, эксплуатации крестьянства и отсутствии заинтересованности в развитии региональной экономики⁵³⁵.

Такая политика находила конкретное воплощение в жилищной сфере. Будучи классифицированы как «нетрудовые элементы», нэпманы лишались права вступать в жилищные кооперативы. Им разрешалось проживать в муниципальных домах исключительно на правах арендаторов, «при этом ставки квартплаты для них устанавливались максимально высокими»⁵³⁶. Так, вопреки установившейся на рынке цене (например, за квартиру площадью 60 кв. м. нужно было заплатить 25 рублей в месяц), квартиросъемщик-предприниматель должен был платить за нее 200 рублей в

⁵³³ Орлов И.Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. Мифы и реальность // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 29–30.

⁵³⁴ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 15. Л.35, Д. 324. Л. 53 об, 60, Д. 816. Л. 91, 146.

⁵³⁵ Яковлев Я. Расслоение деревни. М, 1925. С. 11–12, Материалы по обследованию деревни (к XII съезду партии). М., 1923. С. 65.

⁵³⁶ Трифонов И.Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.). Ч. 2. Л., 1969. С. 79.

месяц⁵³⁷. Соответственно от этой стоимости начислялись и налоги, без того имевшие ярко выраженную классовую ориентацию.

Но и подобные меры казались властям недостаточными. Саратовский горсовет 19 ноября 1922 г. вынес постановление «о массовом выселении нетрудового элемента из муниципализированных домов и предоставления таковых семьям рабочим». Это решение вызвало мгновенную реакцию московского руководства. Согласно телеграмме за подписью секретаря ВЦИК А. С. Енукидзе президиум высшего советского органа государственной власти считает подобного рода меры нецелесообразными... и предлагает произвести... общее уплотнение, как домов, так и учреждений, не прибегая к массовому выселению⁵³⁸.

С середины 1920-х гг. политика в отношении нэпманов еще более ужесточилась: на законодательном уровне было введено выселение «нетрудовых элементов» из муниципального жилого фонда. Этот процесс проходил под официальным лозунгом: «Ни одного метра жилплощади в муниципальных домах — нетрудовому элементу!».

Показателен пример Саратова, где местные власти в рамках реализации целей упомянутой кампании отчитались об освобождении 109 квартир (это – 20 % от общего числа), ранее занимаемых частными предпринимателями. Однако даже такие меры не удовлетворили рабочих. На сессии городского совета они заявили, что «сделано слишком мало», и потребовали полного выселения всех нэпманов. По мнению рабочих, тем самым будет сделано два хороших дела: «освободятся сотни квартир и избавимся от этой, антисоветской компании»⁵³⁹.

Таким образом, властям удалось реализовать классическую схему отвлечения общественного недовольства: подлинные социально-экономические проблемы были искусно замещены надуманной борьбой с

---

⁵³⁷ Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010. С. 149.

⁵³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33, Д. 120. Л. 25.

⁵³⁹ Поволжская правда, 1928, 30 декабря.

«классово-чуждыми элементами». В итоге, широкие слои населения, включившись в травлю торгово-промышленных кругов, действительно перестали фиксировать внимание на просчетах партийного руководства и системных недостатках экономической политики.

Ко второй половине 1920-х гг. произошла заметная трансформация позиции рабочего класса. Если в начале нэпа пролетариат демонстрировал явное недовольство, то теперь он фактически превратился в опору проводимых властью преобразований. Материальное положение рабочих существенно улучшилось по сравнению с первыми годами новой экономической политики: повысился уровень жизни, появились реальные социальные перспективы, включая возможность через рабфаки получить профессию и занять положение квалифицированных специалистов на производстве.

Все эти изменения привели к тому, что настроения рабочего класса стали полностью соответствовать интересам и ожиданиям советской власти. Как считает С.П. Погадаев, одной из причин, приведшей к снижению градуса недовольства рабочих стало оказанное давление партийных органов и администрации предприятий на пролетариат. С ссылкой на архивные документы, он приводит мнение безымянных рабочих: «Нам нельзя быть особенно активными; если хочешь кусок хлеба, то поменьше говори», «...тех, кто много говорит и спорит с завкомом – сокращают в первую очередь»⁵⁴⁰.

Не исключая правомочность выводов, сделанных исследователем на основе двух мнений, стоит опровергнуть тезис о том, что рабочие вследствие административного давления перестали проявлять свое возмущение установившимся порядком. Поток писем, в том числе с жалобами на руководителей предприятий, направляемый в органы государственной власти и редакции газет, нисколько не остановился. Напротив, если говорить о

---

⁵⁴⁰ Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: Саратов, 2010. С. 149.

Саратовской губернии, то количество исходящей корреспонденции в крупнейшие всесоюзные периодические издания, такие как «Рабочая газета» и «Батрак», увеличился.

Пролетариат выражал свое недовольство по широкому спектру тем: от экономических требований до социальной справедливости. Так же остро, как и всегда, стоял вопрос своевременной выдачи заработной платы. О том, что данный вопрос был чрезвычайно актуален (и архивы подтверждают это!), свидетельствует созданный в редакции «Рабочая газета» отдельный корпус заметок и писем по вопросам выплаты заработной платы служащим и пролетариям.

В одном из писем, авторство которого принадлежит Виктору Матвеевичу Сладкову, рабочему балашовской типографии «Красная печать», сообщается о длительной задержке зарплаты. «Вот уже 5 месяцев тянется волынка с выдачей зарплаты», – пишет недовольный сотрудник. – «Зарплату выдают не в срок и не всерьез и не сразу, а урывками (авансом) в несколько сроков»⁵⁴¹. По словам Сладкова, среди рабочих зреет недовольство, в результате чего происходит частичная остановка производства. В связи с этим в типографию даже приезжала «какая-то комиссия», которая должна была выяснить задолженность. Однако рабочему не было известно, «выяснила чего или нет [комиссия], результатов не видели».

На письмо рабочего типографии отреагировала редакция, поместив ответ дирекции предприятия в очередном номере «Рабочей газеты». Руководство, ссылаясь на режим экономии, практикуемый во всех учреждениях СССР того периода, подтверждает факт задержки в выдаче зарплаты рабочим и служащим и ни в коем случае не относит это обстоятельство за счет «произвола волокиты и проч.»⁵⁴².

Недовольства рабочих заработной платы подтверждаются и в информационных материалах губернской партийной организации. Согласно

---

⁵⁴¹ РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 116. Л.12.

⁵⁴² Там же. Л. 15.

информационному письму за подписью секретаря губкома П.А. Галанина, направленному по секретному каналу в ЦК, неудовлетворенность вызывают уменьшение заработка, а также отношение администрации, которую рабочие обвиняют в грубости и «отрыве от рабочих масс»⁵⁴³.

Сохранившаяся к настоящему времени значительная доля корреспонденция состоит из писем так называемых рабсельскоров (рабочих и сельских корреспондентов – А.С.). 1 декабря 1924 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «О формах связи газет с рабочими и крестьянскими читателями». Высшая партийная и советская инстанция выражает свою озабоченность проблемами активного участия читателей в оживлении газеты и улучшении ее содержания и рассматривает рабкоров и селькоров связующим звеном с читателями – широкими массами рабочих и крестьян⁵⁴⁴.

Рабселькоры не являлись профессиональными журналистами. Значительную часть корреспондентов, особенно сельских (более 40%), составляла молодежь, в том числе пионеры, комсомольцы и молодые члены ВКП(б). Некоторые – в возрасте до 15 лет⁵⁴⁵. Именно поэтому, помимо стилевых погрешностей, в письмах содержались орфографические и пунктуационные ошибки.

Некомпетентность корреспондентов и простота языка изложения материала тем не менее привлекала читателей, большинство которых были малограмотными. Это ясно понимали в редакциях крупнейших всесоюзных газет. Известно, что, например, согласно инструкции о порядке сбора подписки на «Батрак», распространители должны были проговаривать тезис о том, что газета пишет со слов самих рабочих: «по письмам рабкоров – о жизни батраков, батрачек, совхозовских рабочих и работниц, пастухов,

---

⁵⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 38. Д. 376. Л. 146.

⁵⁴⁴ Хуако З.Ю. Жаде З.А. Рабселькоровское движение советского периода в российской журналистике как социоисторический и социокультурный феномен // Вестник АГУ. Вып. 2 (259). 2020. С. 75.

⁵⁴⁵ Шитова А.А. Рабселькоровское движение, стенные и «Живые» газеты 1920-х годов: организация и мотивация деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (85). С. 206.

лесорубов, лесников, сплавщиков, наемных рабочих в мелких деревенских предприятиях...»⁵⁴⁶.

Корреспонденты затрагивали волнующие трудовое население вопросы. Так, тематическая подборка «Рабочей газеты» включала заметки и письма, относившиеся к рабочей кооперации, о мероприятиях власти по ликвидации неграмотности, о строительстве и открытии рабочих факультетов и университетов, а также по вопросам оппозиции в партии, ленинского призыва в партию и т. д.

Большое количество писем содержится в подборках, посвященных рационализации и охране труда. 6 апреля 1926 г. корреспондент с псевдонимом Талик-Бей направил в редакцию газеты репортаж о погибших рабочих. Провокационный заголовок – «Погибло трое рабочих – к ответу виновных?» – совпадает с общим пафосом всего содержания текста. В своей заметке рабкор сообщает о том, что во время разбора бывшего гостиного двора кирпичная стена упала на двух мужчин и одну женщину. Талик-Бей подчеркивает, что этот несчетный случай «глубоко взволновал рабочих». Во время разбирательств отыскать виновных не удалось⁵⁴⁷.

Для придания остроты проблеме, связанной с исполнением инструкций по охране труда, спустя несколько месяцев корреспондент А. Диментман в коротком сообщении в редакцию приводит статистические данные. По его подсчетам, в Саратовской губернии было зарегистрировано 1292 несчастных случая, из которых 23 оказались смертельными. «В сравнении с предыдущим периодом», — сообщает рабкор, — «количество происшествий увеличилось на 50%»⁵⁴⁸.

Необходимо заметить, что с течением времени количество острых и злободневных писем уменьшилось. Корреспонденты все чаще рапортовали о «положительно принимаемой рабочими экономии на производстве»⁵⁴⁹, о

⁵⁴⁶ ГАРФ. Ф. 6836. Оп. 1. Д. 22. Л. 23.

⁵⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 116. Л. 4.

⁵⁴⁸ Там же. Л. 7.

⁵⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 114. Л. 6.

запуске новых предприятий, восторженно встречаемом людьми («...ну теперь поднажмем поработаем, а что ишь ты и двор-то весь травой порос»!).⁵⁵⁰

Следует подчеркнуть, что, несмотря на снижение градуса недовольства, о котором сообщали корреспонденты, поток жалоб от простых людей не прекратился. Весьма показательным является письмо, написанное жителем с. Аркадак Балашовского уезда Б.В. Гавриным в «Рабочую газету». Письмо, датируемое 18 января 1928 г., имеет интригующий заголовок – «Детя с отцом режимят». Автор, как видим, – человек малограмотный.

Примечательно, что содержание обращения изобилует несвязными формулировками и незаконченными предложениями. И все же основную мысль письма понять можно: Е.В. Гаврин сообщает о сговоре руководителя винокуренным заводом со специалистом.

В частности, рабочий обличает директора Яковлева как пособника инструктора Кальнина: «...жалования, пишет Е.В. Гаврин, [инструктор] получает на правах месячника да мастера дергают платя ему 120 рублей, когда всю работу выполнял один месячник». Под словом «дёргают», скорее всего, имеется в виду удержание заработной платы или поборы. Обвинение находит подтверждение, когда Е.В. Гаврин сообщает редакции о том, что в связи с режимом экономии директор предприятия «чуть ли не два года урывал разряды у рабочих. Заместо 4 разряда платит 3 разряд».

Реакцией на письмо стало обращение Бюро расследований «Рабочей газеты» в краевой партком. Бюро просило сообщить, устранены ли те недочеты, которые были указаны в письме. И, если признать действительным положение вещей, о которых повествует в письме Е.В. Гаврин, то налицо – злоупотребление директором Яковлевым своими должностными полномочиями. Следует отметить, подобный случай был, к сожалению, далеко не единичным в то время.

---

⁵⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 106. Л. 11.

Оппозиционные настроения среди рабочих в 1928 г. нашли отражение в нелегальных листовках, где резко критиковалась сложившаяся система. В одной из таких прокламаций утверждалось: «Пролетариат, формально считающийся господствующим классом, на деле превратился в наемных работников, вынужденных продавать свою рабочую силу новой правящей прослойке – «социал-бюрократам». По мнению авторов, эксплуатация трудящихся только усилилась, а партийно-советская номенклатура образовала особый привилегированный класс, прикрывающий свою власть лозунгами о «диктатуре пролетариата»⁵⁵¹.

Несмотря на предпринимавшиеся в 1920-е гг. попытки борьбы с бюрократией, численность управленческого аппарата за этот период выросла более чем втрое⁵⁵². Этот рост сопровождался увеличением должностных злоупотреблений, включая растраты, взяточничество и случаи служебной недисциплинированности. Как свидетельствуют материалы прокурорских проверок, в большинстве случаев расхищенные государственные средства направлялись на организацию застолий, азартные игры и т. п.

Особенно острой проблема была на низовом уровне управления. Причем подобная ситуация складывалась практически с самого начала существования нэпа⁵⁵³. Информационные материалы и письма губкома, направляемые в ЦК, указывали на «антиморальные проявления советского служащего».

Согласно материалам проверки Саратовской губпарторганизации, проведенной Информационным отделом ЦК, среди «болезненных явлений в городских и деревенских организациях является пьянство, захватившее не только рядовых членов партии, но и руководителей – секретарей ячеек. «В некоторых организациях», – сообщает инструктор, – «пьянство принимает

---

⁵⁵¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. С. 202.

⁵⁵² Погадаев С.П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭП. С. 150.

⁵⁵³ Там же.

безобразные формы в виде выступлений пьяных партийцев перед массой, драки между собой и дебоширства»⁵⁵⁴.

Аналогичные жалобы поступали от партийных руководителей из Автономной области немцев Поволжья. Ответственный секретарь Г.Г. Кёниг в «закрытом письме» отмечает, что руководство Покровского партийного комитета, недавно вошедшего в состав области, «склочно и не имеет никакой дисциплины по причине развитого пьянства»⁵⁵⁵.

Период нэпа также характеризовался стремительным ростом коррупции, масштабы которой напрямую коррелировали с расширением рыночных отношений. Этот феномен приобрел системный характер, пронизывая все уровни государственного аппарата. Как сообщают составители сборника «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.», коррупция шла бок о бок с пьянством и развратом⁵⁵⁶. О распространенности этих явлений среди коммунистов свидетельствуют и материалы партийных проверок⁵⁵⁷.

Коррупция превратилась в повсеместную практику, настолько укоренившуюся в деловой среде, что в обиходе прочно закрепилось понятие «смазка». Согласно точному выражению В.В. Никулина, чиновники всех «мастей» активно прильнули к этому «источнику», пополняя свой бюджет.

О неудовлетворительной работе местных бюрократов свидетельствовали не только результаты проверок центральными органами, но и обращения «снизу». Вот что говорилось в одном из анонимных писем из Саратовской губернии в «Крестьянскую газету» от 30 августа 1928 г.: «...набрали в партию всякой своры. Я наблюдаю все время и все хуже. В 1917 году лучше были люди, были и плохие некоторые, но мало, а сейчас все хуже: все карьеристы и пьяницы, лишь бы ему лучше было... Белогвардейцы в карательных отрядах мучили бедноту, убивали, а теперь

---

⁵⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 152. Л. 60.

⁵⁵⁵ Там же. Оп. 33. Д. 103. Л. 29.

⁵⁵⁶ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. С. 215.

⁵⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 38. Д. 376. Л. 70, Оп. 67. Д. 152. Л. 89.

пролезли в партию – тоже братья. Партиец напьется и буйнит. Я знаю не одного, которые надругаются над бедными женщинами, где квартируют. И много кой-чего в народе недоразумения всякие нашоптывания такие. Партийцы знают и мучат людей, чтобы самим жилось хорошо и толстеть...»⁵⁵⁸.

Перечисленные факты, характеризующие как превышение должностных полномочий, так и проявление аморального образа жизни, явились основной причиной возникновения среди рабочих губернии недовольства бюрократическим засильем на предприятиях.

Кроме того, стали усиливаться эгалитарно-социалистические настроения и раздражение не только администрацией, но и самим нэпом. Характерно, что во второй половине 1920-х гг. в общественном сознании все чаще звучала формула: «Где нэп – там нет правды». Это устойчивое выражение, связывавшее рыночные отношения, извлечение прибыли и коммерческую деятельность с обманом и несправедливостью, ярко демонстрирует глубину культурного неприятия значительной частью населения экономической либерализации. Во второй половине 1920-х гг. на словах еще сохранялась верность нэповским принципам, но на деле проводилась политика, ведущая к их свертыванию⁵⁵⁹.

Инициированный И.В. Сталиным в конце 1920-х гг. «Великий перелом» ознаменовал полный отказ от нэповской модели. Главным приоритетом стало укрепление оборонного потенциала страны, что требовало ускоренного развития тяжелой промышленности. Источником финансирования индустриализации стали ресурсы, изъятые из сельского хозяйства через систему принудительных заготовок. Рост промышленного производства и стабилизация продовольственного снабжения позволили партийному руководству восстановить доверие рабочего класса, подорванное в первые годы нэпа. Это создало условия для возврата к ортодоксальным

⁵⁵⁸ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. С. 216 – 217.

⁵⁵⁹ Скрыпников А.В. Нэп: несостоявшаяся альтернатива // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (история). 2006. Вып. 1. С. 50.

большевистским принципам и провозглашения курса на защиту интересов пролетариата как основы политики партии.

*****

В условиях сворачивания нэпа ухудшения здоровья и физического состояния В.И. Ленина началась и ожесточенная внутрипартийная борьба в ВКП(б). Свой вклад в события и исход борьбы внесли местные партийные организации, в том числе саратовская, которая активно поддержала политику И.В. Сталина и выступила против его оппонентов.

После XIV съезда ВКП(б) – «съезда индустриализации», идеи «новой», или «ленинградской», оппозиции не нашли поддержки у местных партийных функционеров. Выступление против ЦК, против большинства съезда – главный «грех» оппозиции, поскольку быть против большинства съезда нельзя. Такова была аргументация саратовских партийных лидеров в споре с «новой оппозицией»⁵⁶⁰. За редким исключением, саратовские большевики были полностью на стороне власти. Тот факт, что на XIV съезде ответственный секретарь губкома М.М. Харитонов примкнул к платформе «новой оппозиции», не изменил ситуацию. Другие саратовские делегаты за ним не последовали⁵⁶¹.

Избранный принцип выдерживался руководством организации и в период наиболее острого всплеска внутрипартийной борьбы в 1926–1927 гг. На этот раз сохранить спокойствие и почти абсолютное единодушие не удалось. Прибывшие летом 1926 г. в Саратов представители ленинградской организации из числа оппозиционеров в своих выступлениях в местных ячейках развернули резкую критику ЦК. Приезжим удалось собрать вокруг себя еще несколько единомышленников: число оппозиционеров возросло до 10–15 человек⁵⁶². Расширившийся состав и активность оппозиции заставили партийную организацию выступить с критикой оппозиции, утверждавшей

---

⁵⁶⁰ Коммунистический путь. 1926. № 39–40. С. 16, № 54. С. 4–6.

⁵⁶¹ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 851. Л. 9.

⁵⁶² Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С. 266.

отсутствие в партии демократии. Убедить в том, что она все-таки существует, должны были итоги обсуждения в саратовской организации решений только что прошедшего (1926 г.) июльского пленума ЦК.

Приводя данные о количестве выступавших и числе поданных записок, руководство организации доказывало несостоятельность оценок оппозиции и требовало от нее прекратить борьбу, поскольку в ее поддержку высказалось «лишь 27 человек»⁵⁶³. Демонстрация единства и осуждение тем не менее не остановили оппозиционеров. Они стали более активно вербовать сторонников, но теперь уже – в уездах. При этом распространялась литература, была установлена связь с лидерами оппозиции в Москве.

В период наиболее широкой работы – с августа по ноябрь 1927 г. – главной опорой оппозиции стал 2-й район Саратова, где была сосредоточена значительная часть советских учреждений, учебных заведений. Там число сторонников оппозиции составляло 20–25 человек⁵⁶⁴.

На пленуме губкома, состоявшегося с 28 по 31 октября 1927 г., было доложено о достигнутых оппозицией результатах. В частности, широкое влияние их агитация имела на беспартийные массы рабочих и крестьян. В среде немногих, выступивших в защиту оппозиции, открыто звучали упреки в адрес ЦК за избранные им методы борьбы с меньшинством. Недопустимым признавалось игнорирование замечаний и критики со стороны оппозиции, «поливание грязью таких ценных для партии людей, как Троцкий и Зиновьев». Некоторые осмеливались задавать достаточно острые вопросы (о причинах возникновения оппозиции, о том, есть ли смысл хранить в секрете от членов партии платформу меньшинства) и высказывать мнение о предоставлении оппозиции возможности опубликовать свои материалы в «Правде».

Но все же большинство участников пленума было настроено непримиримо, не позволив оппозиционерам высказаться и проголосовав за

---

⁵⁶³ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 502. Л. 90. Коммунистический путь. 1926. № 39–40. С. 17–19, 1927. № 1. С. 6,9–10.

⁵⁶⁴ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 851. Л. 9, 9 об., 19.

признание несовместимым с пребыванием в партии деятельность группы и любой оппозиции вообще.⁵⁶⁵

49 человек из 842 выступавших – почти полный список несогласных был зафиксирован информаторами и представлен в губком. В поддержку оппозиции проголосовало еще меньше – 17 человек (1,32 % участвовавших в собраниях). В числе отличавшихся инакомыслием были ячейки коммунистического университета, губернского земельного управления, некоторые другие. Всего в 25 ячейках из 125 (где прошли собрания) состоялись выступления в поддержку оппозиции⁵⁶⁶.

Окончательные итоги борьбы с оппозицией подвела XIX губернская партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1927 г. и констатировавшая полное поражение несогласных с политикой действовавшей партии⁵⁶⁷. Оставалось только добиться признания этого со стороны самих оппозиционеров. После некоторых колебаний было оглашено решение: прекратить фракционную работу, но продолжать отстаивать свои взгляды.

В результате проведенной губернской контрольной комиссией работы оппозиционеров удалось расколоть. Часть из них отказалась от своих взглядов, в том числе и лидеры. Лишь пять человек сохранили приверженность своим взглядам... Всего же за оппозиционную деятельность из рядов ВКП(б) было исключено 11 человек, остальным вынесены различные партийные взыскания⁵⁶⁸.

Никаких неожиданностей со стороны саратовской делегации не было на XV съезде ВКП(б). Откровенно рассказывали делегаты о выступлении на съезде лидеров оппозиции, говоря о «позорной капитуляции», о напрасных попытках заставить себя выслушать⁵⁶⁹. После съезда, уже в течение 1926 г., не раз в саратовской партийной организации возвращались к событиям внутрипартийной борьбы, следили за бывшими оппозиционерами. Местные

---

⁵⁶⁵ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 452. Л. 5,43–45.

⁵⁶⁶ Там же. Д. 498. Л. 43–46, 21–23, 31–32,34–35,135.

⁵⁶⁷ Там же. Д. 498. Л. 68.

⁵⁶⁸ Там же. Д. 498. Л. 137–141, Д. 851. Л. 10–11.

⁵⁶⁹ Там же. Д. 453. Л. 98.

партийные руководители, стремясь убедить всех в своей правоте, говорили о поддержке мер в отношении оппозиции как со стороны рабочих, так и крестьянства и интеллигенции⁵⁷⁰.

Однако подобные утверждения не соответствовали действительности. Некоторые крестьяне интерпретировали события по-своему, видя в Л.Д. Троцком своего защитника, за что его и подвергли гонениям. Среди местной интеллигенции и служащих были те, кто отреагировал на действия партийного руководства в отношении оппозиции критически. По их мнению, оппозиция, представленная «лучшими людьми» в партии, не могла быть врагом коммунизма. А вот Сталин и Бухарин, по их оценкам, – «тупицы и демагоги», которые с помощью внутривнутрипартийного террора вели к гибели СССР. Интересно, что представители этих слоев населения предрекали неизбежный «нажим» на нэп.⁵⁷¹

Свертывание нэпа последовало одновременно с ликвидацией левого уклона в ВКП(б) в 1928–1929 гг. Итоги внутривнутрипартийной борьбы, свой вклад в которую внесла саратовская партийная организация, имели далеко идущие последствия. Легитимация власти основывалась на результатах проводимых реформ, на благоприятных внешних обстоятельствах и на мощной пропаганде, которая использовалась государством как инструмент для укрепления своей законности. Основной задачей оставалось убедить население в том, что все происходящие преобразования, несмотря на их первоначальную негативную окраску, в конечном итоге ведут страну и ее жителей к благополучному будущему.

---

⁵⁷⁰ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 891. Л. 81–83.

⁵⁷¹ Там же. Д. 893. Л. 61–62, 66–68.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена парадигмы в понимании исторических процессов, произошедшая на стыке эпох, позволила современному исследователю анализировать переломные исторические эпохи с точки зрения общественного сознания. Важнейшими его компонентами, которые рассматриваются в данном исследовании, выступают общественное мнение и общественные настроения.

Исследование и применение этих категорий в отечественной социогуманитарной науке началось еще в середине XX в. Понятия, проанализированные социологами и философами, уже в начале 1990-х гг. прочно обосновались и в работах историков. Необходимо отметить, что исследование феноменов общественного мнения и общественных настроений стало особенно актуальным для анализа «переходных» периодов, поскольку позволяет составить более четкое представление о причинах и следствиях исторических явлений, и особенно их трансформаций.

Общественное сознание переходного общества – уникальный объект изучения, поскольку является отражением противоречивой и многослойной социальной практики. Наиболее сложный комплекс общественного сознания был присущ обществу раннего советского государства 1917–1929 гг.

В 1917 г. российское общество встретило революционные перемены с глубоким осознанием исчерпанности прежнего политического порядка. Дореволюционная система воспринималась как утратившая и моральную легитимность, и способность решать насущные проблемы развития страны. В таких условиях доминирующим стало стремление к радикальному разрыву с прошлым: к отказу от старой государственности, традиционных ценностей и сложившейся социальной иерархии. Именно подобные настроения во многом обусловили первоначально позитивное восприятие большевиков и Октябрьской революции в широких слоях населения. Тем не менее, в период

бурных перемен настроения были изменчивы, а отношение к новой власти колебалось в довольно широких пределах.

Прослеживая эволюцию и динамику общественного мнения в рассматриваемый период, диссертантом выделено пять ключевых этапов:

- 1) этап революционных преобразований;
- 2) период чрезвычайщины, вызванный Гражданской войной;
- 3) продовольственный кризис (голод 1921–1923 гг.);
- 4) период новой экономической политики (1921–1927 гг.);
- 5) исчерпание НЭПа, переход к форсированной индустриализации (1928–1929 гг.).

Если революционный период, ознаменованный утверждением демократических декретов о мире и о земле, способствовал росту симпатий крестьян и фронтовиков, то с принятием чрезвычайных мер поддержка сменилась отторжением. Экспроприаторская политика, инициированная центральной властью, способствовала росту протестных настроений. В основном это ощущалось в аграрных регионах России, охваченных Гражданской войной.

В Саратовской губернии, являвшейся одной из ключевых арен боевых действий в Поволжье, наибольшее недовольство вызвали продразверстка, мобилизация, недостаточное продовольственное обеспечение населения городов.

В связи с изменением военно-политической обстановки в марте 1921 г., советское правительство приняло решение свернуть политику военного коммунизма и перейти к интенсивному способу восстановления хозяйства – нэпу. Однако демографическая ситуация, хозяйственная разруха в сельской местности и в городе не позволила достичь значительных результатов в ходе объявленного курса.

Продолжавшаяся экспроприация продуктов сельского хозяйства и неурожай способствовали развитию продовольственного кризиса в Саратовской губернии. Голод 1921–1923 гг. стал пиком антибольшевистских

настроений за исследуемый период. На фоне помощи международных организаций усилия советских и партийных органов оказались недостаточными. Это нашло отражение в общественных настроениях населения региона, в основном крестьян, выражавших откровенные симпатии иностранцам.

Гражданская война и массовый голод оказали долгосрочное воздействие на восприятие советской власти широкими слоями населения, сохранявшееся даже в период относительной стабилизации и экономического восстановления в годы нэпа. В общественном сознании доминировала потребность в устойчивом социальном порядке, основанном на рациональных и традиционных принципах организации жизни: сельскому инициативному населению не препятствовать обогащаться, а городскому – получать доступ к благам рынка. Однако эгалитаристам-большевикам, проводившим экономический курс с командно-административных высот, было важно и жизненно необходимо придерживаться политики диктатуры пролетариата. Ими активно поощрялась классовая борьба. Так, в результате введения земельного кодекса 1922 г. значительную площадь пахотной земли получали бедняки и середники, в которых большевики видели оплот своих политических и социально-экономических преобразований. Но из-за отсутствия сельскохозяйственного инвентаря бедняцко-средняцкие слои были вынуждены обращаться к кулачеству, располагавшему достаточным количеством орудий труда, и в результате, оказывались экономически зависимыми.

В качестве меры сдерживания власти используют ущемление кулаков в политических правах, лишая их возможности не только быть выбираемыми, но и участвовать в электоральных процедурах. Вопреки этому зажиточные крестьяне продолжали диктовать собственную политическую волю, ратуя за так называемые «Крестьянские союзы» – обособленные от власти большевиков организации. Во избежание формирования зародыша самостоятельной крестьянской, политической организации власть ищет

возможность солидаризации бедняцко-средняцкой прослойки крестьянства с пролетариатом. В связи с этим был взят курс «Лицом к деревне», который включал комплекс мер по «оживлению советов» и укреплению позиций деревенских ячеек партии. Проводя экономические и идеологические меры поддержки, советскому правительству удалось стимулировать рыночные отношения, восстановить (пусть и ненадолго) доверие к советской власти после массовых крестьянских восстаний.

Следует подчеркнуть, что масштабная реализация мероприятий в рамках кампании позволила уже в конце 1924 г. предотвратить эскалацию политической напряженности в крестьянской среде, трансформировав социальное недовольство в более управляемые формы. Интенсивные информационные мероприятия, включавшие поток публикаций в периодической печати и выступления представителей партийно-государственного аппарата, способствовали временной нормализации общественных настроений, посредством внушения широким слоям сельского населения определенных ожиданий улучшения условий жизни.

Глубинные причины крестьянского недовольства были обусловлены системными экономическими проблемами, руководство страны оказалось перед необходимостью принятия существенных мер по смягчению аграрной политики: изменение условий ведения хозяйства и дальнейшей активизации товарно-денежных отношений как стимуляторов экономического развития сельских территорий. Однако эта уступка носила непродолжительный характер. Все более остро ощущался дисбаланс между промышленностью и сельским хозяйством. Требовалось достаточное количество средств для проведения форсированной индустриализации.

Повышение налогов для зажиточных крестьян, ограничение развития деревни как по численности, так и по качеству, протекционистская политика в отношении коллективных форм хозяйства и поддержка бедняков, как социальной базы стали причинами смены курса.

Прелюдией к свертыванию нэпа в деревне стал хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг., на который остро отреагировали все слои крестьянства. Реакцией на безмерную выкачку продовольствия, напомиравшую продрозверстку периода военного коммунизма, стал небывалый для исследуемого периода рост общественно-политической активности крестьян. Она выражалась как в актах активного противодействия мерам властей, так и наличием форм пассивного сопротивления.

Первая форма – обращение с «письмами во власть»;

вторая – распространение листовок критической направленности;

третья – прокламации ярко выраженного антиправительственного содержания, зачастую призывавшие к открытому сопротивлению властям.

Анализ агитационных материалов рассматриваемого периода показывает, что выражаемые в них идеи отражали настроения широких крестьянских масс, а не являлись результатом деятельности отдельных зажиточных слоев деревни (как это интерпретировалось центральными и местными органами власти). Напротив, в настроениях и мнениях крестьянства наблюдается классовая солидаризация, направленная против государства и его социальной опоры – пролетариата, который, по общепризнанному мнению, являлся инициатором выкачки продовольствия.

Диаметрально противоположного мнения в указанный период придерживались рабочие, считавшие крестьян виновниками в росте цен на продовольственные товары. Со второй половине 1920-х гг. заметно нарастало ментальное и культурное отторжение нэпа и всего, что было связано с рынком и экономической свободой. Особое раздражение стали вызывать «нэпманы», являвшимися преимущественно выходцами их сельской местности. Рабочие и прочие слои населения – служащие, интеллигенция считали их преградой на пути к социальной справедливости. Прибыль предпринимателей того времени часто воспринималась как результат спекуляции и мошенничества. Недовольство экономическим расслоением

привело к тому, что нэп, рынок и частное предпринимательство, составляли негативный ассоциативный ряд с бедностью, неравенством и безработицей.

Еще одним объектом для критики стала бюрократия. Несмотря на все антибюрократические меры на протяжении 1920-х гг., число служащих в учреждениях постоянно увеличилось. Параллельно шел рост злоупотреблений, распущенности и пьянства. Более того, отмечался безудержный рост взяточничества, которое росло пропорционально развитию рыночных отношений.

Источниками, свидетельствующие о неудовлетворительной работе местных бюрократов, являлись не только отчеты проверок высших инстанций, но и обращения «снизу», поступавшие – в редакции всесоюзных газет («Рабочая газета», «Батрак», «Правда»), а также напрямую – в центральные органы власти и вождям.

В то время усиленно раздавались голоса против произвола администрации, бездеятельности профсоюзов, против соцсоревнования и рационализации, которые приводили к потере рабочих мест и усиливали безработицу. Вплоть до сворачивания нэпа в редакции периодических изданий продолжали поступать жалобы о задержке заработной платы, нарушении условий работы и требований по охране труда.

Сворачивание нэпа совпало с борьбой за власть и укреплением позиции И.В. Сталина – сторонника форсированной индустриализации. Начатый, по его выражению, в конце 1920-х гг. «Великий перелом» на всех фронтах социалистического строительства, привел к сворачиванию нэпа. На первый план выходят вопросы укрепления обороноспособности страны. Решить эту проблему было невозможно без всемерного развития тяжелой промышленности путем перекачки в нее средств, накапливаемых в сельском хозяйстве, легкой промышленности и других отраслях народного хозяйства.

Таким образом, сворачивание нэпа породило диаметрально противоположные реакции. Если для пролетариата это открывало новые перспективы, то крестьянство столкнулось с глубоким разочарованием в

проводимой политике. Кризис доверия крестьян проявился в ожиданиях реального снижения налогового бремени, отказа от принудительных методов управления, а также в официальном признании крестьянства как ключевой социальной единицы в государстве. Однако вместо желаемых преобразований произошел возврат к ортодоксальным большевистским доктринам – административный контроль над деревней и приоритет интересов промышленного пролетариата.

Несмотря на вызовы времени и негативные реакции масс, советская власть стремилась воздействовать на общественное мнение граждан. Это было условием для их легитимации. Руководство страны ставило перед собой задачи, которые были призваны отражать единство общества и партии. Идеологическое воздействие шло с помощью агитации, которая, с одной стороны, служила способом снизить градус общественно-политического недовольства, с другой стороны, демонстрировала достижения власти. Главным же средством распространения политической программы большевиков стала периодическая печать. Большевики активно стремились к тому, чтобы каждый гражданин, читая газету, утверждался в правоте и незыблемости коммунистических идеалов. Большое значение уделялось при этом публикуемым в них письмам читателей, которые в основном отражали правильность курса советской власти. Подобные публикации становились своеобразной иллюстрацией политических и экономических успехов деятельности последней, ее поддержки со стороны населения. Письма, в которых содержалась резкая критика, как правило, не печатались. Они становились объектом особого внимания органов политического контроля.

Неопубликованные письма рабочих, крестьян, военных, служащих, студентов, интеллигенции, отправляемые в редакции газет, являлись материалом, характеризующим подлинные настроения масс. Сотрудники информаппаратов классифицировали их по наиболее волнующим населения темам. Такое внимание к письмам объяснялось желанием получить более

реальную информацию о настроениях на местах. Сбор и анализ такой информации, а также об отношении различных слоев общества к действиям властей, о недовольствах среди населения и их причинах аккумулировали информационные аппараты ЦК, которые помимо подборок писем читателей, получали особо секретную информацию с мест.

Политический контроль выступал своеобразным каналом связи между государством и обществом, позволяя власти корректировать свой курс в соответствии с индикацией общественного мнения. В то же время система была призвана способствовать сокрытию значительной, все увеличивающейся массы фактов о реальном социально-экономическом положении страны, подменяя их дезинформацией с целью формирования у населения нужных режиму представлений. Однако, как считает А.Я. Лившин, действовавшая власть далеко не полностью контролировала общественные настроения. Это был период, когда она только осваивала эффективные способы управления умонастроениями.⁵⁷²

На основе метода контент-анализа диссертант составил диаграммы, к которых рассмотрены основные события-стимулы, вызывавшие активную реакцию различных социальных групп, которая колебалась в диапазоне «негативных-нейтральных-положительных» (Приложение № 10 – 24). В них отражены мнения различных социальных групп саратовского населения на протяжении 1917–1929 гг., встречающаяся в источниках (материалах политического контроля, писем во власть). Разумеется, настроения в любой социальной среде имели сложную, многокомпонентную структуру. В исследовании мы говорим о наиболее типичных и распространенных мнениях. Большая часть из принятых во внимание в работе точек зрения формировалась достаточно стихийно, на основе ментального архетипа народа. Иные – в виде реакции на развитие социально-политической и экономической ситуации. Своеобразными катализаторами выступали события-стимулы. Для революционного времени 1917–1918 гг.

---

⁵⁷² Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. С. 308.

характерными событиями являлись захват власти большевиками, их социальная, аграрная и продовольственная политика. Для периода Гражданской войны (1918–1921 гг.) – компоненты политики «военного коммунизма» (продразверстка, мобилизация, борьба с контрреволюционными силами и др.). Главным событием-стимулом периода голода (1921 – 1923 гг.) стал, собственно, продовольственный вопрос. Что касается самого длительного периода – нэпа (1921–1929 гг.), – то он характеризуется широким набором событий-стимулов: от общественно-политической кампании «Лицом к деревне» до отношения к режиму экономии на производстве.

На основе 113 реакций, встречающихся в «письмах во власть», материалах политического контроля, мемуарных записях и прочих источниковых документах, был сделан вывод о том, что общественное мнение Саратовской губернии в период трансформации общественно-политической, социальной, ментальной модели российского общества и государства характеризуется противоречивостью.

На отдельных этапах оно характеризовалось как положительное ввиду того, что народное большинство в лице крестьянства и пролетариата поддерживало инициативы и кампании новой власти. Однако с наступлением острых политических противоречий, экономических и продовольственных катаклизмов, вызванных, например, гражданской войной и голодом, динамика сменяется с положительной на отрицательную.

Даже в стабильную эпоху нэпа одно противоречие сменяет другое. Крестьяне поддержали отмену продразверстки и приветствовали возобновление рыночных отношений, но с течением времени, в связи с высокими налогами и низкими закупочными ценами на хлеб, поддержка трансформировалась в отторжение. Рабочие были недовольны засильем «капиталистических» элементов, разнузданным бюрократическим аппаратом, и, следовательно, приветствовали начало форсированной индустриализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) г. Москва

Фонд Р-1240. Уполномоченные Всероссийского центрального исполнительного комитета и ответственные представители центрального комитета российской коммунистической партии большевиков по всестороннему контролю и ревизии губернских, уездных и волостных советских учреждений и партийных организаций и проведению мобилизации добровольцев на фронт. 1918–1919.

Опись 1. Д.71.

Фонд Р-1058. Полномочное представительство правительств РСФСР и Украинской ССР при всех заграничных организациях помощи России.

Опись 1. (Дела постоянного хранения за 1921-1923 гг.). Д. 70.

Фонд Р-1064. Центральная комиссия помощи голодающим (ЦК Помгол) при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

Опись 1. Общий отдел. 1921-1923 гг. Д.16. 32, 182.

Опись 5. Материально-финансовый отдел. 1921-1922 гг. Д. 79.

Опись 7. Дела постоянного хранения за 1921-1923 гг. Д. 12.

Фонд Р-6836. Издательство «Работник земли и леса» Центрального Комитета профессионального союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР.

Опись 1. Дела издательства «Работник земли и леса. 1921-1931 гг.» при ЦК Всероссийского союза земли и леса. 1921–1931 гг. Д. 22.

2. Российский государственный архив

социально-политической истории (РГАСПИ) г. Москва

Фонд 17. Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)

Опись 6. ЦК РКП(б). Информационный отдел (1919). Д. 278.

Опись 31. ЦК ВКП(б). Информационный отдел (1924–1926). Д. 172.

Опись 33. Секретно-оперативный отдел, Бюро Секретариата, Секретный отдел (1920–1934). Д. 43. 44. 103, 120. 121.

Опись 38. ЦК ВКП(б). Отдел руководящих партийных органов. (1910–1936). Д.375. 376.

Опись 60. ЦК КПСС. Отдел агитации и пропаганды (1920–1928). Д. 221.

Опись 65. Общий отдел (1918–1925). Д. 60. 61. 62. 141.

Опись 67. ЦК ВКП(б). Переписка организационно-распределительного отдела с местными партийными органами (1920–1930). Д. 149, 151. 152, 240.

Опись 68. ЦК ВКП(б). Организационно-распределительный отдел (1920–1929). Д. 348.

Опись 84. ЦК РКП(б). Бюро секретариата (1918–1926). Д. 291.

Фонд 610. Редакция «Рабочей газеты» (1922–1932)

Опись 1. Редакция «Рабочей газеты» (орган ЦК ВКП(б) (1924–1931). Д. 106. 114. Д. 116.

3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО)

Фонд Р-332. Саратовский Ордена Трудового Красного знамени государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (СГУ)

Опись 1. Д. 2, 4, 5, 7, 10

Фонд Р-453. Саратовская губернская комиссия по борьбе с последствиями голода. 1922–1923.

Опись 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6

Фонд Р-521. Саратовский губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1928.

Опись 1. Д. 1, 23, 47, 181, 349, 574, 643, 669, 670, 718, 755, 785, 901.

Фонд Р-3586. Антонов-Саратовский Владимир Павлович (1884–1965) – первый председатель саратовского совета рабочих и солдатских депутатов.

Опись 1. Д. 121, 123, 124

Фонд Р-790. Управление уполномоченного полномочного представителя правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи голодающим по Нижнему Поволжью.

Опись 1. Д. 6, 79, 80, 82, 86, 88

4. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО)

Фонд 27. Саратовский губернский комитет ВКП(б) (1918–1928)

Опись 1. Д. 14, 18, 51, 54, 63, 46, 54, 196, 202, 210, 214, 452, 453, 498, 502, 542, 543, 588, 795, 799, 804, 815, 816, 851, 891, 893.

Опись 2. Д. 14, 795, 799, 804, 815, 832, 1424.

Опись 3. Д. 142, 509, 536, 537, Д. 924.

Опись 4. Д. 14, 40, 41, 42, 65, 157, 257, 445, 461, 572, 668, 874, 876, 896, 923, 981.

Фонд 35. Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (1920–1991)

Опись 1. Д. 3, 52.

Фонд 55. Нижне-Волжский крайком ВКП (б) (1928–1933)

Опись 1. Д. 127.

5. Архив УФСБ России по Саратовской области

Ф.1. Оп. 1. Д. 1, Дело арх. № 1123

6. ГУК «Саратовский областной музей краеведения» (СМК)

Социал-демократ, 1917. 23 июля. № 61. СМК 20875/17

Социал-демократ, 1918. 5 января. № 107. СМК 20881/7

Социал-демократ, 1918. 28 января. № 22. СМК 20881/2

Социал-демократ, 1918. 20 января. № 119. СМК 20881/19

Социал-демократ, 1918. 23 января. № 120. СМК 20881/3

Социал-демократ, 1918. 25 января. № 121. СМК 20881/20

Социал-демократ, 1918. 30 января. № 23. СМК 20881/3

СМК № 9564.

СМК № 574.

7. МУК «Музей-усадьба Н.Г. Чернышевского» (МНГЧ)

Дневник М. Н. Чернышевского (рукопись): МНГЧ ОФ 529/5; 7347/2859.

Чернышевская Н. М. Уголок из жизни провинциальной интеллигенции в Саратове. Воспоминание о первых годах революции. Семья Дроздовых (рукопись): МНГЧ ОФ 7347/2859.

Опубликованные источники

Воспоминания

8 Антонов-Саратовский, В. П. Под стягом пролетарской борьбы. Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. Т. 1. – М.; Л.: Гос. изд-во Истпарта, 1925. – 310 с.

9 Годовщина социальной революции в Саратове / под ред. В. П. Антонова-Саратовского. – Саратов, – 1918.

Дневники

10. Бабин, А. В. Дневник русской Гражданской войны 1917–1922/ А. В. Бабин // Волга. – 1990. – № 5. – С. 112 – 127.

11. Сорокин, П. Долгий путь (автобиографический роман) / пер. с англ. П. П. Кротов. – Сыктывкар: МП «Шыпас», 1991. – 304 с.

Сборники документов

12. Большая цензура: писатели и журналисты в Стране Советов, 1917 – 1956 / сост. Л. В. Максименков. – М.: Материк: Демократия, 2005. – 750 с

13. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. / Ин-т Рос. истории РАН, Федер. архив. служба Российской Федерации, Рос. гос. архив экономики / отв. ред. А. К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 328 с.

14. Из далеких двадцатых годов двадцатого века (исповедальная переписка фольклористов Б.М. и Ю.М. Соколовых) / под ред. В. А. Бахтиной. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 814 с.

15. Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. – М.: РОССПЭН, 2001. – 232 с.

16. Лившин, А. Я., Орлов, И. Б. Письма во власть. 1917–1927. Заявление, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 1998. – 664 с.

17. Миловзоров, А. Ф. Крестьянское частновладельческое хозяйство Саратовской губернии после года войны / А. Ф. Миловзоров. – Саратов, 1916. – 22 с.

18. Саратовское областное сельскохозяйственное совещание: Материалы: В 2-х т. Т. I. – СПб., 1911. – 26 с.

19. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.) Сб. документов / сост. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 421 с.

20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). Т. 1. 1917–1928 гг.: сб. док. за 50 лет в 5 т./ сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1967. – 780 с.

21. Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: Документы и материалы. 1918–1920 / под ред. Н. Полянцева. – Саратов: Кн. изд-во, 1958. – 383 с.

22. Сборник документов и материалов по Истории СССР советского периода (1917–1958)/ под ред. И. М. Волкова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 621 с.

23. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.1918–1939 гг. В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 864 с.

24. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.1918–1939 гг. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1168 с.

25. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. 1917–1918 гг. – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1968. – 420 с.

26. 1917 год в Саратовской губернии / сб. док.. (Февр. 1917–дек. 1918 гг.) // Парт. архив Сарат. обкома КПСС. Сарат. обл. гос. архив/ под ред. В. А. Осипова и Г. И. Сухарева. – Саратов: Кн. изд-во, 1957. – 658 с

Статистические и справочные издания

27. Вестник Саратовского губкома РКП(б). 1923. № 3.

28. Двенадцатый Саратовский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (15–18 декабря 1922 г.). – Саратов, 1922.

29. Кокшайский, П. Н. Предварительные данные переписи населения города Саратова и его пригородов / П. Н. Кокшайский. – Саратов: Тип. Губ. земства, 1916. – 110 с.

30. Мальков, А.А. Беженское движение в связи с голодом в Саратовской губернии / А.А. Мальков // Саратовский вестник здравоохранения. – 1922. – № 10. 29–37.

31. Население городов Саратовской губернии в 1923 г. – Саратов, 1924. – 83 с.

32. Новинский, В. Социальный и профессиональный состав населения г. Саратова / В. Новинский // Нижнее Поволжье. – 1924. – № 1. – С. 82-85.

33. Отчет экономического совещания при Балашовском уисполкоме за июль-сентябрь 1921 г. – Балашов. – 67 с.

34. Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. – Саратов: Саратовск. губ. испол. ком. сов. р. к. и к. д. 1922. – 194 с.

35. Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 по 1 апреля 1922 г. – Саратов: Саратовский губернский исполнительный комитет советской республики, 1921–1923. 1922. – 187 с.

36. Постановление СНК СССР от 16.05.1924 «К поверке вузов» // Еженедельник народного комиссариата просвещения. – 1924. – №. 11. 23 см.

37. Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып.1. – М.: ЦСУ, 1920. – 963 с.

38. Статистический сборник по Саратовской губернии 1923 г. – Саратов, 1923. – 197 с

39. Тяжесть обложения в СССР: Социальный состав, доходы и налоговые платежи Союза ССР в 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг. М., 1929. – М.: Гос. финансовое изд-во Союза ССР, 1929. – 172 с.

40. Численность населения Саратовской губернии по данным демографическо-профессиональной переписи 28 августа 1920 г. – Саратов: Губполиграфотдел 4-е отделение, 1921 г. – 24 с.

41. Естественное движение населения Саратовской губернии за период 1914 – 1925 гг. / под ред. А. А. Малькова. Отдельный оттиск из журнала «Саратовский вестник Здравоохранения» № 4, 5, 6, 7, 8 и 9. Саратов, 1926. – 48 с.

Периодическая печать

42. Известия ВЦИК. 1918–1929.

43. «Правда». 1918–1929.

44. Известия Саратовского Губернского Совета крестьянских депутатов, 1917.

45. Известия Саратовского Исполкома. 1918–1929

46. «Коммунистический путь», 1924, 1926

47. «Красная газета», 1919.
48. «Саратовская земская неделя», 1918.
49. «Социал-демократ», 1917–1918.
50. Известия Народного комиссариата по продовольствию, 1920.
51. Газета «Новая жизнь», 1918.
52. «Поволжская правда», 1928.

Законодательные акты (документы)

53. Декреты Советской власти. В 18 т. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 626 с.
54. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 22.03.1923 «О порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного Комиссариата» // Собрание узаконений РСФСР. 1923.
55. Конституция РСФСР 1925 г.
56. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1943. – 818 с.
57. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.

Работы деятелей РКП (б)-ВКП(б) и советского правительства.

58. Бухарин, Н. И. Некоторые вопросы экономической политики/ сб. ст./ Н. И. Бухарин. – М.: Центральное управление печати ВСНХ СССР. 1925. – 86 с.
59. Бухарин, Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз / Н. И. Бухарин. – М, Л: Гос. изд-во, 1927. – 106 с.
60. Зиновьев, Г. Е. Интеллигенция и революция/ Г. Е. Зиновьев / Доклад на Всероссийском съезде научных работников 23-го ноября 1923 г. – М.: Красная новь, – 1924. – 37 с.
61. Ленин, В. И. Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов (ответ на статьи «Русского Богатства» против

марксистов) / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1967. С. 125–346.

62. Ленин, В. И. Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие/ В.И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 34. – М.: Политиздат, 1969. С. 108–116.

63. Ленин, В. И. Речь по вопросу печати / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 35. – М.: Политиздат, 1974. С. 53–55.

64. Сталин, И. В. Сочинения в 18 т. Т. 7. / И. В. Сталин. – М.: ОГИЗ, 1947. – 429 с.

65. Троцкий, Л. Д. Моя жизнь/ Л. Д. Троцкий. – М.: Изд-во Панорама. в 2 т. Т. 2. 1991. – 343 с.

69 Троцкий, Л. Д. Сталин/ под ред. Ю. Фельштинского. – М.: Терра. Политиздат. в 2 т. Т. 2. 1990. – 285 с.

Статьи и монографии

70. Аврус, А. И. История Саратовского университета 1909–2009: в 2 т. Т. 1: 1909–1945 / А. И. Аврус – Саратов: Из-во Саратовского ун-та. 2009. – 293 с.

71. Агриков, П. А., Башкиров А. С., Лычев И. А. Война с голодом / П. А. Агриков А. С. Башкиров, И. А. Лычев. // История СССР. – 1963. – № 1. – С. 142–168.

72. Аникеев, В. В. Журнал местных партийных организаций 1917 г./ В. В. Аникеев // Исторический архив. – 1959. – № 5. С. 24-50.

73. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917)/ А. М. Анфимов. – М.: Из-во Социально-экономическая литература. 1962. – 386 с.

74. Аншакова, Ю. Ю. Из простого человеколюбия: о работе международного союза помощи детям в Поволжье во время голода начала 1920-х годов / Ю. Ю. Аншакова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – № 3. С. 76–82.

75. Бабашкин, В. В. Русская революция: миф и реальность / В. В. Бабашкин // Духовная безопасность и суверенитет России: вызовы, ответы и уроки: Сб. научных трудов Международной научно-практической конференции. – М., – 2018. – С. 21–31.

76. Баевский, Д. Из истории строительства большевистской партии (октябрь 1917–март 1919 г.) / Д. Баевский // Историк-марксист. – № 2. – 1941. С. 3–21.

77. Бакушина, В. С. Сравнительный анализ декрета о земле 1917 года и земельного кодекса российской федерации 2001 года / В. С. Бакушин // NOVAUM.RU. 2019. № 19. С. 1-5.

78. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 259 с.

79. Бондаренко, Т. Ю. Деятельность иностранных организаций помощи голодающим в Саратовской губернии в 1920-х годах глазами русского эмигранта (из воспоминаний А.В. Бабина)/ Т. Ю. Бондаренко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 2. С. 120–124.

80. Борисова, Л. В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям/ Л. В. Борисова // Отечественная история. – 2006. – №1. С. 84–97.

81. Булдаков, В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

82. Васильева Г. М. История европейской ментальности / Г. М. Васильева: учеб. пособ. – Новосибирск: НГУЭУ, 2011. – 228 с.

83. Выходцев, С. Помощь иностранцев голодающим детям Поволжья/ С. Выходцев // Приложение к журналу Народное просвещение. – 1922. – № 102. – 14 с.

84. Галкова, О. В., Петрова И. А. Концепция ментальности М. Блока/ О. В. Галкова, И. А. Петрова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. –2016. – № 6 (110). С. 174 – 180.

85. Герасименко, Г. А., Точеный, Д. С. Советы Нижнего Поволжья в 1917 году / Г. А. Герасименко, Д. С. Точеный. – Саратов, 1977. – 325 с.
86. Гимпельсон, Е. Г. Нэп и советская политическая система / Е. Г. Гимпельсон. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 437 с.
87. Гимпельсон, Е. Г. Формирование советской политической системы 1917–1923 / Е. Г. Гимпельсон. – СПб.: Наука. 1995. – 236 с.
88. Горбенко, А. Ю., Дёмкина, Е. В. Генезис и сущность понятий «ментальность», «социальная ментальность» / А. Ю. Горбенко, Е. В. Дёмкина // Вестник АГУ. – Вып. 4. – 2015. С. 15-22.
89. Горшков, М. К. Общественное мнение: История и современность / М. К. Горшков. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
90. Горшков, М. К. Пути в социологию – исповедимы / М. К. Горшков. – М.: Весь Мир, 2015. – 104 с.
91. Грушин, Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
92. Грушин, Б. А. Мнения о мире и мир мнений (проблемы методологии исследования общественного мнения) / Б. А. Грушин. – М.: Политиздат. 1967. – 400 с.
93. Грушин, Б. А. У нас в гостях Борис Андреевич Грушин / Б. А. Грушин // Социальная реальность. – 2006. – № 3. – С. 83–86.
94. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа Анналов / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик. 1993. – 328 с.
95. Гуревич, А. Я. От истории ментальностей к историческому синтезу / А. Я. Гуревич // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / гл. ред. Ю. Л. Бессмертный. – М.: ИВИ РАН, 1993. – 208 с.
96. Давыдов, Д. В. Крестьянские Письма во власть: из опыта 1920-х годов / Д. В. Давыдов // Современные исследования в гуманитарных и общественных науках. – Т. 1. – 2015. С. 6–8.

97. Данилов, В. Н., Булычѳв М. В., Воронежцев, А. В., Гуменюк, А. А., Тотфалушин, В. П., Тотфалушина, Л. А. История Саратовского края с древнейших времен до наших дней / В. Н. Данилов, М. В. Булычѳв, А. В. Воронежцев, А. А. Гуменюк. – Саратов: Приволжское изд-во, 2008. – 304 с.
98. Данилов, В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство/ В. П. Данилов. – М.: Наука. 1977. – 318 с.
99. Дианов, С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919–1929 гг / С. А. Дианов: монография. Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2008. – 203 с.
100. Дилигенский, Г. Г. В поисках смысла и цели. Проблемы массового сознания современного капиталистического общества/ Г. Г. Дилигенский. – М.: Политиздат, 1986. – 255 с.
101. Дилигенский, Г. Г. Рабочий на капиталистическом предприятии / Г. Г. Дилигенский. – М.: Наука, 1969. – 410 с.
102. Добровольский, А. В. Закрытые письма секретарей губкомов РКП(б) о нелегальной деятельности эсеров в Сибири (1922-1923 гг.) / А. В. Добровольский// Интерэкспо Гео-Сибирь. –2017. С. 84–88.
103. Зверев, О. В. Историческая школа «анналов» о ментальности / О. В. Зверев // Вестник московского государственного университета культуры и искусств. –2011. –№ 6 (44). С. 44–47.
104. Зекрист, Р. И. Образы власти в общественном сознании / Р. И. Зекрист // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. –2015. С. 23-27.
105. Ибрагимова Д. Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку / Д. Х. Ибрагимова. – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 217 с.
106. Ивницкий, Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса/ Н. А. Ивницкий. – М.: Наука, 1972. – 362 с.

107. Изменения социальной структуры советского общества 1921 – середина 30-х годов / отв. ред. В.М. Селунская. – М.: Мысль, 1976. – 343 с.
108. Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти / В. С. Измозик // Вопросы истории. – 1995. – № 8. С. 26–35.
109. Измозик, В. С. Государственный политический контроль за населением Советской России (1917–1928) / В. С. Измозик. – СПб., 2021. – 278 с.
110. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е. М. Михина. – М., 1996. – 255 с.
111. Камардин, И. Н. Рабочий протест в Поволжье в 1919–1920 гг./ И. Н. Камардин // *Via in tempore*. История. Политология. – 2013. – № 22 (165). Вып. 28. С. 134–140.
112. Камардин, И. Н. Рабочий протест и кризис политики Военного коммунизма (на материалах Поволжья)/ И. Н. Камардин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2007. – № 4. С. 45–54.
113. Карева, С. Ю. Анализ общественного настроения как объекта исторического исследования / С. Ю. Карева // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития: сб. науч. трудов. – Ч. 4. – Тамбов. – 2014. С. 78–81.
114. Карр, Э. История Советской России / пер. с англ. кн. 1. Т. 2. – М.: Прогресс, 1990. – 763 с.
115. Ким, В. И. Лозунги в политическом языке раннего советского общества (по письмам в редакцию «Рабочей газеты» 1924–1925 гг.) / В. И. Ким // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2015. – № 4. С. 34–44.
116. Клинова, М. А. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности/ М. А. Клинова // Вестник архивиста. – М., – 2012. – № 4. С. 300–305.

117. Ковальзон, М. Я., Келле, В. Ж. Формы общественного сознания / М. Я. Ковальзон, В. Ж. Келле. – М.: Госполитиздат, 1959. – 263 с.

118. Кринко, Е. Ф., Тажиудинова, И. Г., Хлынина, Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций/ Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажиудинова, Т. П. Хлынина. – Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2011. – 360 с.

119. Кузнецов, И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. / И. С. Кузнецов. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – 235 с.

120. Куликов, Л. В. Общественное сознание и общественное настроение/ Л. В. Куликов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – № 2. С. 33–39.

121. Латыпов Р. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг// Научно-культурологический журнал RELGA.RU. № 1. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=864&level1=main&level2=articles> (дата обращения 15.04.2025)

122. Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентации на христианском Западе XII - XIII вв.) / Ж. Ле Гофф. // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. – М., 1991. С. 25–44.

123. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н. Б. Лебина. – СПб.: Нева. 1999. – 320 с.

124. Лебина, Н. Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. / Н. Б. Лебина. – СПб.: Новое литературное обозрение. 2018. – 488 с.

125. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении /Л. Леви-Брюль/ пер. с фр. Б. Шаревской. – М.: ОГИЗ, 1937. – 518 с.

126. Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. / А. Я. Лившин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 344 с.
127. Лившин, А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. / А. Я. Лившин. – М.: РОССПЭН, 2010. – 344 с.
128. Лившин, А. Я. Эффективность реквизиционной и налоговой политики в 1917–1927 годах в письмах «во власть»/ А. Я. Лившин // Вестник Пермского университета. – 2020. – Вып. 3(50). С. 139–150.
129. Максимов, Е. К., Тотфалушин, В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны / Е. К. Максимов, В. П. Тотфалушин: учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». – Саратов: Научная книга, 2007. – 124 с.
130. Марченя, П. П. Массовое правосознание и победа большевизма в России / П. П. Марченя. – М.: Щит-М, 2005. – 206 с.
131. Медведев, Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) / Е. И. Медведев. – Куйбышев, 1974. – 352 с.
132. Миронов, Б. Н. Динамика российской промышленности и транспорта в 1913–1920 гг. / Б. Н. Миронов// Экономическая история. – 2017. – № 3 (38). С. 9–30.
133. Мистрюгов, П. А. Антикрестьянские мероприятия органов ВЧК в Поволжье и Приуралье в годы Гражданской войны/ П. А. Мистрюгов // Вестник Самарского университета. – 2020. С. 41–48.
134. Мичев, Д. Межрабпом – организация пролетарской солидарности 1921–1935 / Д. Мичев. – М.: Мысль, 1975. – 303 с.
135. Мозохин, О. Б. ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата/ О. Б. Мозохин. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 448 с.
136. Мозохин, О. Б. ВЧК–ОГПУ–НКВД. На защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы/ О. Б. Мозохин. – М., 2018. – 576 с.
137. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией – М.: Красная новь, 1923. – 261 с.

138. Назаров, В. В. Голод в Поволжье 1921–1922 гг. Взгляд П. А. Сорокина / В. В. Назаров // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Пугачевские чтения», посвященной 90-летию В. В. Пугачева. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова – 2014. С. 165-166.

139. Николаева, И. Ю. Образ власти в современной историографии: новые подходы и методологии (по материалам медиевистики) / И. Ю. Николаева. // Историческая наука и историческое сознание. – Томск: Изд-во Томского ун-та, –2003. С. 17–26.

140. Николаева, И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории / И. Ю. Николаева. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – 410 с.

141. Никулин, В. В. Переход к нэпу и проблема номенклатурной преступности/ В. В. Никулин // Власть и общество: исторический аспект. Изд-во Сар. ун-та. – 2000. С. 175–193.

142. Орлов, И. Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. Мифы и реальность/ И. Б. Орлов // Новый исторический вестник. – 2002. – № 1. С. 29–42.

143. Ослон, А. А. Опросы общественного мнения как смысловая проблема / А. А. Ослон // Социальная реальность. – 2006. – № 3. С. 1–9.

144. Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941) / под ред. Ю. Г. Голуба. – Т.3. Ч.1. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2006. – 496 с.

145. Очерки истории Саратовской организации КПСС 1918–1937. – Саратов, 1957. – Ч. 2. – 398 с.

146. Павлюченков, С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы / С. А. Павлюченков – М.: РКТ-История, 1997. – 272 с.

147. Павлюченков, С. А. Россия Нэповская / под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. – 446 с.

148. Парыгин, Б. Д. Социальное настроение как объект исторической науки/ Б. Д. Парыгин // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. – М., – 1971. С. 90–105.

149. Парыгин, Б. Д. Общественное настроение, его природа и динамика / Б. Д. Парыгин // Проблемы общественной психологии. – М., – 1965. С. 18–25;

150. Перевезенцев, А. Л. Герберт Гувер и Россия: реализованные и упущенные возможности сотрудничества/ А. Л. Перевезенцев //Материалы межрегионального научно-практического семинара, посвященного 200-летию установления дипломатических отношений России и США. – Вып. 9. Волгоградский государственный университет, Центр американских исследований «Американа». – 2008. С. 76–91.

151. Поляков, В. А. Русская Православная Церковь и международная помощь во время первого советского голода в 1920-е годы/ В. А. Поляков // Мир Православия: сб. науч. статей. – Вып. 3. Волгоград, – 2000. С. 183–193.

152. Поляков, В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. / В.А. Поляков. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2007. – 735 с.

153. Поляков, Ю. А. 1921-й: победа над голодом / Ю. А. Поляков. – М.: Политиздат, 1975. – 112 с.

154. Помогалова, О. И. Трудности в организации помощи иностранных благотворительных организаций в период голода 1921–1923 гг. (на примере Саратовского Поволжья)/ О. И. Помогалова // Вопросы исторической науки. Материалы II междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, май 2013 г.). – Из-во «Два комсомольца». – 2013. С. 22–25.

155. Посадский, А. В. Саратовский отряд Черемухина / А. В. Посадский // Российский исторический журнал. –1999. – №1(21). С. 39–43.

156. Пушкарев, В. С. Письма граждан как уникальный источник по финансовой истории России (СССР)/ В. С. Пушкарев // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Доклады и тезисы выступления. – М., – 1999. С. 151–155.

157. Ревель, Ж. История ментальностей: опыт обзора /Ж. Ревель // Споры о главном. – М.: Наука, – 1993. С. 40–58.
158. Рейли, Д. Дж. «Изъясняться по-большевистски», или как саратовские большевики изображали своих врагов/ Дж. Д. Рейли // Отечественная история. – № 4. – 2001. С. 79–93.
159. Рейли, Д. Дж. Антибольшевистские волнения в Саратове и Саратовской губернии в конце гражданской войны/ Дж. Д. Рейли // Вестник самарского государственного университета: Гуманитарный выпуск. – 2001. – № 1 (19). С.1–27.
160. Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове / Дж. Д. Рейли / пер. с англ. Р. М. Базылевой, И. М. Бессмертной, Н. А. Вишневской. – Саратов: Слово. – 1995. – 400 с.
161. Рейли, Д. Дж. Саратов от августа 1914 до августа 1991. Россия глазами американца/ Дж. Д. Рейли / пер. с англ.; под ред. В. А. Динеса. – Саратов, 1994. – 99 с.
162. Рожков, А. Ю. Студент как зеркало октябрьской революции/ А. Ю. Рожков // Родина: российский исторический журнал. – № 3. – 1999. С. 68 – 74.
163. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998.– 672 с.
164. Рубинштейн, Н. Л. Борьба Советской России с голодом 1921–1923 гг. / Н. Л. Рубинштейн // Исторические записки. – 1947. – Вып. 22. С. 3–41.
165. Рыбаков, В. А. Правосознание: к вопросу о понятии / В. А. Рыбаков // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 3 (44). С. 23–28.
166. Савельев, С. И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае/ С. И. Савельев. – Саратов: Саратов. гос. с.-х. акад., 1994. – 149 с.
167. Савилов, П. Н. Великая октябрьская социалистическая революция и великая земельная реформа в России / П. Н. Савилов // Великая Российская

революция 1917 г.: методология, источники, историография: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Стерлитамак. – 2017. С. 199–203.

168. Саградьян, М. О. Осуществление Ленинского декрета о земле в Саратовской губернии /М. О. Саградьян. – Саратов, 1966. – 112 с.

169. Семенов, А. В. Письма во власть как исторический источник 1920-х гг. (на примере Саратовской губернии)/ А. В. Семенов// Россия–СССР–РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. сб. научных статей / под ред. Е. Б. Дудниковой, Н. В. Шалаевой / ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова». – Саратов: Из-во ООО «ЦеСАин», – 2023. С. 114–121.

170. Семенов, А. В. «От сводок ВЧК до «закрытых писем» в ЦК: механизм контроля общественного настроения 1917–1920-х гг./ А. В. Семенов // Наше недавнее прошлое: современные направления советской истории и историческая память. – Ставрополь. Из-во «Агрус», – 2023. С. 227–236.

171 Семенов, А. В. «Редакция хочет знать...»: по страницам Саратовской газеты «Социал-демократ»/ А. В. Семенов // Власть, – № 6. – 2024. С. 284–289.

172. Семенов, А. В. Майское восстание в Саратове в 1918 году в оценках и мнениях современников/ А. В. Семенов // Современная научная мысль, – № 1. – 2024. С. 49–56.

173. Семенов, А. В. Общественные мнения и настроения в советской России 1920-х гг. в контексте интеллектуальной истории/ А. В. Семенов // Научные исследования: проблемы и перспективы развития. Сб. статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Научные исследования: проблемы и перспективы развития», 23 ноября 2023 г. под ред. И. А. Ножкиной, Н. В. Шалаевой. – Саратов: ФГБОУ ВО Вавиловский университет, – 2024. С. 36–46.

174. Семенов, А. В. Иностранные организации в борьбе с первым советским голодом 1921-1923 гг.: отношение населения и реакции власти (на материалах Саратовской губернии)/ А. В. Семенов // Современная научная мысль, – 2025 – № 2. С. 97–104.

175. Скрыпников, А. В. Нэп: несостоявшаяся альтернатива/ А. В. Скрыпников // Вестник Томского гос. пед. ун-та. Серия: Гуманитарные науки (история). – 2006. – Вып. 1. С. 47–51.

176. Слезин, А. А. Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики/ А. А. Слезин // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – Т. 13. – № 3. – 2007. С. 821–825.

177. Слезин, А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.)/ А. А. Слезин. – М., 2009. – 222 с.

178. Смыкалин, А. С. Тайный политический контроль в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.)/ А. С. Смыкалин // Вестник Вятского государственного университета. – 2005. С. 79 – 88.

179. Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг./ под ред. И. А. Гладкова. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 559 с.

180 Соколов, С. А. Революция и хлеб (из истории советской продовольственной политики в 1917–1918 гг.). – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. – 104 с.

181. Стариков, С. В. Саратовский блок большевиков и левых эсеров в мае-июле 1918 г. /С. В. Стариков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 47–61.

182. Телицын, В. Л. Военный коммунизм: власть и крестьянство/ В. Л. Телицын. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Telitsyn.pdf> (дата обращения 01.02.2025)

183. Телицын, В. Л. Крестьянский бунт: 1917–1921 гг./ В. Л. Телицын. – М.: МПГУ, 2001. – 207 с.

184. Тощенко, Ж. Харченко, С. Социальное настроение / Ж. Тощенко, С. Харченко. – М., 1996. – 195 с.
185. Трифионов, И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1925 гг.) / И. Я. Трифионов. В 2 ч. Ч. 2. – Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 290 с.
186. Уледов, А. К. Общественное мнение советского общества / А. К. Уледов. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 391 с.
187. Усманов, Н. В. О поддержке деятельности организации АРА властями Советской России (1921–1923 гг.) / Н. В. Усманов // Власть. – № 3. – 2009. С. 128–131.
188. Файрушина, К. А. Первые декреты советской власти в области трудового права/ К. А. Файрушина // Эволюция российского права: материалы XVI Международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург, – 2018. С. 50–52.
189. Февр Л. Бои за историю /Л. Февр/ пер. А. А. Бобовича и др. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
190. Федотова, А. Ю. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг. – Казань: ИИЦ УДП РТ, 2013. – 235 с.
191. Хмелевская, Ю. Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности Американской администрации помощи на Урале, 1921–1923 гг.)/ Ю. Ю. Хмелевская // Вестник Пермского университета. История. – № 3. – 2011. С. 65–74.
192. Ходоровский, И. К. проверке состава учащихся/ И. К. Ходоровский // Красная молодежь. – 1924. – № 1. С. 113–117.
193. Хуако, З. Ю. Жаде, З. А. Рабселькоровское движение советского периода в российской журналистике как социоисторический и социокультурный феномен/З. Ю. Хуако, З. А. Жаде // Вестник АГУ. – Вып. 2 (259). – 2020. С. 73–85.

194. Червякова, Е. М. Прощения как источник по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX– начала XX в. / Е. М. Червякова // Словцовские чтения-2005: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень. – Изд-во Тюменского гос. Ун-та, – 2005. С. 201 – 202

195. Чолахян, В. А. Письма во власть, информационные сводки ОГПУ и партийных организаций – источник изучения советского общества 1920–1930-х гг. / В. А. Чолахян // Сборник материалов I межвузовской научной конференции (к 100-летию СГУ). – Саратов: – Изд-во СГУ. – 2009. С. 44–50.

196. Чуканов, И. А. Советская экономика в 1920-е годы: новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья) / И. А. Чуканов. – М., 2001. – 382 с.

197. Шалаева, Н. В. Формирование образа советской власти в культурных практиках 1917–1920-х гг. / Н. В. Шалаева. – Саратов: «Саратовский источник», 2013. – 250 с.

198. Шалаева Н. В. Социокультурные практики советской власти и дискурс «власть-крестьянство» (1917–1920-е гг.) / Н. В. Шалаева // Природа. Человек. Культура. Материалы IV Международного научно-просветительского форума. – Хабаровск: ФГБОУ ВО Дальневосточный государственный университет, 2025. С. 89-92.

199. Шенкао, М. А. Ментальность в зеркале анналов / М. А. Шенкао // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право – № 20 (91). – 2010. С. 45–54.

200. Шинкарчук, С. А. Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (по материалам Северо-Запада) / С. А. Шинкарчук. – СПб, 1995. – 142 с.

201. Шитова, А. А. Рабселькоровское движение, стенные и «Живые» газеты 1920-х годов: организация и мотивация деятельности / А. А. Шитова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11 (85). С. 204–208.

202. Шмаков А. А. Первые декреты советской власти с точки зрения пропаганды / А. А. Шмаков // Вестник Марийского государственного университета. – Т.9. – № 1. – 2023. С. 72–80.

203. Яковлев, Я. А. Расслоение деревни / Я. А. Яковлев. – М.: Молодая гвардия, 1925. – 69 с.

204. Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест / С. В. Яров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 168 с.

205. Яров, С. В. Пролетарий как политик: Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. / С. В. Яров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 223 с.

206. Яров, С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. / С. В. Яров. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 375 с.

207. Ярославский, Е. М. К проверке коммунистического состава вузов/ Е. М. Ярославский // Красная молодежь. – 1924. – № 1. С. 50–55.

Литература на иностранных языках

208. Bertrand, M. Patenaude. Give Bread+Medicine Maxim Gorky's Appeals // [Электронный ресурс]. URL: <https://histories.hoover.org/bread-medicine/maxim-gorky/> (дата обращения 01.02.2025)

209. Raleigh, Donald J. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922 / Donald J. Raleigh. – Princeton; – Oxford: Princeton university press, cop. 2002. – 438 p.

210. Lincoln, B. W. Armageddon. Russian War and Revolution / B. W. Lincoln. –New York: Simonand and Schuster, 1986. – 637 p.

211.. Radkey, Oliver H. The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917. (Harvard Historical Monographs 2) / Oliver H. Radkey. – Cambridge Mass. – 1950. P. 65-69.

212. Semenov, A.V. Public opinion of the early soviet state of 1917–1929 in the estimates of western historiography/ A. V. Semenov // Saratov State University

of genetics, biotechnology and engineering named after N.I. Vavilov. 2024. P. 170–174.

213. Fitzpatrick, Sh. Readers' Letters to Krest'ianskaia Gazeta, 1938 / Sh. Fitzpatrick // Russian History. – 1997. – Vol. 24, no. 1–2. P. 149-170.

214. Fitzpatrick, Sh. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s / Sh. Fitzpatrick // The Journal of Modern History. – 1996. – Vol. 68, no. 4. P. 831-866.

215. Freeze, G. L. From Supplication to Revolution: A Documentary Social History of Imperial Russia / G. L. Freeze. – Oxford, 1988. – 352 p.

216. White, S. Political Communications in the USSR. Letters to the Party, State and Press/ S. White // Political Studies. – 1983. – Vol. 31, – no. 1. P. 43-60.

Авторефераты и диссертации

217. Абубикерова, Э. Ф. Повседневная жизнь научно-педагогических работников провинции в 1920-е гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Э. Ф. Абубикерова. – Саратов, 2013. – 268 с.

218. Аленичева, Н. В. Эволюция массовых настроений в городах Саратовской губернии в период Великой российской революции. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Н. В. Аленичевая. – Саратов, 2023. – 206 с.

219. Бондаренко, Т. Ю. Вклад Миссии Фритъофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02/ Т. Ю. Бондаренко. – Тамбов. 2016. – 207 с.

220. Васильев, А. А. Продовольственный вопрос в аграрной политике Советского государства: опыт решения в период нэпа (на материалах областей Поволжья). дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02/ А. А. Васильев. – Саратов, 2009. – 537 с.

221. Гуменюк, А. А. Переход к НЭПУ в Саратовской губернии: социально-экономические и политические процессы: 1921–1923 гг.: дис ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А. А. Гуменюк. – Саратов, 2002. – 306 с.

222. Измозик, В.С. Политический контроль Советской России 1918–1928 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. / В. С. Измозик. – СПб., 1995. – 39 с.

223. Катков, А. П. Политический контроль в советском обществе в 20–30-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А. П. Катков. – Саратов, 2000. – 269 с.

224. Кнурова, В. А. Деятельность российских и иностранных организаций по ликвидации голода 1921–1923 гг.: на материалах Нижнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / В. А. Кнурова – Астрахань, 2007. – 219 с.

225. Кузнецов, И. А. Письма в Крестьянскую газету как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / И. А. Кузнецов. – М., 1996. – 257 с.

226. Кучемко, Н. М. Борьба Коммунистической партии за укрепление социалистической закономерности в первые годы нэпа (1921–1925 гг.) (на материалах Саратовской, Царицынской и Астраханской губерний): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.01./Н. М. Кучемко. – Саратов, 1974. – 24 с.

227. Колозина, И. М. Формирование социокультурного пространства провинциального города в 1917–1929 гг. (на примере г. Саратова): дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. / И. М. Колозина. – Саратова, 2022. – 255 с.

228. Кристкалн, А. М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А. М. Кристкалн. – М., 1997. – 31 с.

229. Кузнецов, М. В. Крестьянство Саратовского Поволжья в годы Гражданской войны : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / М. В. Кузнецова. – Саратов. 2004. – 219 с.

230. Лившин, А. Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02. / А. Я. Лившин. – М., 2004. – 43 с.

231. Майшев, С. Е. Развитие форм и методов осуществления политического контроля в России: 1880–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / С. Е. Майшев. – М., 2007. – 26 с.

232. Офицерова, Н. В. Политический контроль в промышленном сообществе в 1920-е гг.: на материалах Северо-Запада России : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Офицерова. – СПб., 2010. – 28 с.

233. Погадаев, С. П. Взаимоотношения населения и власти в период НЭПа (на материалах Саратовской губернии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. П. Погадаев. – Саратов, 2010. – 197 с.

234. Рогач, А. А. Городская повседневность Самаро-Саратовского Поволжья в 1918–1920 гг: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Рогач. – Самара, 2009. – 226 с.

235. Семенова, Е. Ю. Влияние первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г.–февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. Ю. Семенова. – Самара, 2012. – 690 с.

236. Соколов, Ю. А. Политическая агитация и пропаганда в восприятии крестьянства в годы Гражданской войны в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. А. Соколов. – СПб., 2014. – 27 с.

237. Стребкова, Н. В. Саратовское студенчество: повседневность в условиях становления и развития советского образования в провинции: 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. В. Стребкова. – Саратов, 2015. – 343 с.

238. Судас, Л. Г. Массовое сознание и некоторые проблемы управления его формированием в условиях развитого социализма: дис. ... канд. ф. наук: 09.00.02. / Л. Г. Судас. – Москва, 1978. – 164 с.

239. Скоропад, А. Э. Комсомол как объект открытого политического контроля: 1918–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Э. Скоропад. – Саратов, 2013. – 24 с.

240. Толчинская, Т. И. Печать в борьбе за общественное мнение в России в 1900–1930-х годах: традиции и особенности исторической эволюции (на примере центральных и региональных газет) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. И. Толчинская. – Владикавказ, 2012. – 28 с.

241. Хабибрахманова, О. А. Вузовская интеллигенция Среднего Поволжья в условиях социально-культурной трансформации советского общества 1918 – конца 1930-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. А. Хабибрахманова – Саратов. 2022. – 532 с.

242. Шалаева, Н. В. Формирование образа советской власти в российском обществе в 1917 – 1920 - е гг.: социокультурный аспект : дис. ... д-р ист. наук: 24.00.01. / Н. В. Шалаева. – Саратов. 2015. – 446 с.

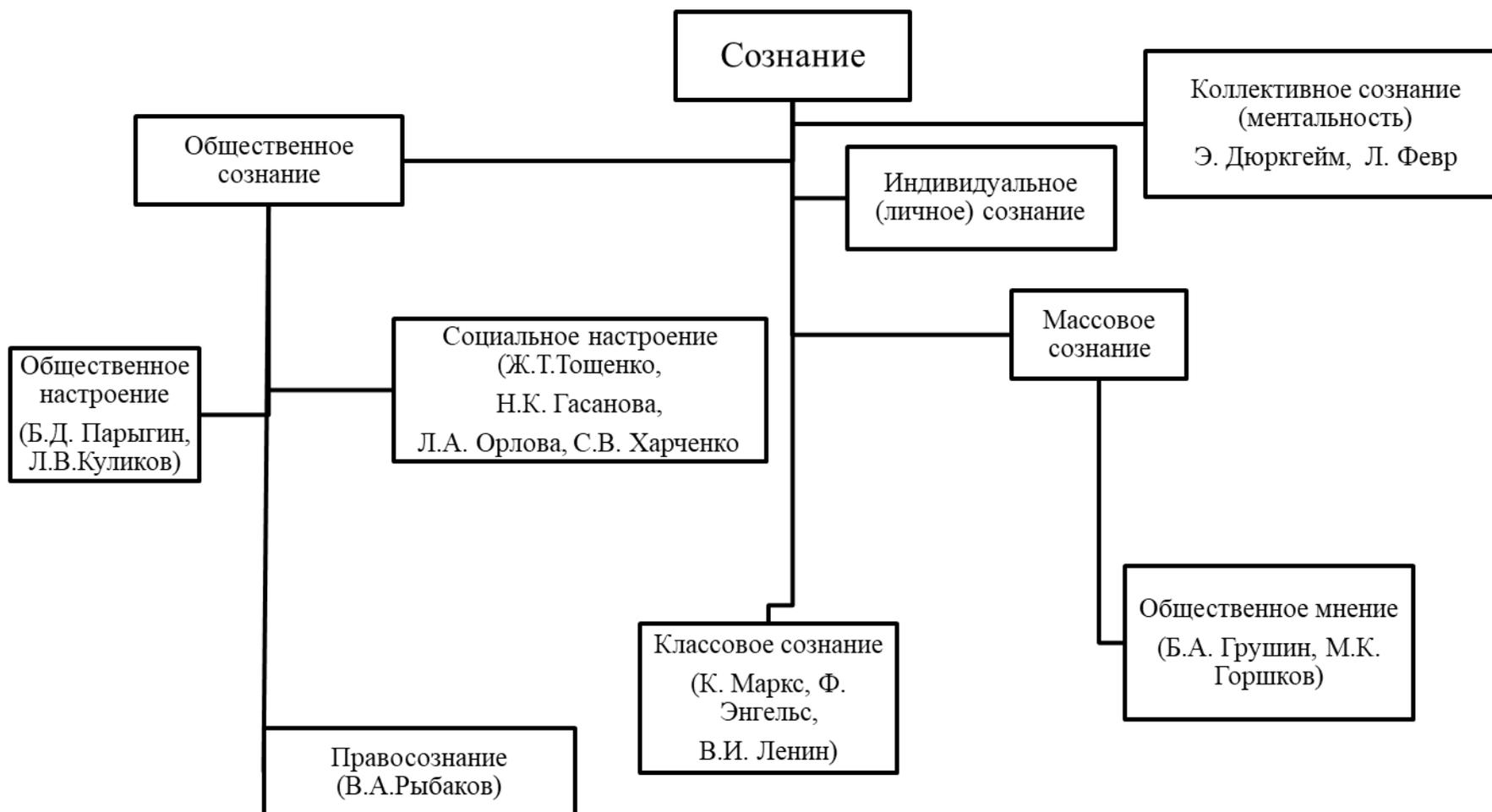
243. Шалыгин, А. А. Национальная политика Советского государства в 1917 –1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / А. А. Шалыгин. – Саратов. 2010. – 291 с.

244. Шалькова, В. А. Зерновая проблема в 1920-е гг.: По материалам европейских районов России: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / В. А. Шальков. – М., 1997. – 24 с.

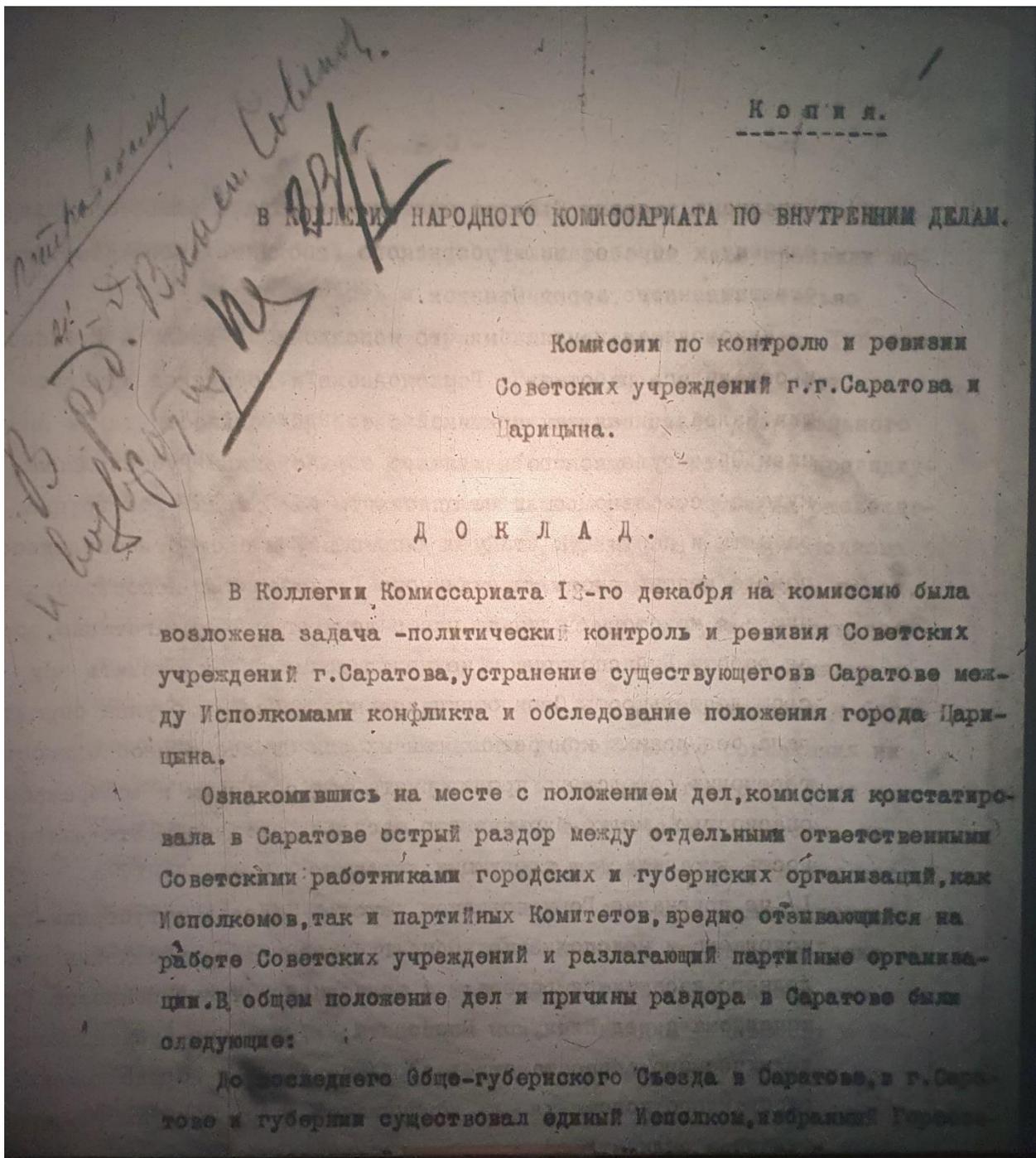
245. Яковлева, Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Ж. В. Яковлева. – Саратов. 2017. – 287 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

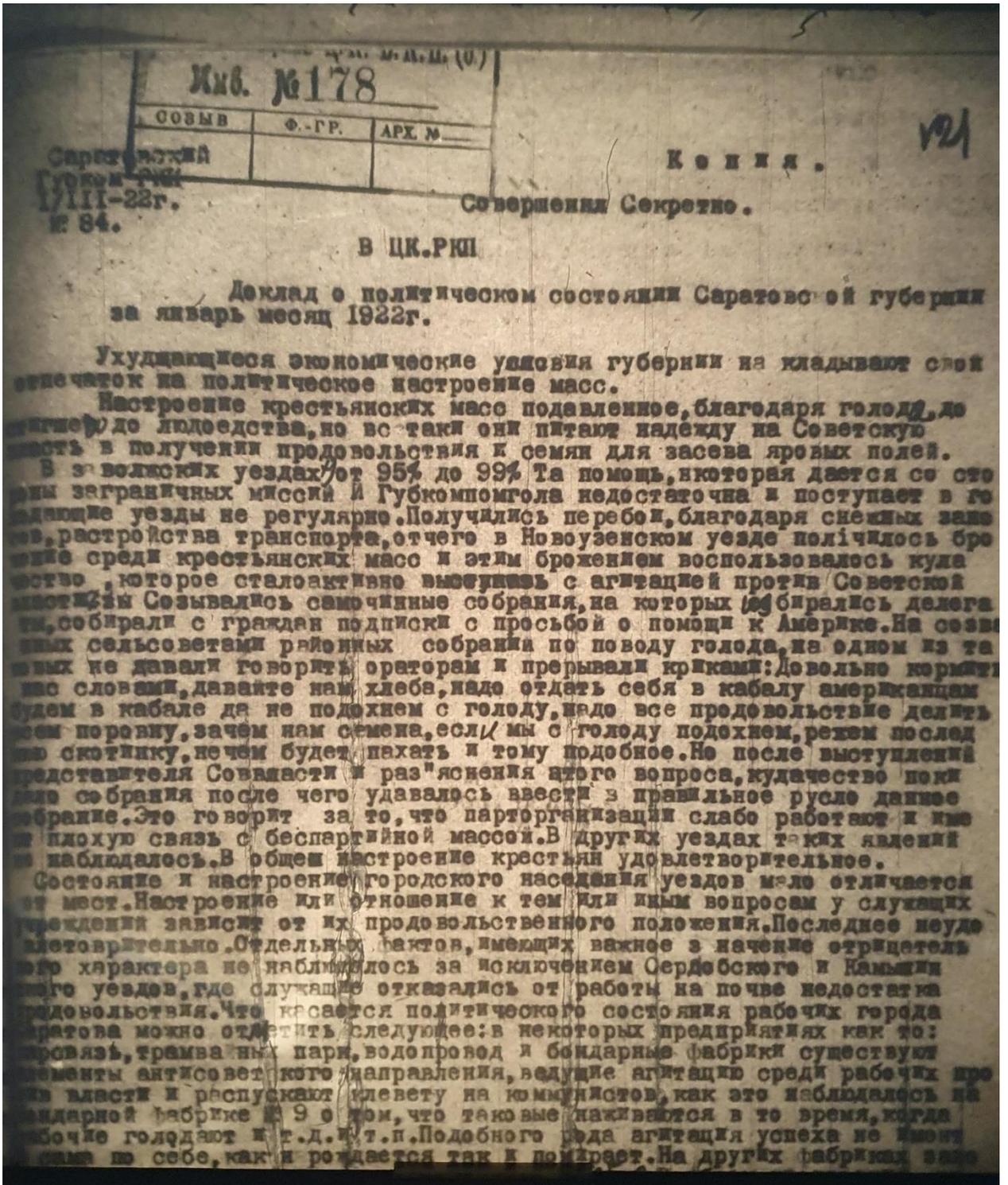
Приложение № 1⁵⁷³

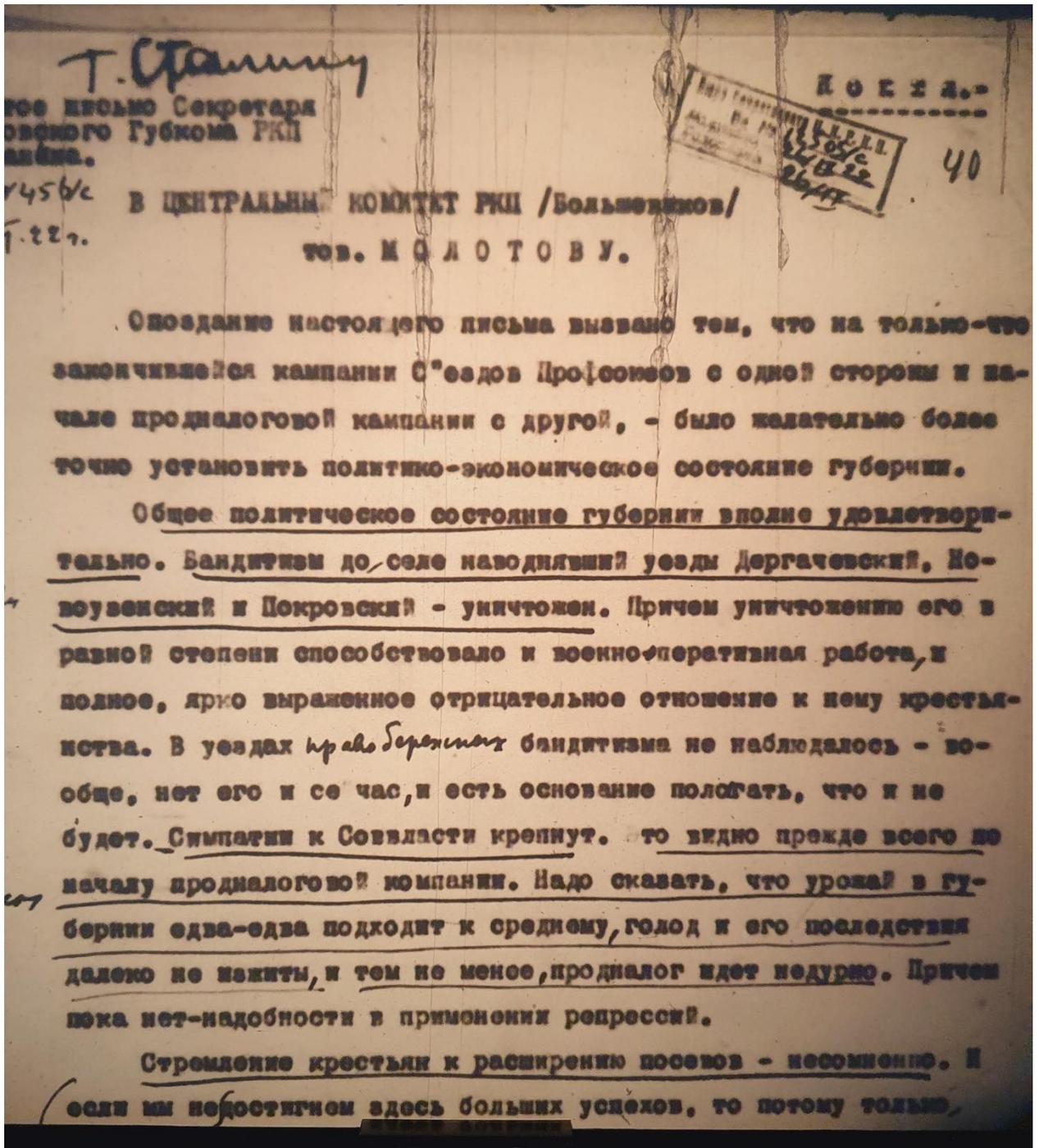
⁵⁷³ Составлено автором на основе историографического анализа.

⁵⁷⁴ Доклад в коллегию Народного Комиссариата по внутренним делам за 18 января 1919 г. (отрывок) // ГАРФ. Ф. Р-1240. Д. 71. Л.1.

⁵⁷⁵ Доклад о политическом состоянии Саратовской губернии за январь месяц 1922 г. в ЦК РКП (б) (отрывок) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л.121.

⁵⁷⁶ Закрытое письмо секретаря Саратовского Губкома РКП (б) в ЦК РКП (б) тов. В.М. Молотову за январь 1922 г. (отрывок) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д.121. л. 40.

Печатается по постановлению
Бюро Губкома РКП (б).

СЕКРЕТНО.

Всем членам и кандидатам Губкома,
ГКК, уездным, районным и волостным
комитетам, всем ячейкам, всем членам
РКП (б) Саратовской губернии.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Саратовского Губкома РКП (б)

№ 3.

Зачитывается только на закрытых
собраниях ячеек.

В 3-х недельный срок со дня полу-
чения подлежит возврату.

За период февраль—март—апрель м-цы 1925 года.

Лицом к деревне.

Сельское хозяйство.

Посевная кампания. За этот период в центре внимания партийных и советских органов в области восстановления сельского хозяйства стояла подготовка к весенней посевной кампании. В настоящее время можно подвести предварительные итоги проделанной работы.

План проведения яровой кампании намечал засеяв ярового клина размера 1924 года плюс пересев погибшей с осени площади озимых, всего—1.153.000 десятин. Центром была отпущена нашей губернии семсеуда в количестве 3.810.000 пудов семян разных культур. Отпущенными семенами может быть засеяно 56,1% площади предполагаемого ярового клина. Семсеуда отпущена из 10% сроком до осени 1925 года.

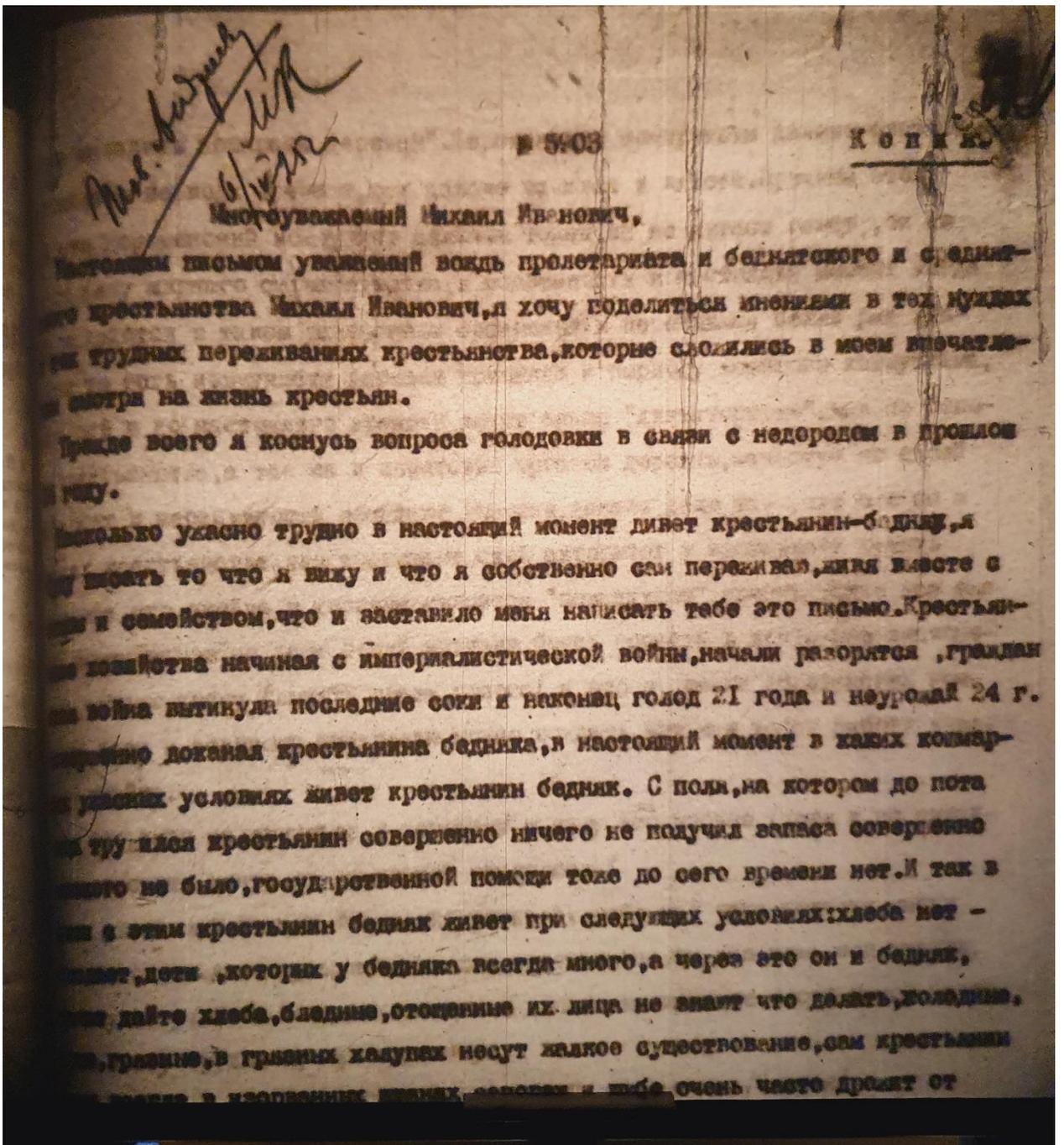
В первых числах апреля все зерно полностью было завезено в общественные амбары. Одновременно с выдачей семян на местах шла кампания очистки и сортировки семяматериала и протравливания зерна, зараженного головней, формалином. Сортирование семсеуды в общественных амбарах прошло слабо. Протравливание велось интенсивно.

Сверх плана по губернии распределено 21.800 пудов селекционных семян разных зерновых культур, которые размещены для дальнейшего размножения в совхозах и сельхозкооперативах. Сельхозбанком переданы в ссуду через первичные кооперативы до 50.000 пудов заготовленной им в губернии улучшенной местной пшеницы. Кроме того, в Камышинский уезд отправлено 41.000 пудов кукурузы.

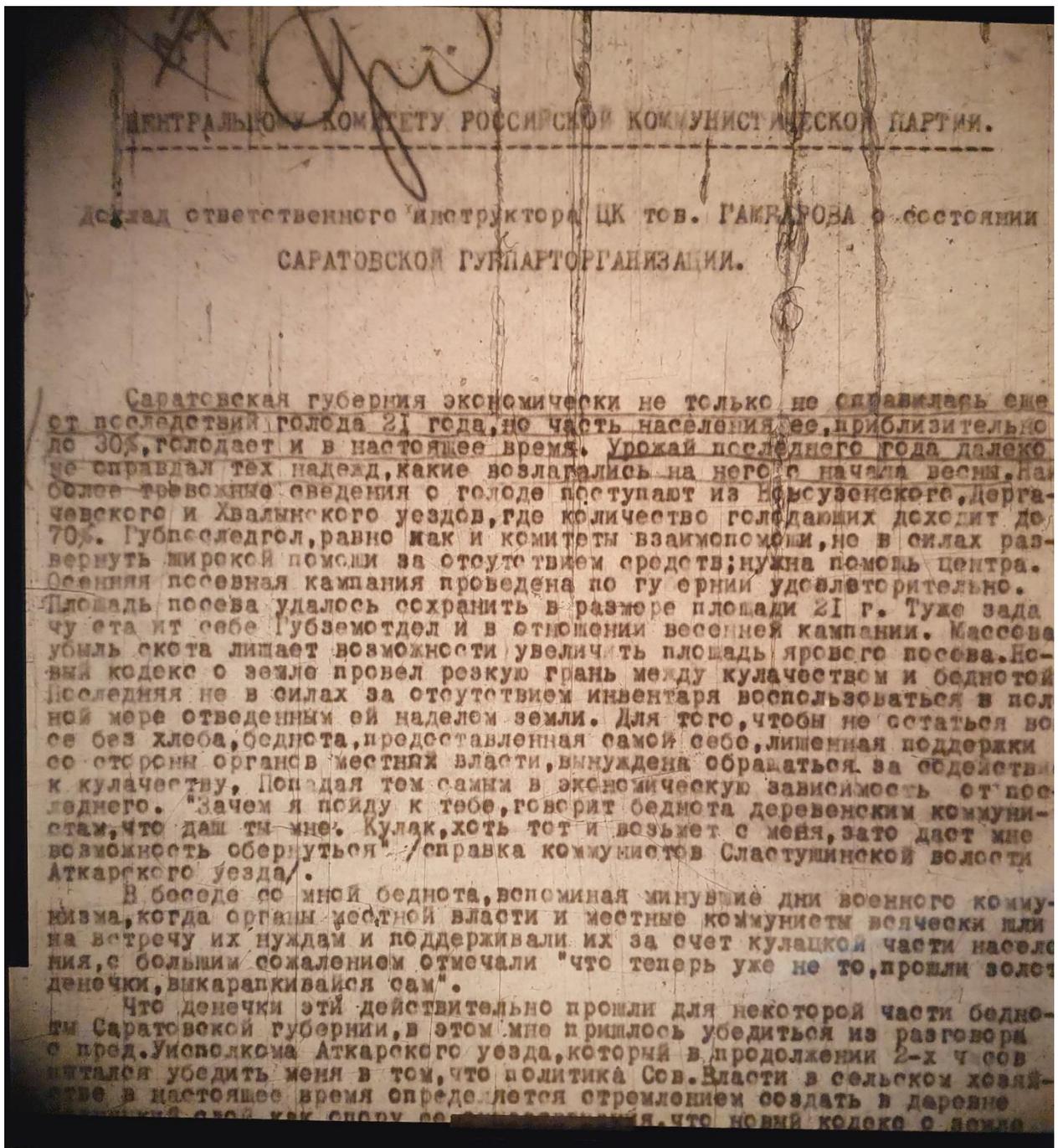
Сарсельхозсоюзом к посевной кампании распределено по уездам губернии 100 тракторов „Фордон" (дополнительно к 150 тракторам, распределенным осенью). Тракторы распределены среди кооперированного населения, а 41 из них выделены для обслуживания маломощного населения через крестьян.

Для наблюдения за правильным ходом кампании, за правильностью распределения семян по классовому принципу и правильным использованием семсеуды Губкомом были мобилированы

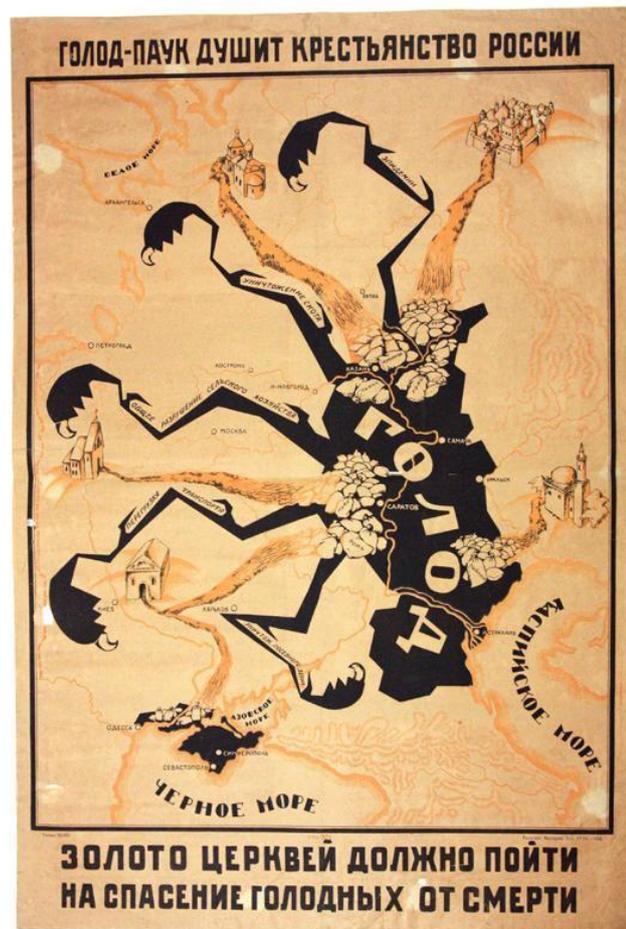
⁵⁷⁷ Информационное письмо Саратовского Губкома РКП (б) за период февраль-март-апрель 1925 г. (отрывок) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 151. Л. 9.

⁵⁷⁸ Письмо М.И. Калинин от комсомольца Р.М. Семкина. 1925 г. (отрывок) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 38. Д. 375. Л. 80.

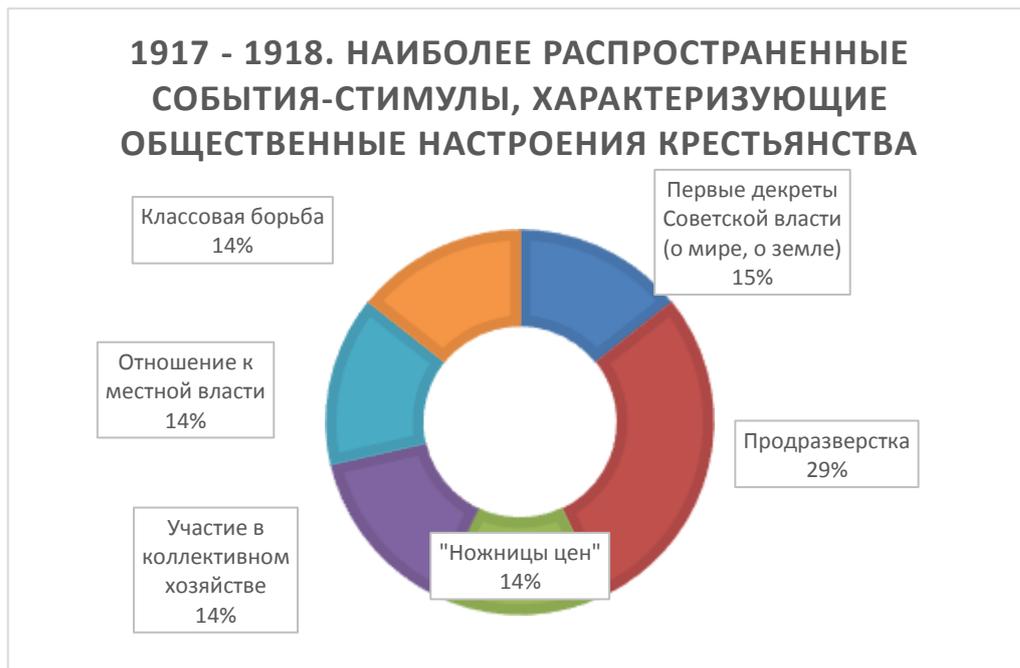

⁵⁷⁹ Доклад ответственного инструктора ЦК тов. Гамбарова о состоянии Саратовской Губпарторганизации за 1923 г. (отрывок) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 240. Л. 1.

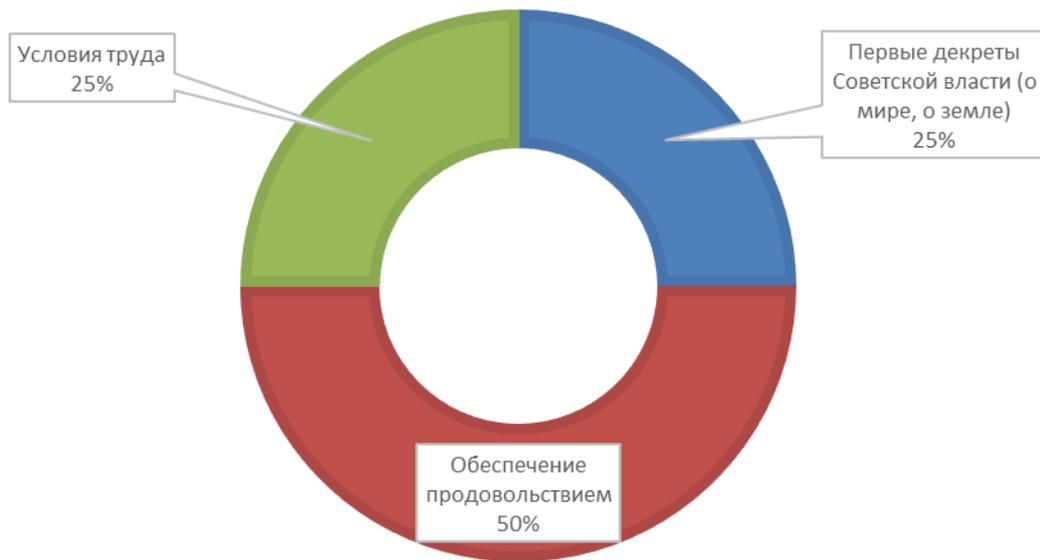
⁵⁸⁰ Моор Д.С. Один фунт церковного серебра, 25 пудов хлеба – 5 человек голодных спасены и прокормлены до августа. 1922. СМК (Саратовский музей краеведения) № 9564.

⁵⁸¹ Голод – паук душит крестьянство России. Золото церковей должно пойти на спасение голодающих от смерти. 1922. СМК (Саратовский музей краеведения) № 574

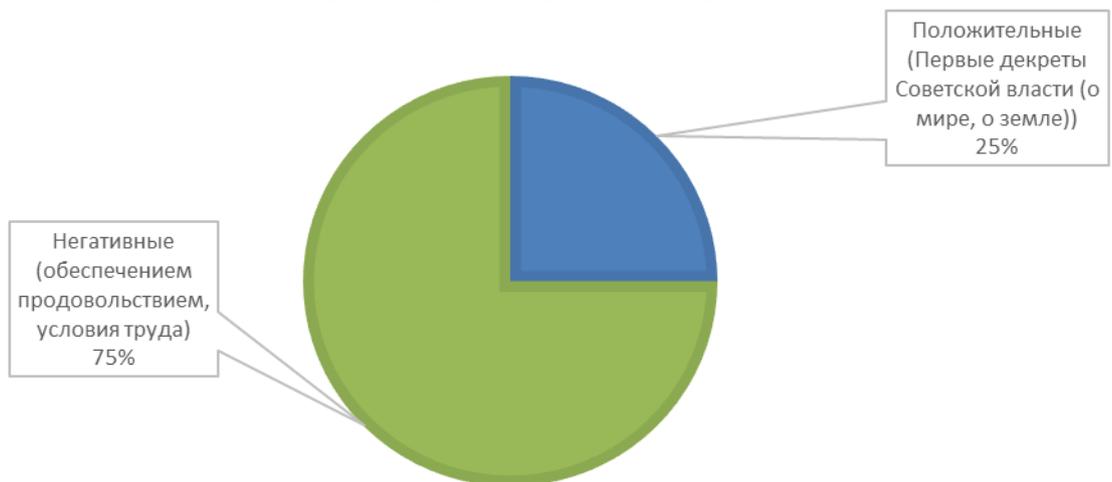

⁵⁸² Подсчитано автором на основе реакций крестьянства по материалам: ГАСО. Ф.521. Оп.1. Д.23. Л.45; Д.181. Л. 3.

**1917 - 1918. НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОБЫТИЯ-
СТИМУЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ**

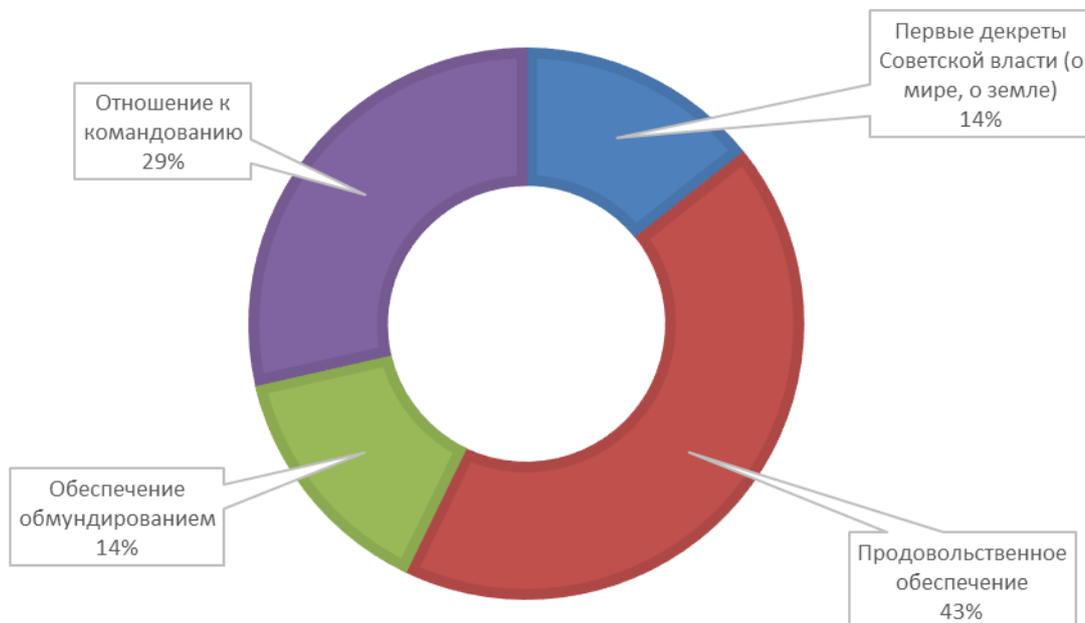

**ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И
НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ**

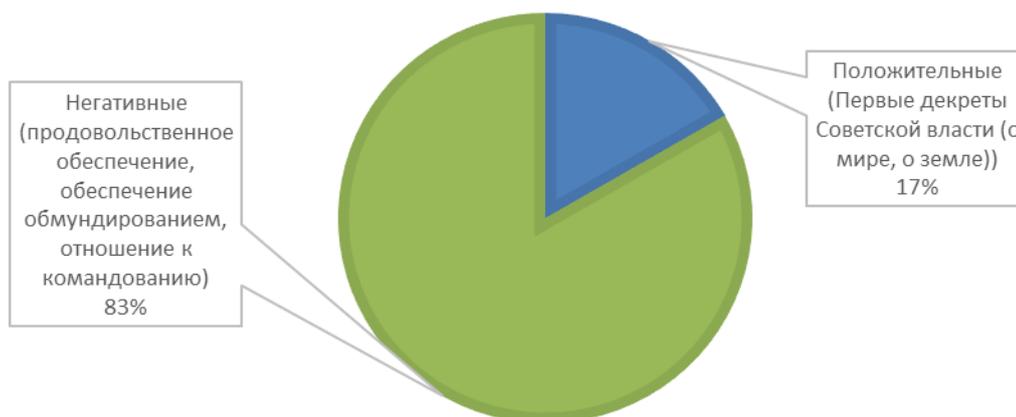

⁵⁸³ Подсчитано автором на основе реакций рабочих по материалам: Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3, ч. 1. Саратов, 2006. С.10.

**1917 - 1918. НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОБЫТИЯ-
СТИМУЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ РЯДОВОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ**

**ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И
НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ**

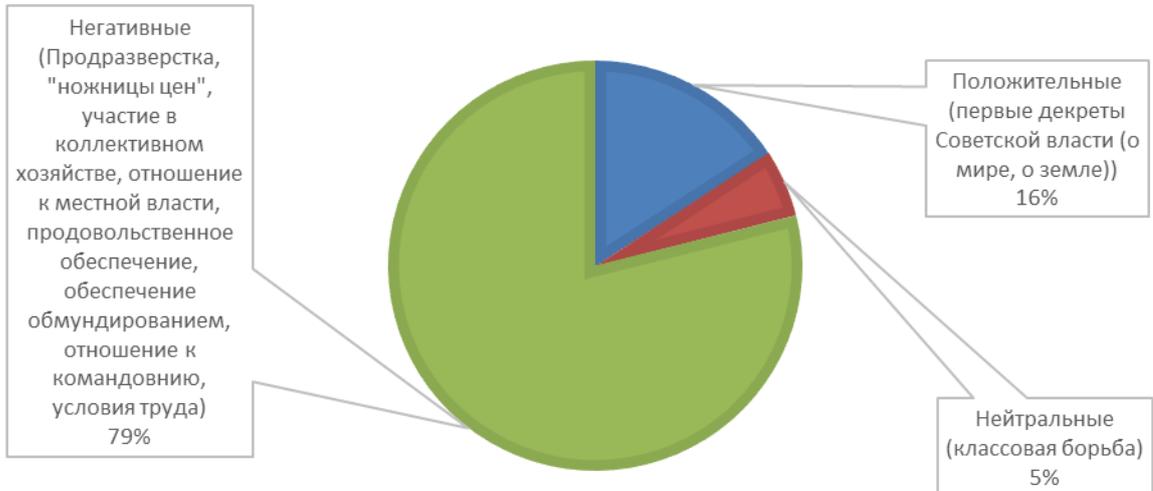

⁵⁸⁴ Подсчитано автором на основе реакций рядового состава Красной Армии по материалам: СМК ОФ № 20881/20. Социал-демократ, № 121. 25 января, 1918; Архив УФСБ России по Саратовской области. Дело арх. № 1123 Ф.1. Оп. 1. Д. 1; Выписка из газеты «Известия» Саратовского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, и Районного Исполнительного Комитета. 1918. 25 мая. № 99; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 60. Л. 69.

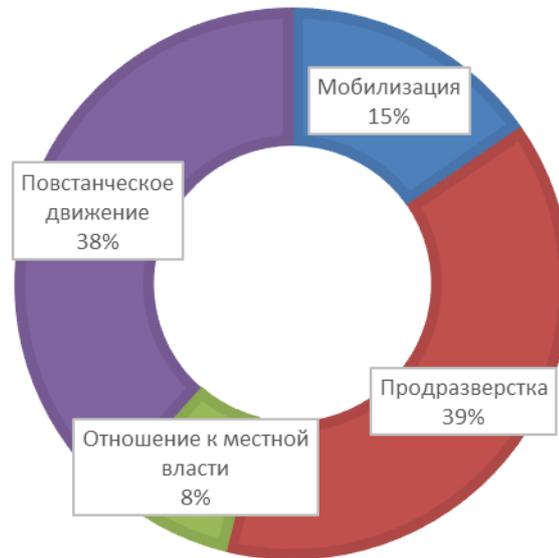

⁵⁸⁵ Подсчитано автором на основе всех перечисленных социальных групп по материалам: ГАСО. Ф.521. Оп.1. Д.23. Л.45; Д.181. Л. 3; Архив УФСБ России по Саратовской области. Дело арх. № 1123 Ф.1. Оп. 1. Д. 1; Выписка из газеты «Известия» Саратовского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, и Районного Исполнительного Комитета. 1918. 25 мая. № 99; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 60. Л. 69 СМК ОФ № 20881/20. Социал-демократ, № 121. 25 января, 1918.

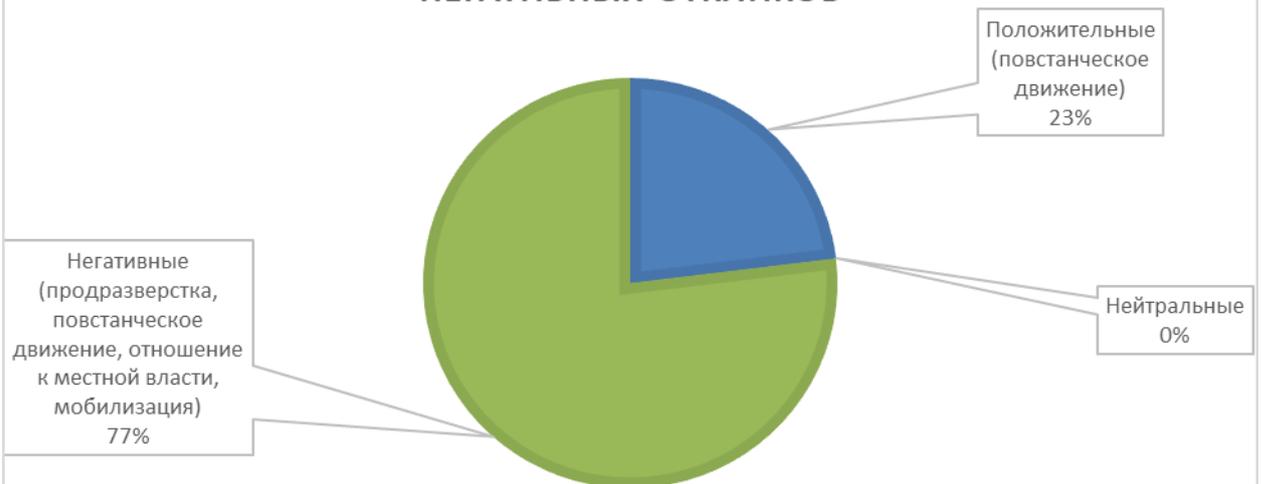
ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

1918 - 1921. НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОБЫТИЯ-СТИМУЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

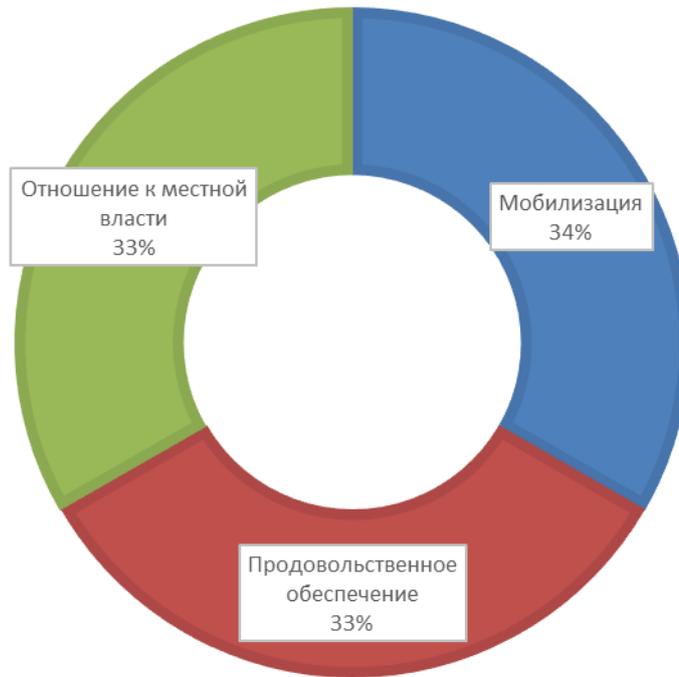

ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

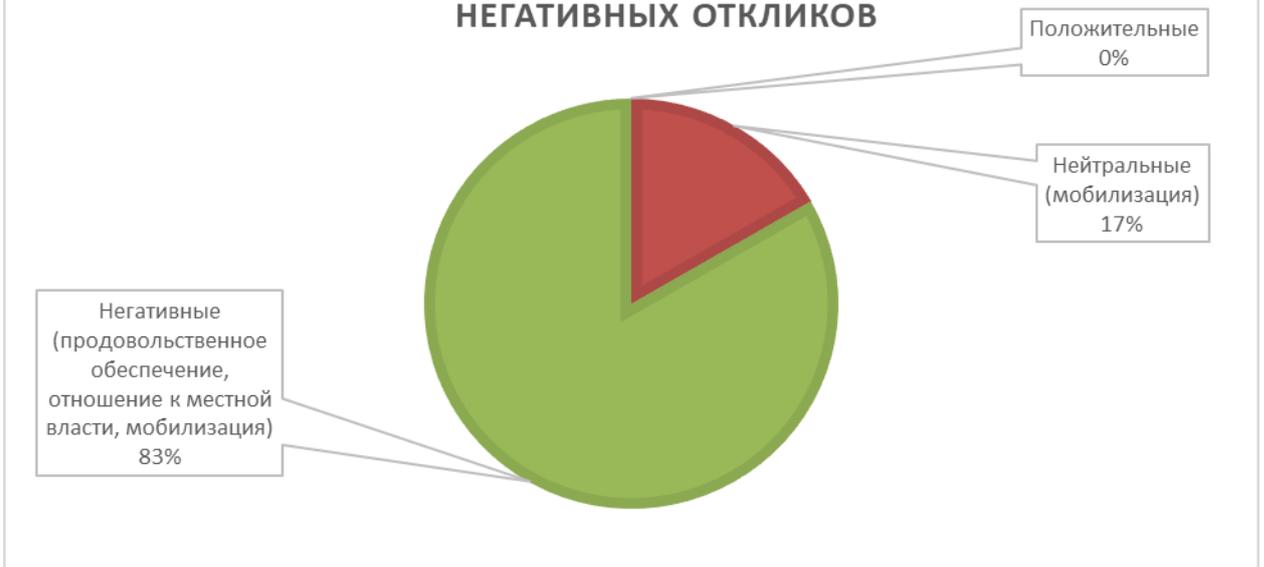
⁵⁸⁶ Подсчитано автором на основе реакций крестьянства по материалам: СМК ОФ 20881/19. Социал-демократ, № 119. 20 января, 1918; ГАНИСО. Ф.27. Оп.1. Д. 46. Л.33,34; Д. 54. Л. 53, 64, 77; Д. 63. Л. 110; Д. 196. Л. 11, об. 12; Д. 210. Л. 11, 11 об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 60. Л. 94; Д. 61.Л. 198, 199, 201; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 669. Л. 1; Д. 670. Л. 1; Оп. 4. Д. 11. Л. 19; Крестьянское движение в Саратовской губернии. 1917–1922 / Сб. документов и материалов. Саратов, 2003. С. 16.

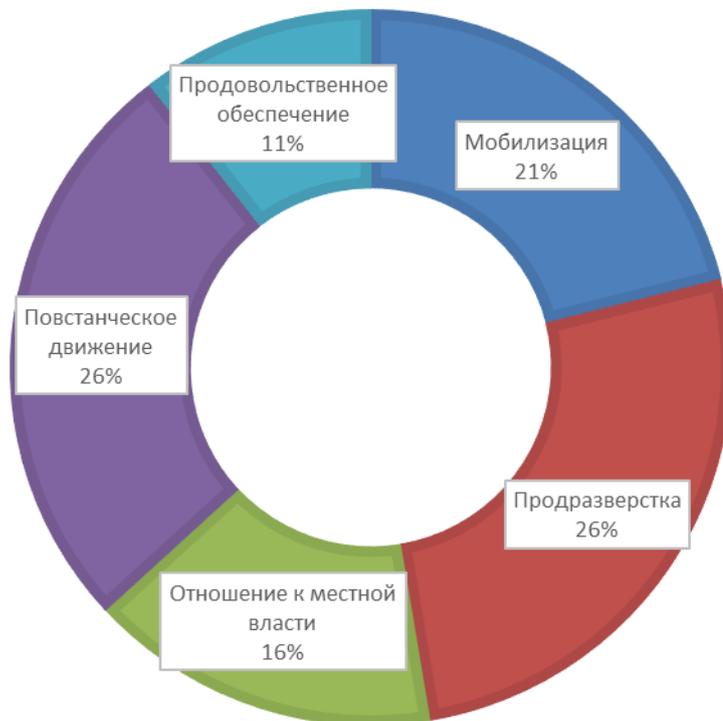
**1918 - 1921. НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОБЫТИЯ-
СТИМУЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ**

⁵⁸⁷ Подсчитано автором на основе реакций рабочих по материалам: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 278. Л.97; Оп. 65. Д. 62. Л. 126; ГАСО, Ф. 3586, Оп. 1, Д. 201. Л. 6; Д. 718. Л. 32; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Куйбышев, 1974. С. 295.

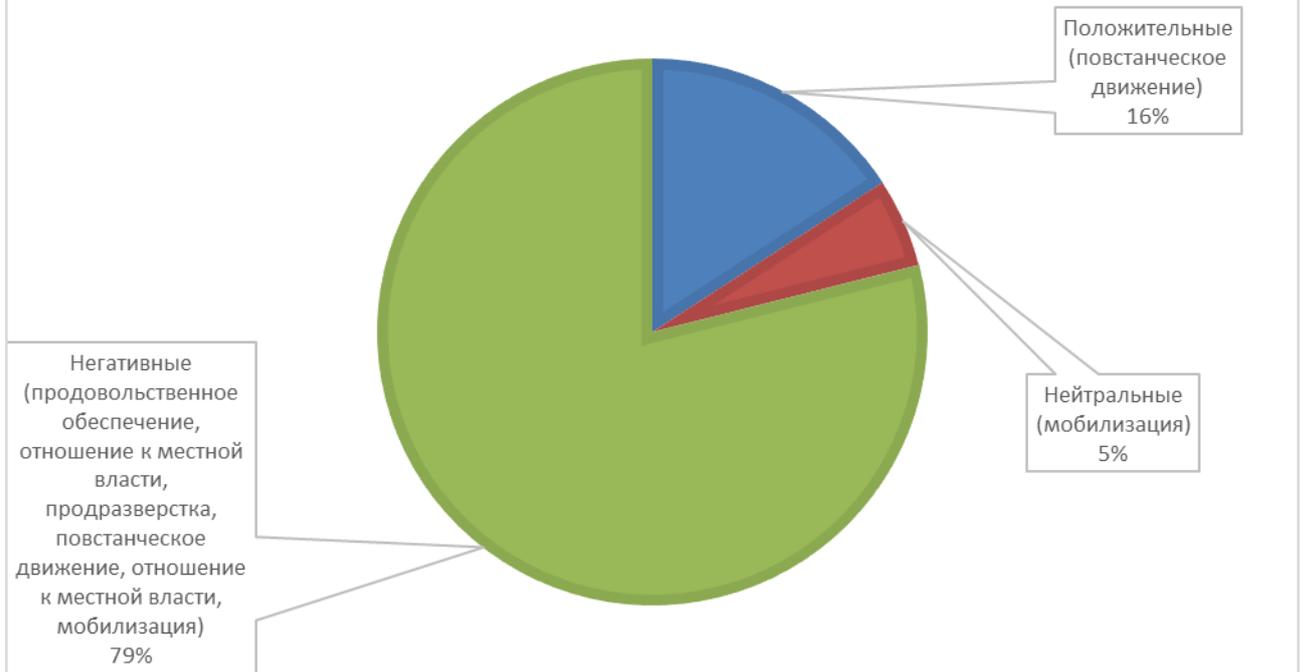
ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

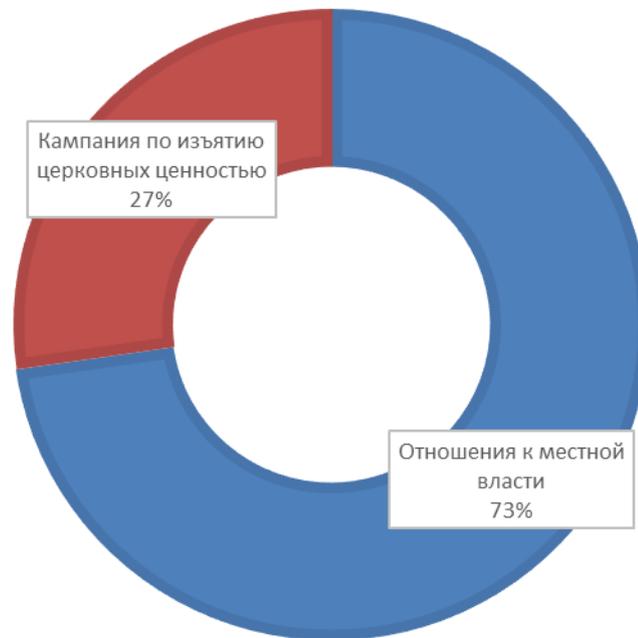
1918 - 1921. ДОЛЯ РАСПРОСТРАНЕННЫХ СОБЫТИЙ-СТИМУЛОВ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

⁵⁸⁸ Подсчитано автором на основе реакций всех перечисленных социальных групп по материалам: СМК ОФ 20881/19. Социал-демократ, № 119. 20 января, 1918; ГАНИСО. Ф.27. Оп.1. Д. 46. Л.33,34; Д. 54. Л. 53, 64, 77; Д. 63. Л. 110; Д. 196. Л. 11, об. 12; Д. 210. Л. 11, 11 об.; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 278. Л.97; Оп. 65. Д. 60; Д. 62. Л. 126. Л. 94; Д. 61.Л. 198, 199, 201; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 669. Л. 1; Д. 670. Л. 1; Оп. 4. Д. 11. Л. 19; Ф. 3586, Оп. 1, Д. 201. Л. 6; Д. 718. Л. 32; Крестьянское движение в Саратовской губернии. 1917–1922 / Сб. документов и материалов. Саратов, 2003. С. 16.

ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

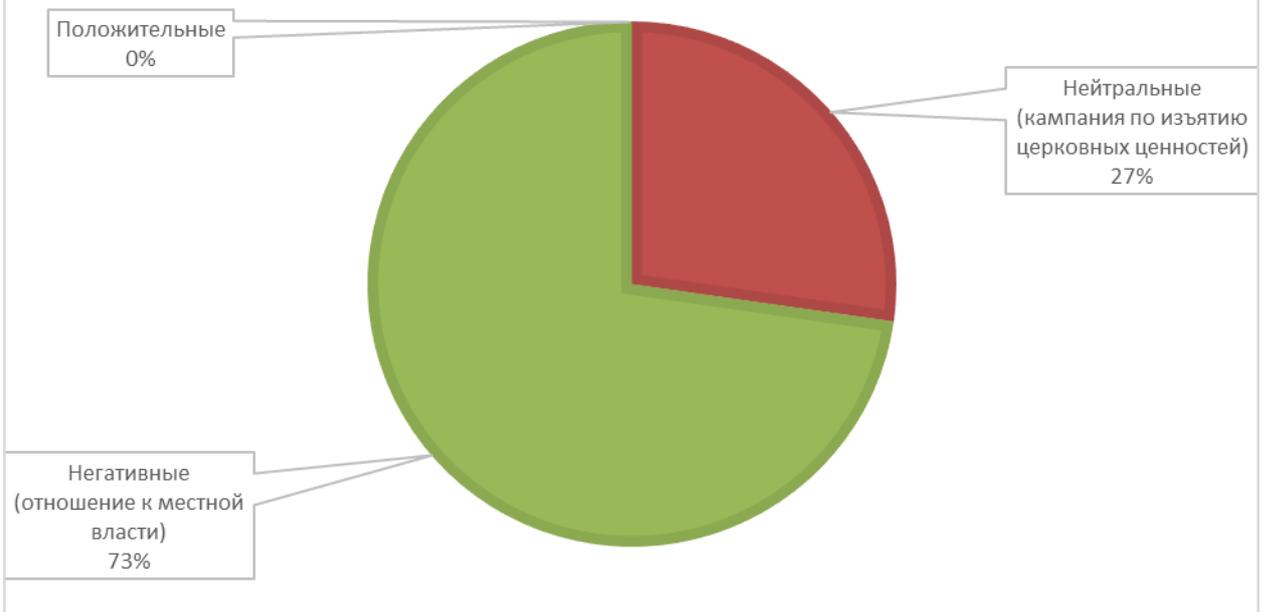

**1921 - 1923. НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОБЫТИЯ-
СТИМУЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА**

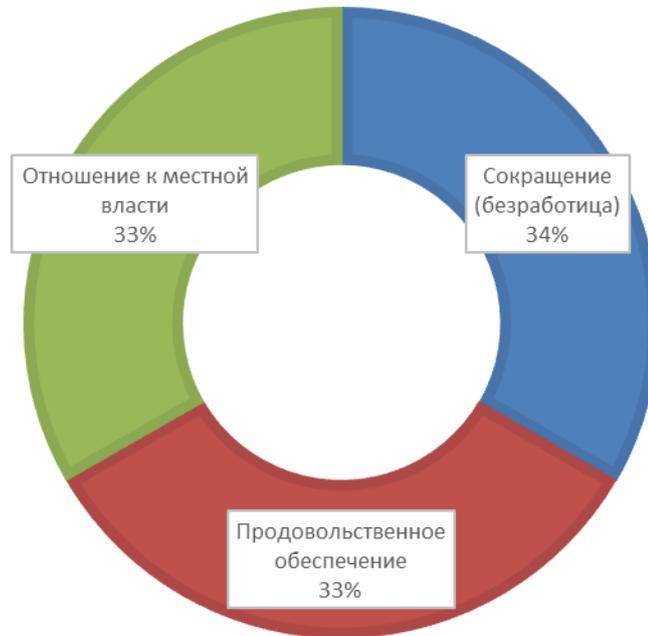

⁵⁸⁹ Подсчитано автором на основе реакций крестьянства по материалам: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 799. Л. 26; Оп. 2. Д. 832. Л. 15; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 126. Л. 120, 121, 123, 209; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 755. Л. 9; Д. 901. Л. 13–13 об.; Ф. 453. Оп. 1. Д. 1 Л. 24; ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 182. Л. 54; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 – 1939 гг. В 4-х т. / Т. 1. 1918 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 50–51, С. 593, С. 631.

ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

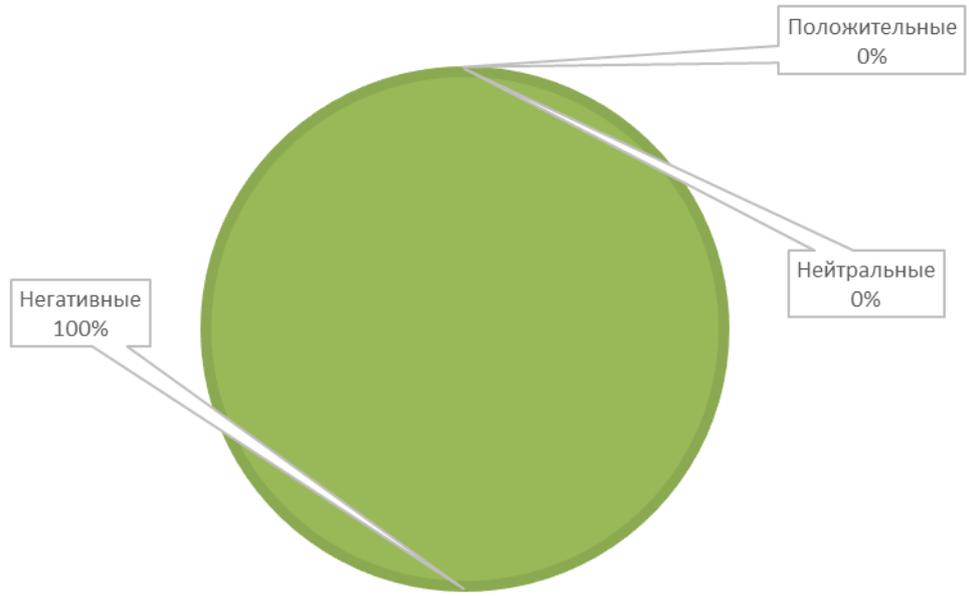

**1921 - 1923. НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СОБЫТИЯ-
СТИМУЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ**

⁵⁹⁰ Подсчитано автором на основе реакций рабочих по материалам: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120. Л. 121; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 804. Л. 97, Д. 795, Л. 61, Д. 815, Л. 58; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 901. Л. 26 об.; ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 5. Д. 79. Л. 207-208.

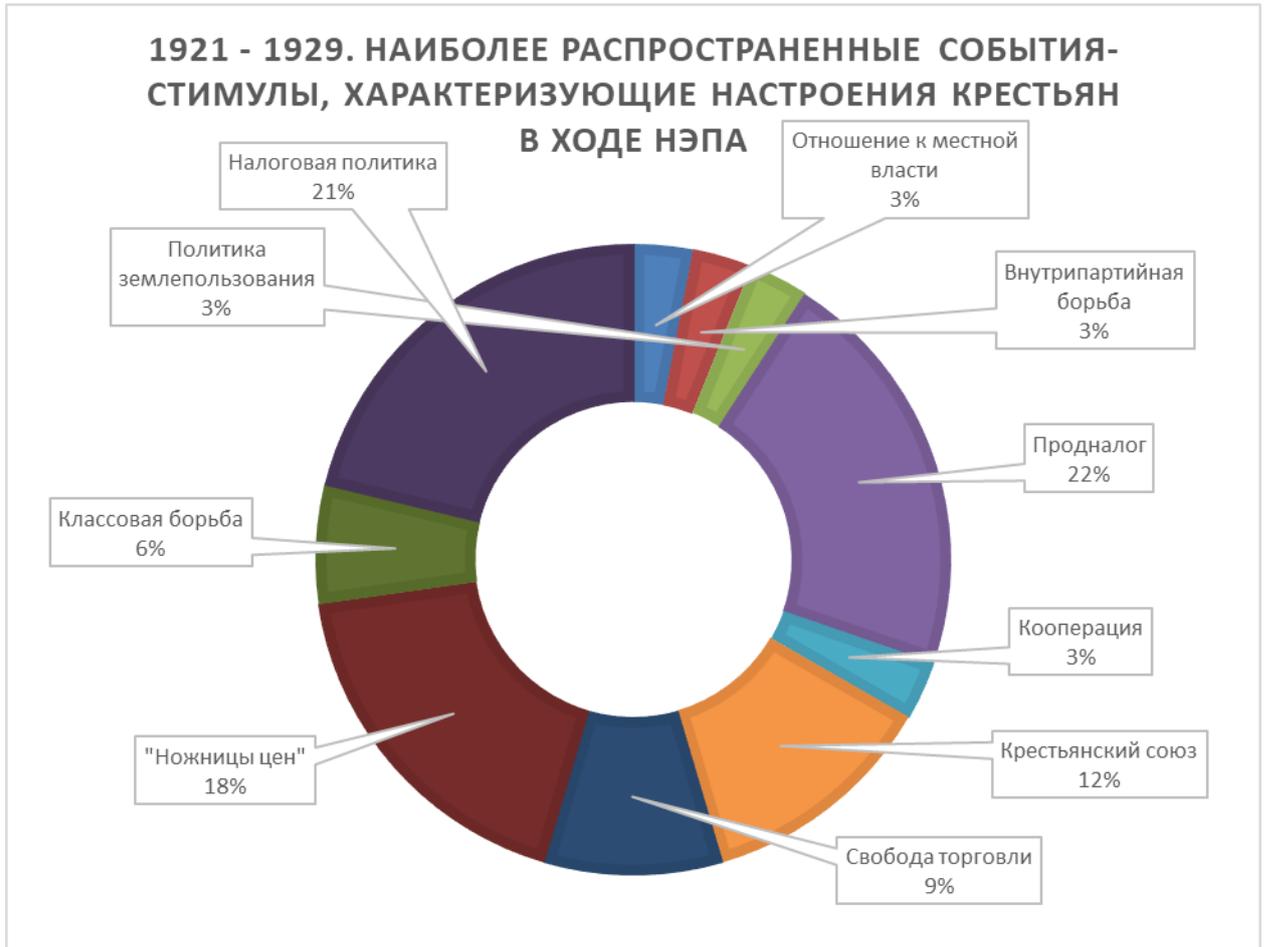
ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

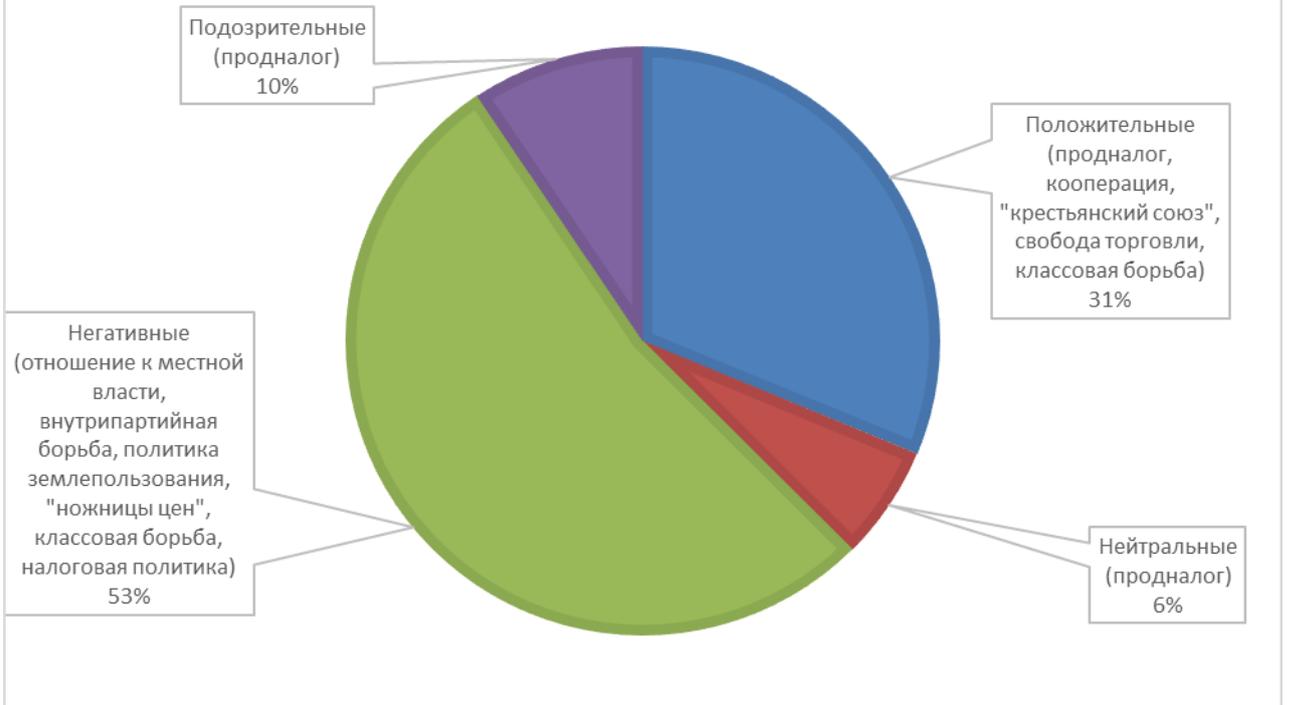
⁵⁹¹ Подсчитано автором на основе реакций перечисленных социальных групп по материалам: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 799. Л. 26; Оп. 2. Д. 832. Л. 15; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 126. Л. 120, 121, 123, 209; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 755. Л. 9; Д. 901. Л. 13–13 об.; Ф. 453. Оп. 1. Д. 1 Л. 24; ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 182. Л. 54; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 – 1939 гг. В 4-х т. / Т. 1. 1918 – 1922 гг. М.: РОССПЭН, 2000. С. 50–51, С. 593, С. 631. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120. Л. 121; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 804. Л. 97, Д. 795, Л. 61, Д. 815, Л. 58; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 901. Л. 26 об.; ГАРФ. Ф. 1064. Оп. 5. Д. 79. Л. 207-208.

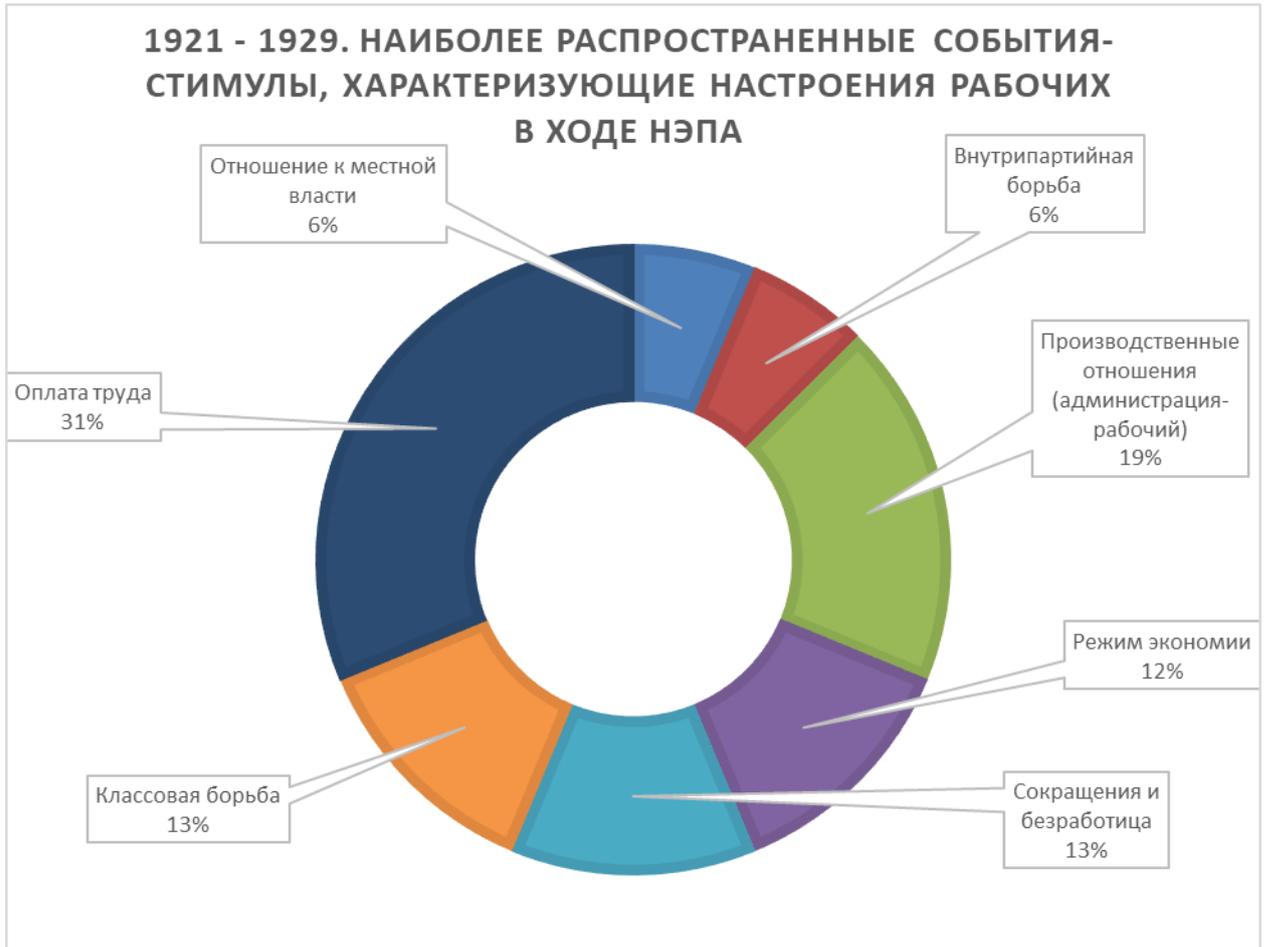

⁵⁹² Подсчитано автором на основе реакций крестьян по материалам: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120, 122, 126; Д. 44. Л. 209; Д. 103. Л. 22, 29; Оп. 38. Д. 375. Л. 80; д. 376. Л. 203; Оп. 67. Д. 149. Л. 41, 9; Д. 375. Л. 80, 102; Д. 376. Л. 70; Д. 151. Л.2; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 643. Л. 14; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1424. Л. 5; Оп. 3. Д. 142. Л.21, Д. 171. Л.1; Д. 536. Л. 41; Оп. 4. Д. 40. Л. 8, Д. 41. Л. 10, Д. 42. Л. 18, 4, 44; Д. 875. Л. 35. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45. Л. 6, 12; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД.1918–1939 гг. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М., 2000. С. 112, 631; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 109.

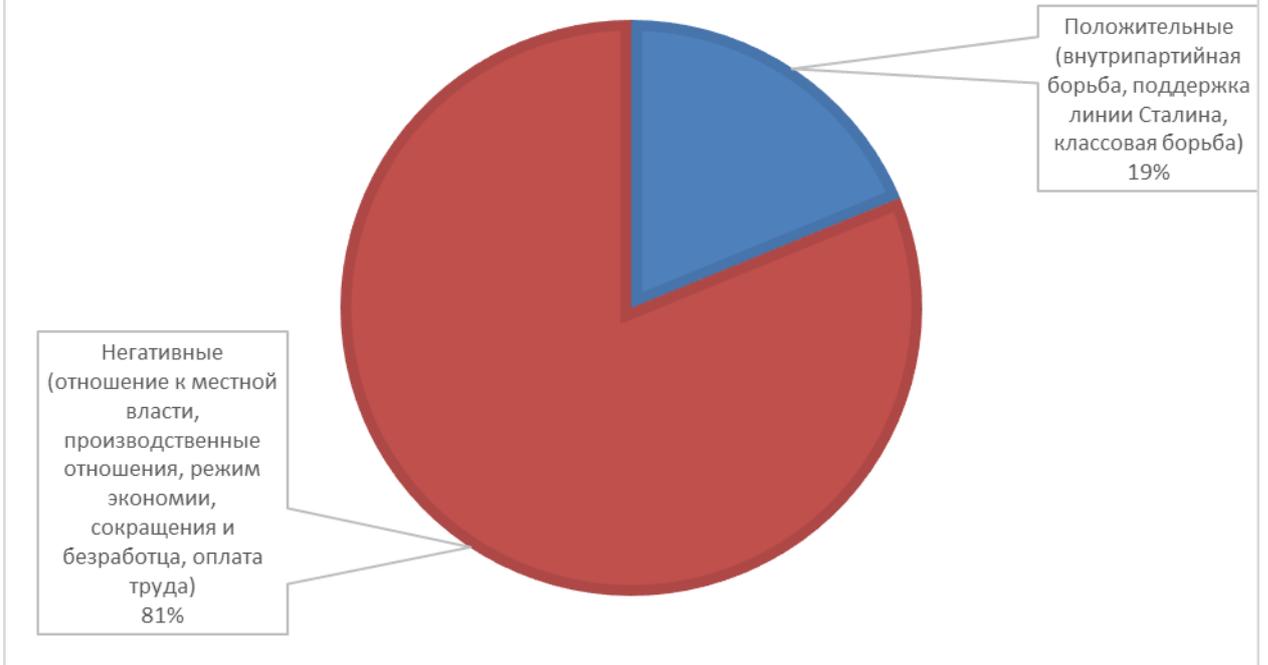
ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ, ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

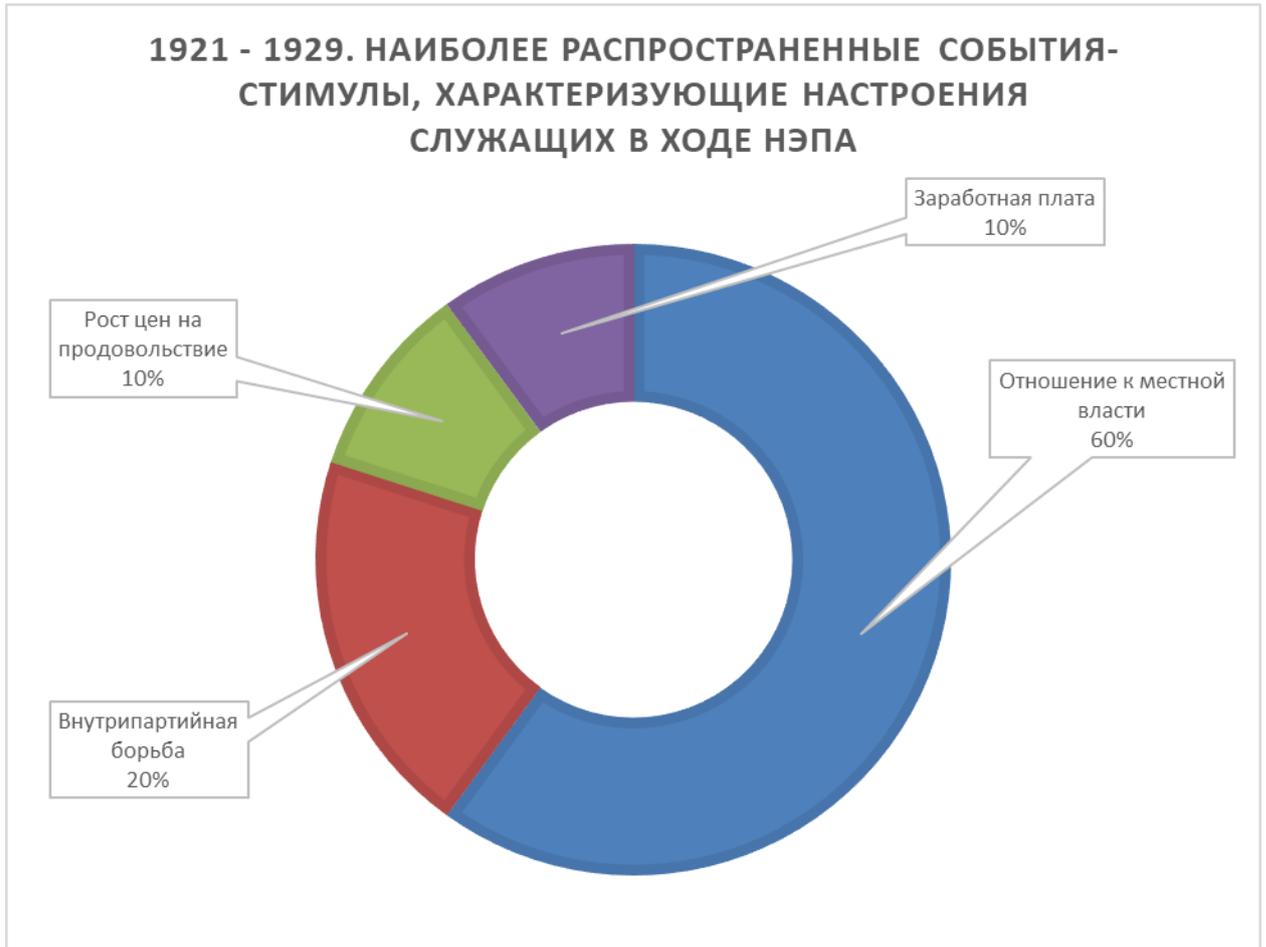

⁵⁹³ Подсчитано автором на основе реакций рабочих по материалам: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120, 122, 126; Д. 103. Л. 29; Оп. 38. Д. 376. Л. 146. Л. 63. Л. 66; Оп. 67. Д. 152. Л. 60. Ф. 610. Оп. 1. Д. 116. Л. 4, 6, 7, 11, 12, 14, 15; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 509. Л. 32, 41; ГАРФ. Ф. 6836. Оп. 1. Д. 22. Л. 23; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 – 1932 гг. М., 1997. С. 202, 215, 216 – 217.

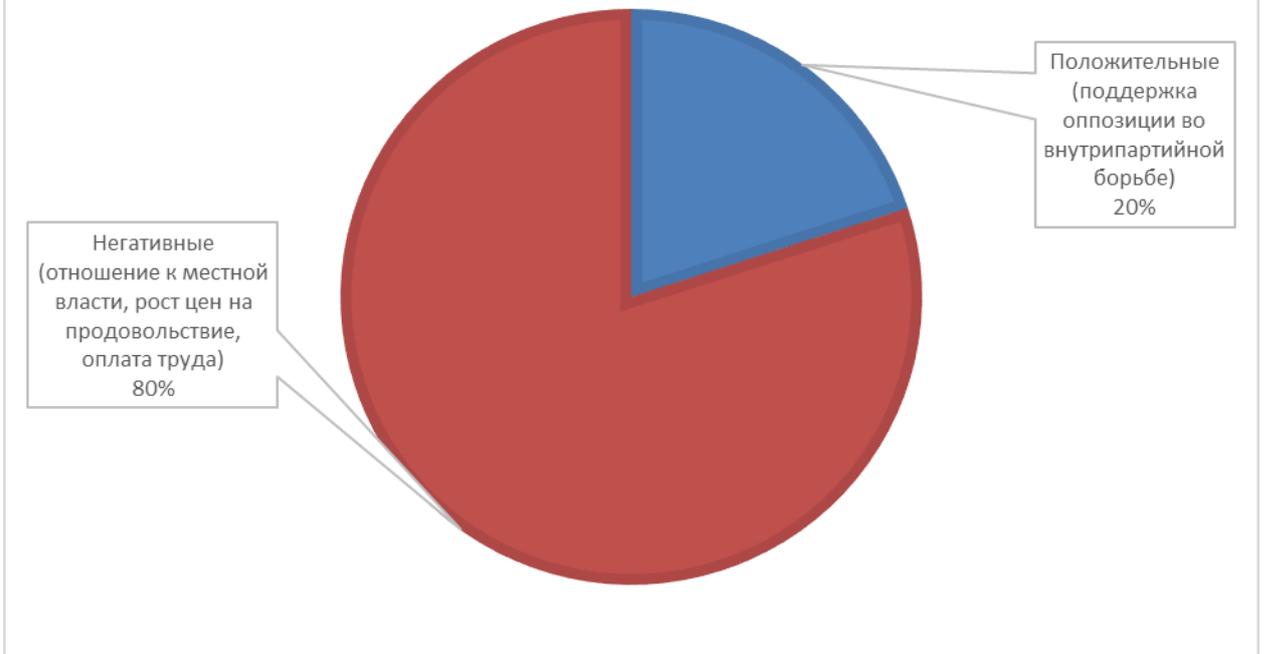
ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

⁵⁹⁴ Подсчитано автором на основе реакций служащих по материалам: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120, 122, 126; Ф. 31. Оп. 7. Д. 172. Л. 69–69 об.; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 15. Л.35, Д. 324. Л. 53 об, 60, Д. 816. Л. 91, 146.

ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

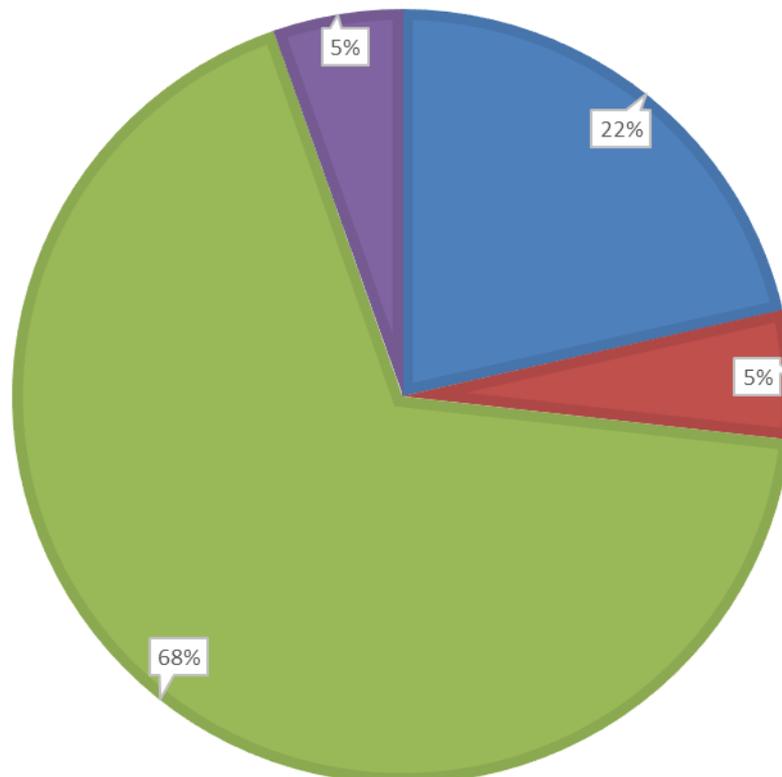

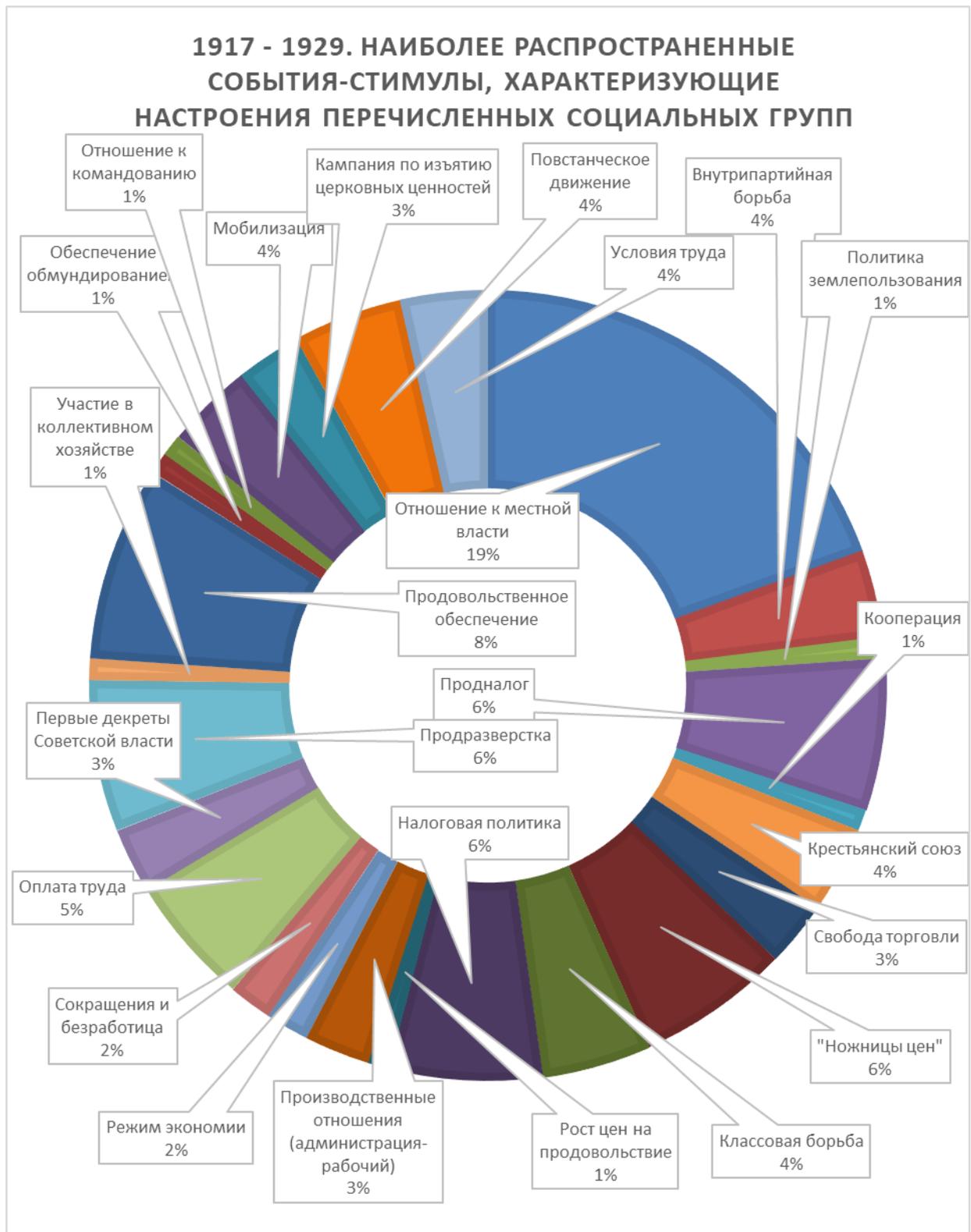

⁵⁹⁵ Подсчитано автором на основе реакций перечисленных социальных групп по материалам: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 43. Л. 120, 122, 126; Д. 44. Л. 209; Д. 103. Л. 22, 29; Оп. 38. Д. 375. Л. 80; д. 376. Л. 63, 66, 146, 203; Оп. 67. Д. 149. Л. 41, 9; Д. 152. Л. 60; Д. 375. Л. 80, 102; Д. 376. Л. 70; Д. 151. Л. 2; Ф. 31. Оп. 7. Д. 172. Л. 69–69 об.; Ф. 610. Оп. 1. Д. 116. Л. 4, 6, 7, 11, 12, 14, 15 ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 643. Л. 14; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 15. Л. 35; Д. 324. Л. 53 об, 60, Д. 816. Л. 91, 146; Д. 1424. Л. 5; Оп. 3. Д. 142. Л. 21, Д. 171. Л. 1; Д. 509. Л. 32, 41; Д. 536. Л. 41; Оп. 4. Д. 40. Л. 8, Д. 41. Л. 10, Д. 42. Л. 18, 4, 44; Д. 875. Л. 35. Ф. 55. Оп. 1. Д. 45. Л. 6, 12; ГАРФ. Ф. 6836. Оп. 1. Д. 22. Л. 23; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939 гг. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. С. 112, 631; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.. С. 109, 202, 215, 216 – 217.

ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

- Положительные № 1 (поддержка оппозиции во внутрипартийной борьбе, продналог, кооперация, "крестьянский союз", свобода торговли, классовая борьба)
- Положительные № 2 (внутрипартийная борьба, поддержка линии Сталина, классовая борьба)
- Негативные (отношение к местной власти, рост цен на продовольствие, производственные отношения, режим экономии, сокращения и безработица, оплата труда, политика землепользования, "ножницы цен", классовая борьба, налоговая политика)
- Подозрительные (продналог)

ИЗ НИХ ДОЛЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ, ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ НЕЙТРАЛЬНЫХ И НЕГАТИВНЫХ ОТКЛИКОВ

- Положительные № 1 (первые декреты Советской власти (о мире, о земле), поддержка оппозиции во внутрипартийной борьбе, повстанческое движение, продналог, кооперация, "крестьянский союз", свобода торговли, классовая борьба)
- Положительные № 2 (внутрипартийная борьба, поддержка линии Сталина, классовая борьба)
- Негативные (Продразверстка, участие в коллективном хозяйстве, продовольственное обеспечение, обеспечение обмундированием, отношение к командованию, условия труда, отношение к местной власти, рост цен на продовольствие, повстанческое движение, мобилизация, п
- Подозрительные (продналог)
- Нейтральные (классовая борьба, мобилизация, кампания по изъятию церковных ценностей)

